ISSN 0131—0097

МАЙ № 20 1991

THE WEEKLY MAGAZINE

ОГОНЁК

ЧТО НАША ЖИЗНЬ?

ИГРА!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

№ 20 (3330)

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

11—18 мая

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

«Одной ногой на земле». Фото Билли Стикленда. Ирландия (Мировое пресс-фото — 1991)

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 17.04.91. Подписано к печати 06.05.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 404. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

МИР. МАЙ... БЕЗРАБОТИЦА?

Ирина ЖУРАВСКАЯ,
специальный корреспондент «Огонька»

«Безработица — явление, присущее капитализму, когда часть экономически активного населения не может применить свою рабочую силу». **Советский энциклопедический словарь. М., 1990 г.**

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

«А вот этим пугать не надо! Ни рук, ни голов не хватает, а вы — безработица... Не смешите!»

«Замечательно. Наконец-то люди начнут трястись за свое рабочее место. А значит — вкалывать, а значит — естественный отбор. А значит — процветание. Разве не так?»

«Ну почему, объясните, почему из всех атрибутов цивилизации мы умудряемся приспособить к себе самое бесчеловечное? Тысячами нас сокращают — и тишина».

Чудной мы народ. Пугают — не страшно. Молчат — кажется, что надвигается катастрофа. И сами себя — то в жар, то в холод. Ну что я знала до этой странной затеи — командировки то ли в свой завтрашний день, то ли в наш общий? Безработица, не вообще, а у нас,— это что?

Еще двадцать лет назад девочку, что год устраивалась машинисткой, никому в голову не приходило посадить за машинку: заглянув в анкету, вежливо прощались. Безработица?

Женщина с двумя детьми, переводчик, два года при полуголодном пайке, ищущая работу на полдня. Безработица?

Парня, вернувшегося «из мест», с очередным направлением выпроваживает очередной кадровик. Безработица?

Экономист из аппарата, переживший за последние три года два сокращения, которого отчаялись устроить все родные и близкие, пристроился вахтером. Безработица?

Да полно, это так — отдельные граждане великой страны. Для прочих что-что, а поголовную занятость (или скрытую безработицу) государство обеспечивало. И «отдельным», не гонялись бы за чистой работенкой, мест бы хватило. Какая тут безработица?

Но «отдельных граждан» становилось все больше. Путаясь в определениях и цифрах, официальным ведомствам признать безработицу все-таки пришлось. А по прошествии некоторого времени был сделан и поистине исторический шаг. В этом январе Верховный Совет СССР принял первый, как его называют, рыночный документ — «Основы законодательства Союза ССР и республик о занятости населения».

Итак, слово найдено. Что дальше?

Воспоминание о будущем, или новое — всегда хорошо забытое старое? И новой бирже труда уже грезятся черты собственной бабушки? Можно вспомнить, можно даже перенять опыт. Можно достать в архиве пожелтевшие фото и поставить в ряд с сегодняшними. Так, для контраста. Завтра бы их не перепутать...

ОЧЕРЕДЬ ТАМ НЕ СТОЯЛА

— За окном, видите, площадка. Иногда кажется: выгляну, а там темно от народа. Думаете, фантазия? Дай-то Бог!

В будущие очереди на биржу труда пока не сильно верят и сами ее сотрудники. Но есть нечто едва уловимое в атмосфере этих маленьких районных отделений службы. Тревога? Неуверенность? Ожидание? Чего? Массовой безработицы? Или просто 1 июля? Дня, который поделит нашу жизнь на две части — до официально зарегистрированной безработицы и с ней. С этой даты начнется регистрация лиц, ищущих работу, с нее — отсчет срока для выплаты пособий по безработице.

Впрочем, и тревога, и ожидание возникли не сегодня, не вчера и не на пустом месте.

— Мою организацию фактически ликвидировали. Я инженер-строитель. Увы, вакансий нет. Предлагали на завод — сходил. Но что я в машиностроении понимаю... В 42 года, отец семейства, оказался на шее у жены...

— У нас сократили две трети сотрудников. Летом, говорят, остальных уберут. Да нет, жалеть особо не о чем. Я инженер-гидравлик, получала 170 рублей. Что за деньги? Муж вот, правда, последний раз зарплаты не принес, у завода денег нет... А, устроюсь я на работу. Уверена. Хуже-то не будет...

Компьютер действительно подобрал ей что-то, не слишком похожее на гидравлика, но даже с большей зарплатой и в приличном районе. Записан адрес, хлопнула дверь. Вернется? Кто знает! Следующий... Ни одной фамилии я не назову, известность здесь никому не нужна.

Сокращение, реорганизация, ликвидация. Все потерпевшие должны явиться в районные центры занятости, встать на учет и искать работу. Можно самостоятельно, можно со службой. Сокращенные, не явившись, рискуют потерять выходное пособие за третий месяц, «ликвидированные» ничем не рискуют, все равно получат. Странная дискриминация, одинаково досаждающая и клиентам, и сотрудникам, но, к счастью, с 1 июля отмененная.

Как бы то ни было, именно здесь, в районных центрах занятости (бывших бюро по трудоустройству), сталкиваются два с каждым днем нарастающих

потока. Кадровики приносят списки увольняемых, а те, чьи фамилии там проставлены,— свои паспорта и трудовые. Последняя точка в старой жизни. Первая в новой? Если будет. Потому что третий и главный поток, от которого сие зависит, увы, с такой же скоростью убывает. Все меньше заявок, все меньше вакансий, все задумчивей компьютер. А что от него ждать, если, как мне рассказывали в одном из центров, в прошлом году заявок на ИТР было 700, а теперь 240, хотя желающих найти работу чуть не вдвое больше.

Ну что вы, не верится!.. Ладно, сокращаются НИИ и конторы разнокалиберного управления, реорганизуются тресты. Но ведь и «почтовые ящики» уже отправляют в отпуска людей — работу искать. 600 тысяч рабочих мест в легкой, текстильной промышленности оказались под угрозой высвобождения. Пока ждут сырья и валюты. На сколько хватит? А уволенные в запас и отставку? А морфлот — самая стабильная в кадровом вопросе отрасль — не может занять высочайшего класса специалистов. Сокращают ветеринаров и кинологов, программистов и экскурсоводов, переводчиков и плановиков... Тех, кому до пенсии еще полжизни, и тех, кому лишь год, четыре месяца...

Когда-то на заре перестройки мы радостно подсчитывали: высвободятся 16 миллионов пар рабочих рук, а мы их — в непроизводственную сферу, а мы их — в бытовку и торговлю... Могли ли знать, что едва не самые большие сокращения в этом году придется пережить торговле. Оставшиеся продавцы, правда, душевней не стали.

НЕ НАДО ПЛАКАТЬ, НЕ НАДО СМЕЯТЬСЯ

— Вы когда-нибудь теряли работу? Вот так, просыпаетесь утром, а идти некуда и незачем. Теперь ведь работу потерять — не только без зарплаты остаться. Нас сначала закабалили — «заказами», садиками, талонами,— а теперь вдруг от всего свободны. Зашла в профком, говорю: ярмарку хоть нам на прощание устройте. Сунули талон на сумку, и пошла. Никому не нужна. Во-первых, женщина, во-вторых, двое детей. В-третьих, экономист. Ничем мне это бюро не поможет. И муж еще ушел. Хоть в петлю. Может, на бухгалтера пойти поучиться, а? Так везде опытных ищут, лучше из главных. Поздно мне. А я ведь, знаете, до последнего не верила. Подруг сокращали, знакомых, так ничего, рано-поздно пристраивались. Обойдется, думала...

Компьютер ничего не нашел. «До свидания, загляните через неделю». Хлопнула дверь. Следующий!

В конце концов все можно объяснить: управленцев слишком много, ИТР слишком много, обороны слишком много. Чего ждать, если свыше 70 лет административная система нацеливала каждое предприятие на экстенсивный путь развития? Что впадать в истерику, если безработица — неотъемлемая часть цивилизации, возможность для общества разумно откупиться (слово не нравится?) от лишних рук и пока не требующихся голов? Естественная реакция здорового организма. Но когда безработица **до** рынка и **без** перепроизводства, так ли естественна будет реакция воспаленного организма? И главное — готовы мы к ней?

Неблагодарное занятие в данной ситуации давать прогнозы. Но Игорю Заславскому деваться некуда, генеральному директору Московской биржи труда положено глядеть вперед.

— Не надо плакать, не надо смеяться, надо понимать. Если в Москве, как и везде, кризис, хозяйственный развал, сокращение административного аппарата будет продолжаться, мы ожидаем, что к концу года под угрозой будет занятость от 800 тысяч до миллиона человек. 20 процентов работающих. А у меня уже сегодня на одного рабочего — две вакансии, на двух ИТР — одна.

В принципе слово «развал» объясняет все почти так же доступно, как «рынок». Рынок — читай: безработица. Развал — читай: то же самое. Лучше бы, конечно, первое. Да, видно, пока не судьба.

— Я теперь по ночам не сплю. Как же так — 24 года в одной лаборатории, и специальность ведь редкая — не буду называть — в строительстве, а вдруг — сократили! Но потом успокаиваться стала. Что делать, такое в стране положение. Нельзя, выходит, без жертв. Придется потерпеть. Вы думаете, надолго это?

Потерпеть — это хорошо. Главное, знакомо. Но, может, и на этот раз за кризис, за разруху, за сопротивление старой системы и эксперимент по выживанию для новой расплачиваться назначили все тех же крайних? Что стоит предприятию сегодня сократить сотню, другую работников. Три месяца средней зарплаты — выходное пособие, и прощай.

Это там, во Франции где-нибудь, выгоднее платить за профконсультации и переподготовку своих работников, нежели их уволить. Суммы выходных пособий велики, профсоюзы по судам затаскают, престиж фирмы упадет.

Нам не до престижа. Хотя, будем справедливы, предприятие обязано будет платить за переподготовку сокращенного работника, если в течение предыдущих двух лет не смогло ему предоставить этой возможности в собственных стенах. А с 1992 года все предприятия определенный процент с фонда оплаты труда должны будут направлять на переподготовку. Так что, возможно, выгода свое слово скажет. А Мосгорисполком между тем уже вынужден приостановить массовые увольнения до 1 июля.

НАДЕЖДЫ НА БИРЖУ ИЛИ БИРЖА НАДЕЖД

— Вот представьте,— говорит мне Заславский,— огромный операционный зал, вроде Центрального телеграфа. Витрины с открытой информацией. Столики консультантов, стойки представителей фирм-работодателей. Ищи, смотри, определяйся. Сам не нашел — пожалуйста, к консультанту. Здесь тестирование, там компьютер. Тут список учебных заведений для переподготовки, там — пособия. Вот это биржа труда. Это — дело.

Всегда есть о чем помечтать советскому человеку. Теперь, например, о бирже труда. Чем мы с Заславским и занимаемся.

— Наша Московская биржа труда — это фактически муниципальная служба, которой достались в наследство бывшие бюро по трудоустройству. С февраля должен формироваться государственный фонд содействия занятости, но пока его нет. Районные отделения так и существуют на хозрасчете, то есть кормятся от договоров с предприятиями, которым нужно занять свои вакансии. Откуда тут возьмется своя система переподготовки для взрослых — ведь у нас в стране даже профориентации для них никогда не было? Нужна информационная система, биржевая газета. Около 20 тысяч человек, возможно, придется занять на общественных работах.

Для непосвященных поясню: во всем цивилизованном мире часть необходимых обществу, но не слишком привлекательных обязанностей берут на себя службы занятости. Финансируют дополнительные рабочие места, определяя туда своих подопечных безработных. Именно это могло бы помочь и нам забить внушительные прорехи городского и коммунального хозяйства. Но пока у службы занятости на это нет средств. Ей бы с пособиями справиться, с регистрацией. Чтобы ждать от нее реального влияния на рынке труда, прогнозирования и подлинной социальной защиты, только ее собственные размеры придется увеличить раз в десять. И специалистов найти — психологов, социологов, профориентаторов. И помещения подыскать, не эти убогие конторки, в которых 2—3 женщины обслуживают районы по 500 человек.

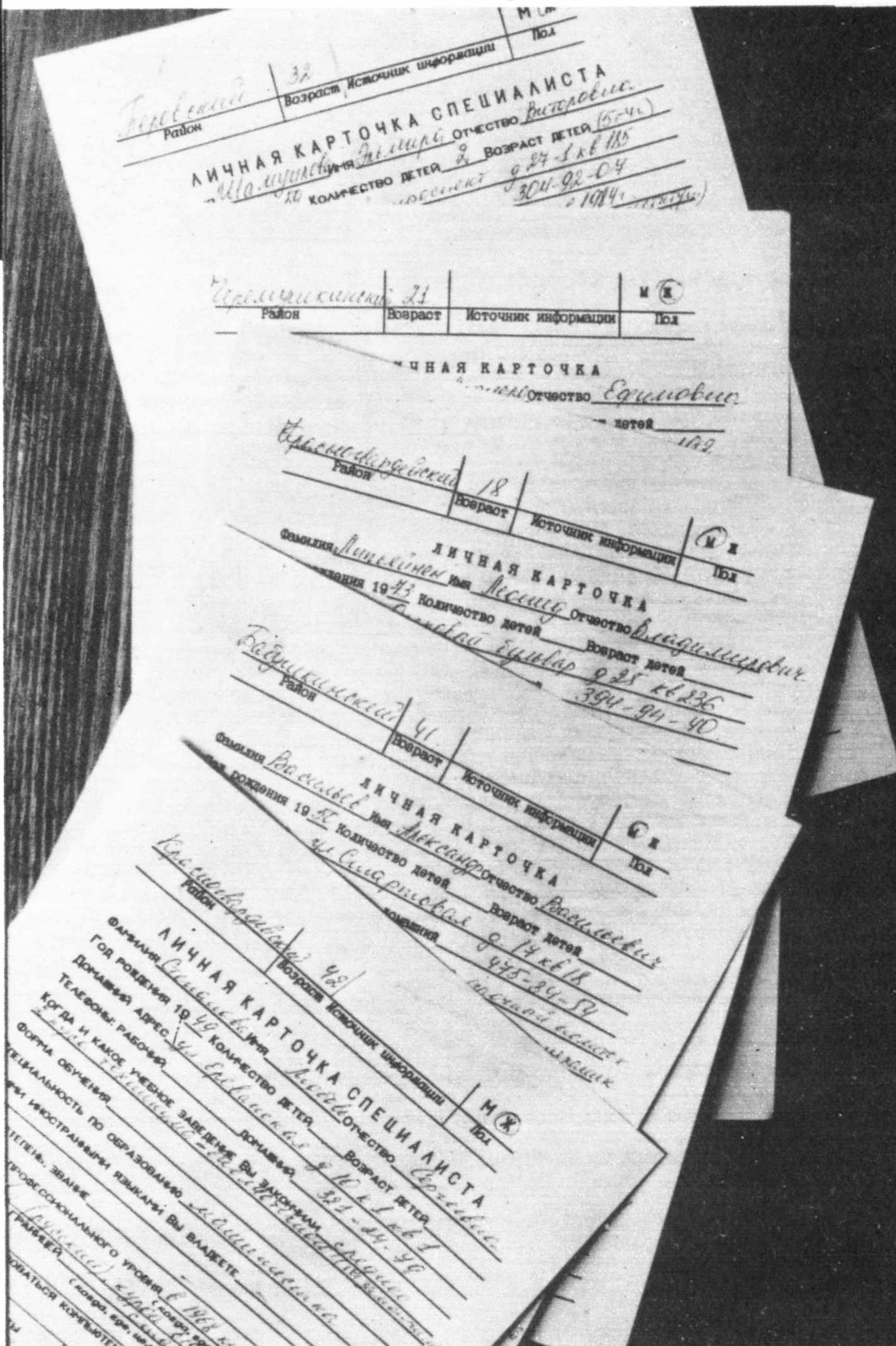
Ничего нового мы не придумаем. Все это уже десятилетиями проверено мировой практикой и, наконец, предусмотрено в нашем законе. Однако, повторю, государственного фонда содействия занятости пока как такового нет. Нет и законов прямого действия в республиках, кроме Казахстана. А по данным Госкомтруда СССР, только с 1 июля в службу занятости могут обратиться 4—5 миллионов человек...

НАШ ПАРОВОЗ — КУДА ЛЕТИТ?

— Надо бежать впереди паровоза, это ясно. Беда в том, что в любой момент поворот стрелки путь паровоза может изменить. Не угадаем как — прогорим.

Владислав Седленек, один из руководителей общества труда и занятости «ТРИЗА», отвечает именно за это — угадывает путь. Сложная задача в эпоху тотальной беспомощности стрелочников.

Общество «ТРИЗА» службе занятости не конкурент. В чем-то дополняет, в чем-то может помочь. В Москве уже восемь районных отделений, где каждый диспетчер на приеме и телефоне заполняет до 80 анкет в день. Помощь в трудоустройстве для самих клиентов бесплатна, но предприятие, заключив с «ТРИЗОЙ» договор, фактически пере-

кладывает на ее плечи свои кадровые проблемы. Многие руководители видят здесь вполне выгодное сотрудничество. Скажем, завод имени Владимира Ильича, отчаявшись заполнить места на штамповке, воспользовался услугами «ТРИЗЫ». Фирма поставила временных рабочих, полностью за них отвечает, в любой момент готова заменить уволившегося и даже зарплату из средств, перечисленных предприятием, платит сама. Такой своеобразный подряд.

Оказывается, желающих временно подработать у нас немало. Бывшие военнослужащие, инженеры в отпуске, женщины, ищущие работу на несколько часов. Да мало ли кто. Надо только соединить обоюдные устремления.

Но временная работа — это лишь часть деятельности фирмы. Более высокая ступень — «Работа по душе». Если, судя по всему, служба занятости будет курировать в основном безработных, «ТРИЗА» старается помочь и тем, кто, пока ничего не потеряв, ищет возможность точнее определиться в этой переменчивой жизни.

Есть у «ТРИЗЫ» накопленный опыт, есть собственные наработки, которыми охотно готовы поделиться, есть масса идей, как и у Заславского. Одно вот — куда повернет паровоз? При массовой безработице, если таковая грянет, найдет ли «ТРИЗА» свое место? Хотя, с другой стороны, именно тогда будут необходимы и сильная государственная служба, и находчивые «тризы», и, быть может, профессиональные агентства по найму — для научных сотрудников и журналистов, для машинисток и торговых работников. С собственным банком данных и системой тестирования, связями в этом мире и базой обучения. Тогда рекомендации такого бюро, возможно, будут посильнее привычного блата. Наивные фантазии дилетанта? Но в конце концов, как лицо заинтересованное, как, быть может, будущий соискатель на бирже труда, я имею право на это?

ЖДЕМ АМУЛЕТА

Эта странная неделя далась мне нелегко. Я разговаривала с немолодой, усталой беженкой, бывшей учительницей музыки из Баку, с ужасом ждущей следующей пятницы, когда кончится срок временной, тяжкой, но все же работы на Мосжирокомбинате, и мне казалось, что это только эскиз к общему будущему портрету.

Я ходила по предприятиям, где профкомовские доски увешаны призывами к бартерным сделкам — маечку на трусики, кроссовки на сапожки — или предложениями изготовить на заказ приворотные зелья, талисманы, амулеты, и не могла избавиться от ощущения всеобщего «сюра». Где профкомы занимаются чем угодно, кроме профессиональной защиты трудящихся. А мы сами, словно завороженные кролики, ждем амулетов и среди социальных трясок меньше всего боимся потерять работу. Может, так и надо? Будем переживать неприятности по мере их поступления?

К чести профсоюзов надо сказать, бои вокруг «Основ занятости» они вели усердно, может, отчасти поэтому новый закон выдержан в духе конвенций МОТ. Но дальше что?

Там, в низовых профструктурах, где чуть не каждый день решается судьба сотен уволенных, все спокойно. Что беспокоиться, в стране не хватает рабочих рук.

Да, говорили мне, будут создаваться координационные комитеты содействия занятости на основе социального партнерства работодателей, государства и профсоюзов. Будут договариваться. Все записано, все будет.

Да, говорили мне, пойдет приватизация, появятся новые стимулы к труду, высвобожденные специалисты потянутся в бытовое обслуживание, в общепит. Я тоже надеюсь. Хотя, как выяснила за эту неделю, в кооперативы, СП и прочие наши надежды, обложенные со всех сторон, люди побаиваются идти.

Я не хочу нагнетать страхи. Но мы должны уже научиться хоть на полшага опережать собственные трудности. И на государственном уровне — приняв закон, действовать (хотя что может первый рыночный закон без остальных?), и на личном, житейском,— взвесив реальную ситуацию, без слез и обид оценить собственные возможности. Пока, очевидно, время есть. Пока еще — мир, май, труд...

Прощаясь со мной, одна из только что сокращенных делилась планами: вот отдохну, подлечусь, а потом можно будет и на работу устроиться.

Можно будет? Мне компьютер предложил должность машинистки в зоологическом музее. Не так уж плохо...

ПОШЛИНА ДЛЯ ПРОКУРОРА ●
КАК ГОЛОСУЮТ СОЛДАТЫ? ●

■

Я считаю, что при существующем уровне демократии и законности солдаты не должны участвовать в голосованиях. Прежде всего потому, что в армии невозможна свободная агитация. Вот несколько фактов из моей практики. Год назад замполит части категорически запретил встречу личного состава с доверенными лицами кандидата в народные депутаты священника Г. Якунина, приказал убрать предвыборные листовки с изложением его биографии и предвыборной платформы. В то же время для агитации за других кандидатов препятствий не создавалось. В этом году нарушался Закон СССР о референдуме, предусматривающий свободное доведение до граждан всех аргументов «за» и «против» вопроса, вынесенного на обсуждение. Мои попытки выполнять закон были резко пресечены. Замполит части отстранил меня от выполнения служебных обязанностей. И юридически он прав, ведь действующие уставы предписывают офицерам-политработникам быть проводниками политики КПСС. Увы, изменить Конституцию оказалось проще, чем армейские уставы. Понятно, что односторонняя, тенденциозная агитация предопределяет итоги голосования солдат. Демократическое право солдат на участие в выборах в условиях информационной несвободы становится средством политических манипуляций.

Не за горами выборы Президента РСФСР. Если в какой-то части солдаты проголосуют не совсем «правильно», то политработники и избранные под их руководством члены участковых избирательных комиссий будут иметь возможность подправить итоги голосования. Голосование на закрытых избирательных участках проверяют офицеры политорганов. Будут ли они строго следить за соблюдением закона? Сомневаюсь. При мне 18 марта начальник политотдела выговаривал замполиту части за то, что в части слишком много — около 50 проц. солдат — проголосовало за введение в РСФСР поста Президента.

Да, это хорошо, если солдаты имеют гражданские права. Но только при условии, что их права не используются для противоправных действий.

П. КОРОЛЬ,
капитан
Московская область

■

В октябре 1989 года газета «Известия» опубликовала статью бывшего тогда первого заместителя Прокурора РСФСР Н. С. Трубина «Обжаловать приговор». В этой статье Трубин замечает, что в последние годы резко возросло количество жалоб. Это обстоятельство усложнило работу надзорных органов и увеличило сроки рассмотрения этих жалоб. Он предлагает воспользоваться советами юристов об установлении государственной пошлины на жалобы, подаваемые в порядке надзора, так как сегодня значительная их часть является необоснованными.

«При этом можно было бы предусмотреть обязанность государства возвратить принятые за жалобу суммы в случае признания ее обоснованности»,— пишет Трубин.

Полностью разделяя позицию уважаемого Николая Семеновича, хочу заметить, что в его статье нет ни слова об ответственности прокурора за необоснованный отказ в принесении протеста. А ведь именно необоснованные отказы порождают бумажную круговерть, заставляя «жалобщика» обращаться в следующие инстанции. Не секрет, что по многолетним надзорным тяжбам некоторые люди проходят почти все инстанции, всюду получая отказы, но в конечном счете оказываются правы. Ведь гораздо проще отказать просителю, поверхностно ознакомившись с его жалобой, чем затребовать и изучать многотомное дело, рискуя получить отказ суда в удовлетворении протеста, так как самому суду легче осудить, чем оправдать. Недаром слово «осудить» производное от слова «суд», а слово «оправдать» — от слова «правда». Последнее понятие у нас много лет было в дефиците. Пока прокурор, подготовивший или подписавший необоснованный отказ, не будет нести за это ответственность, правового государства нам не построить.

Сегодня Трубин — Генеральный прокурор СССР и вполне может добиться реализации своих пожеланий, высказанных на страницах «Известий». Особенно сейчас, при всеобщем тяготении к рынку. Поэтому предлагаю при введении пошлины на жалобы в случае признания обоснованности повторной жалобы возвращать сумму не из государственной казны, а из кармана прокурора предыдущей инстанции, подписавшего необоснованный отказ.

Г. СЕЧКИН
Москва

■

22 декабря прошлого года я послал посылку сестре в Ленинград. Получила она ее в середине февраля нынешнего года. Таким образом, посылка шла по почте без малого два месяца. Продукты, которые в ней находились, пришли в негодность, и их сразу же, едва вскрыв ящик, выбросили. Ну, думаю, это какое-то недоразумение. Тем более что я недорого ее оценил и не потребовал уведомления о получении.

15 февраля послал вторую посылку по тому же адресу. На этот раз оценил ее подороже и оплатил расходы на уведомление. Получил телеграмму, в которой сообщают, что посылка вручена адресату... 14 марта. Снова посылка шла по почте целый месяц. Да за это время можно пешком пройти это расстояние туда и обратно! И еще осталось бы время для отдыха после похода.

Во время войны, будучи курсантом военного училища в Иркутске, я посылал в блокадный Ленинград письма и телеграммы, и они проникали через линию фронта (не из Киева в Ленинград, как ныне, а из Иркутска в Ленинград, когда дороги были забиты фронтовыми эшелонами) в течение значительно более короткого времени и не терялись в пути.

Что же происходит? Какие чувства может вызвать у любого человека такая «оперативность» работников связи?

Н. СТАДНИК,
ветеран войны и труда
с. Зрайки Киевской области

■

Журнал «Огонек» я не выписываю, но мне в руки попал девятый номер этого года. Признаюсь, что он меня поразил обилием антиармейского материала. Статьи как на подбор, здесь тебе и зверства «красных полковников», и рубящие людей саперными лопатками головорезы Язова. Очень красочно и доходчиво для обывателя, жаждущего свежих комментариев по теме «Армия карателей». Слезу умиления вызывает материал Г. Рожнова, который за статьей спрятал и свою ядовитую «пилюлю» Вооруженным Силам СССР. Видимо, автор считает, что по-разному болят раны у солдат ВВ и СА. И те, и другие выполняют приказ, данный им командованием. Целесообразность таких приказов сейчас обсуждают все кому не лень. «Громче всех поет тот, у кого нет голоса»,— говорят в народе. Наиболее рьяно пытаются это сделать те, кто совершенно некомпетентен в этих вопросах. Можно представить себе, как переживает седой генерал, прежде чем послать своих солдат в мясорубку национальных конфликтов. Ни ответственности за жизни своих подчиненных, ни других переживаний этих людей, видимо, никогда не понять вам, журналистам.

Страшно подумать о возможности гражданской войны в нашей стране, но если она начнется, то единственным гарантом безопасности людей будут не «длинные худые мальчики с их железными палками», за которыми с таким восхищением следил В. Чернов, а именно «грохотавшие танками в Баку и Вильнюсе» ваши дети и братья, в камуфляже или в хаки, в бронежилете или тельняшке, с буквами «ВВ» или «СА» на погонах.

Я, мой отец и дед — офицеры. Дед служил в ВВС, отец — политработник, а я военный юрист. Я знаю, с кем я буду и когда, у меня есть Родина, которую я люблю. Продолжайте рубить сук, на котором сидите, но помните, ни полковника Жука, ни избитого курсанта в Вильнюсе армия не забудет.

О. ТЛИМАХОВ,
старший лейтенант юстиции

■

Хочу коснуться печальной темы, которая, к сожалению, затрагивает каждого человека,— это похороны.

В марте этого года мы понесли тяжелую, невосполнимую утрату — ушел из жизни наш сын. Но горе было отягощено еще и тем, что не во что было обрядить покойника. В магазинах нельзя было найти обычное «солдатское» нижнее белье, обычных домашних тапочек, не говоря уж о костюме. Только благодаря тому, что свет не без добрых людей, все необходимое было приобретено. В специализированном же магазине предложили только десять метров белого материала, десять головных женских платков и двадцать детских носовых платков! До чего же обнищала наша социалистическая страна, что не может обеспечить самым необходимым, чтобы соблюсти этот скорбный ритуал.

Мы с мужем, инвалидом Отечественной войны II группы, ждали повышения цен, чтобы заранее приготовить все необходимое для собственного погребения. Ведь у нас не осталось детей, которые могли бы о нас позаботиться. Но в магазинах пока пусто. Я прошу наших руководителей обратить внимание на эту проблему. На мой взгляд, здесь не требуется дефицитных товаров и валюты. Только должностным лицам необходимо проявить заботу, участие, милосердие.

С. ГРЕБЕННИКОВА
Тамбов

■

Сейчас много говорят и пишут о выводе наших войск из Европы. Возникает масса проблем, и прежде всего проблема жилья.

Несколько месяцев назад в нашем районе закрыли две исправительно-трудовые колонии. В поселке Южный Кирилловского района Вологодской области стояла воинская часть, в функцию которой входила охрана исправительных учреждений. Сегодня Южный «умирает», осталось несколько стариков и детишек. А в этом поселке девять двухэтажных двенадцатиквартирных домов с центральным отоплением, детский сад, школа, клуб, гостиница, штаб, телефонная станция, почта, магазин, много одноквартирных домов, несколько ферм, теплица. Через два-три года все придет в негодность, разрушится. Потрясает бесхозяйственность в этом вопросе: с одной стороны, люди в палатках, на снегу, с другой — пустующие добротные дома.

С трудом верю, что буду услышана теми, кто может решить этот вопрос, но все-таки немного надеюсь.

О. МИРОШНИЧЕНКО,
учитель,
жена военнослужащего
Старобельск

■

До июля 1937 года я работал старшим чабаном колхоза «Восток» Каясулинского района Ставропольского края, но был арестован и согласно постановлению тройки НКВД Дагестанской АССР мне был определен срок 10 лет лишения свободы за «контрреволюцию». Срок я отбыл полностью и после освобождения честно и добросовестно работал, был награжден малой серебряной медалью ВСХВ.

В 1961 году решением Ставропольского краевого суда дело прекращено за отсутствием состава преступления и я был реабилитирован. Согласно постановлению СМ СССР я получил право на получение двухмесячного оклада в виде компенсации.

И вот уже тридцать лет я добиваюсь выплаты этой компенсации. Председатель исполкома Нефтекумского райсовета категорически отказал, хотя я ему направил официальные документы Управления КГБ по Ставропольскому краю, в которых подтверждается, что я действительно работал старшим чабаном в колхозе «Восток».

Когда же мы будем жить в правовом государстве? Мне уже 80 лет, неужели я так и не дождусь справедливости!

И. ЛОБОВ
с. Бородыновка
Ставропольского края

«НУЖНО ИСКАТЬ ШАНС»,—

утверждает главный редактор польской «Газеты выборчей» Адам МИХНИК, беседуя с обозревателем радиостанции «Эхо Москвы» независимым журналистом Андреем ЧЕРКИЗОВЫМ

А. Ч. — ***Для нас, читающих советские газеты, польская «Солидарность», КОС/КОР были связаны с несколькими определенными именами, которые я запомнил на всю жизнь и повторяю сейчас: Валенса, Мазовецкий, Геремек, Михник, Буяк, Куронь... Вот и все, кого мы знали, живя здесь, в Советском Союзе, — они для нас были всей «Солидарностью». Может быть, стоит назвать других, о которых мы не знали?***

А. М. — К чему имена... Я был с самыми лучшими людьми моей родины, в этом мое великое счастье.

А. Ч.— ***Мой первый вопрос: кем сегодня ощущает себя главный редактор «Газеты выборчей»? Еще немного и сенатором?***

А. М.— Депутатом. Депутатом Сейма. Но я не чувствую особого комфорта, потому что моя жизнь была жизнью диссидента. А стать теперь человеком новой номенклатуры — нет, это не для меня. Одно могу сказать: наша страна на правильном пути, на хорошей дороге. Конечно, во многом это хождение по мукам, но, в общем, мы уже отошли от посттоталитарного строя. Все начато заново. Это как жизнь свободного человека после тюрьмы. Извини, я не совсем правильно говорю по-русски, ведь я никогда не жил в России и учился русскому языку благодаря диссидентам, вашим «классикам» тюрьмы, подполья, и так далее. Но когда мы были в тюрьме, все было ясно — где свобода, где тюрьма, где правда, где ложь, где хорошо, где плохо. Теперь же все смешалось, как в доме Облонских.

А. Ч.— ***Но все же — лучше господин Валенса, чем господин Тыминьский?*** (Тыминьский — канадский миллионер, баллотировавшийся на пост президента Польши и потерпевший поражение.— *Ред.*)

А. М.— Знаешь, это самый страшный комплимент для моей родины. Но, пожалуй, ты прав.

А. Ч.— ***Я не хотел обижать ни Польшу, ни польский народ, но, согласись, господин Тыминьский стал бы катастрофой для поляков. Потому что, как мне кажется, никого особенно не интересовал сам господин Тыминьский. А вот кое-кого интересовали определенные его высказывания, которые можно перевести на русский примерно так: «А пошли бы вы все...»***

А. М.— Абсолютно согласен. Это своего рода синдром, если угодно, феномен нигилизма.

А. Ч.— ***Тогда у меня вопрос, что называется, на засыпку. А кто у нас Тыминьский?***

А. М.— Думаю, такие есть. Но вряд ли у меня достанет смелости, чтобы назвать фамилии.

А. Ч.— ***Хорошо, назови тенденцию.***

А. М.— Есть такие люди, которые так же говорят: «А пошли бы вы все... на что-нибудь! И вы, Михаил Сергеевич, и вы, Борис Николаевич, пошли вы все!..» И вот когда кругом твердят одно: долой все политические партии, запретить в том числе и компартию! — я хочу задать вопрос «и что будет?». Будут «черные полковники». Я люблю русских и боюсь такого поворота для России, потому что хорошо знаю этот черносотенный синдром.

А. Ч.— ***Адам, ты давно не был в Советском Союзе. Как ты, человек, симпатизирующий нам, сегодня воспринимаешь ту ситуацию, которая сложилась в стране?***

А. М.— Ну, если оценивать по польским категориям, это ситуация либо перед 13 декабря 1981 года, проще говоря, перед военным положением, либо ситуация из декабря 88-го, перед Круглым Столом. То есть: или насилие, или диалог. Когда я говорю с русскими друзьями, смотрю на Москву и вижу военных, штыки, грузовики, дубинки, ум мне говорит: вот оно, военное положение. Но моя любовь к России удерживает в моем сердце надежду, что все же будет диалог. Ведь военное положение не спасет коммунизм. И плохо, если на это надеется Михаил Сергеевич. События в Польше доказали, что тоталитарный строй — это строй, который против самой жизни. Против права на жизнь. Нужно искать пути к компромиссу, Круглому Столу, коалиционному правительству, и, пока мы еще живы, искать покоя для людей. Я видел сегодня одну бедную старуху. Так вот, покоя следует искать не для политиканов, не для философов, теоретиков — для простых людей, таких, как вот эта старуха. Россия — несчастная, многострадальная страна. Еще один террор, еще одна «великая чистка» — это просто невозможно, она не выдержит... Что такое нынешнее положение? Да просто новый застой, новые брежневские времена, без надежд, без ничего. Польский опыт говорит: другого не дано, надо идти к рыночной экономике, к нормальной демократии, к гражданским правам. И чем скорее, тем лучше.

А. Ч.— ***Я попрошу тебя на секунду оторваться от советской действительности и вернуться к польской. Ты сказал: польский опыт — это опыт перехода к рынку. Но тогда ответь: почему же «слетело» такое умное правительство Мазовецкого и какие из этого уроки можем извлечь мы?***

А. М.— Я думаю, что прежде всего правительство Мазовецкого по натуре своей было непопулярно: повышение цен и прочее. Но это правильная политика, я откровенно говорю, что был ее сторонником. Почему же она погибла? Такова логика переходного периода: мы будем рваться вперед, но где, в каком евангелии написано, что мы должны быть победителями? Надо быть честными людьми, надо поддерживать правильную политику демократических перемен. Может быть, не только правительство Мазовецкого — вся эта промежуточная формация отомрет, но на это стоит тратить силы, если в итоге демократический строй выиграет. Разумеется, существует и такая болезнь: посттоталитарный синдром, в котором находится место и популизму, и авторитарности, и ксенофобии, и нетолерантности. Это следствие того, что после засилья идео-коммунизма неизбежно образовывается идеологический вакуум. Люди не знают, где истина, на чем стоит мир,— есть, к несчастью, и такая угроза. Что же делать? Быть сторонниками правды и свободы, только и всего.

А. Ч.— ***Вот ты объясняешь, почему ушло правительство Мазовецкого. Но, Адам, ведь в правительстве Белецкого остался все тот же «мотор перестройки» — Лешек Бальцерович. Значит, если Лешек ушел из одного правительства в другое, дело не в повышении цен?***

А. М.— Знаешь, это слишком уж конкретный вопрос!

А. Ч.— ***А я не обещал, что буду задавать только очень общие вопросы!***

А. М.— Я скажу так: шла борьба за власть, за то, кто станет президентом — Мазовецкий или Валенса. И во время этой кампании сторонники Валенсы наговорили много... глупостей. Они обещали ВСЁ ВСЕМ! Развязка этой истории — урок не только сторонникам Валенсы, но и всем демократам, всем «подкоммунистическим» режимам. Это был экзамен не на общительность, а на ответственность. Кстати, Белецкий — человек общественный. Он взял Бальцеровича, потому что понимает: только жесткая политика несет в себе реальные перемены для всех.

А. Ч.— ***Выходит, дело не столько в «коэффициенте жесткости» перехода к рынку, сколько в том лидере, которому доверяет (или не доверяет) народ? Объясню свою мысль: мне кажется, правительство Мазовецкого потерпело поражение потому, что было связано с президентом Ярузельским. Если бы не это обстоятельство, то, как я понимаю, Валенса вполне мог бы взять Мазовецкого в свою команду. Потому что главная идея ушедшего кабинета, то, что мы называем «шоковой терапией», «планом Бальцеровича»,— все равно здравствует и в нынешней Польше.***

А. М.— Я с тобой не согласен. Речь шла о власти, и инструментом политической борьбы для Валенсы была критика результатов, скажем, социальной политики Бальцеровича. И Мазовецкий проиграл не из-за Ярузельского, вовсе нет. Это случилось потому, что все слои были недовольны, а Валенса во время апрельской кампании первым сказал, что у него есть идея ускорения. Такая гениальная идея, что люди будут жить лучше и много лучше.

А. Ч.— ***Но ведь это миф!***

А. М.— Согласен. Но люди любят верить мифам. И, может быть, политику и следует такое говорить. А Мазовецкий ведь был премьер-министром, он оценивал ситуацию и не мог рассказывать людям сказки. Он серьезный человек, он просто не смог. И проиграл — вовсе не из-за связи с Ярузельским. Знаешь, по-моему, Ярузельский был хорошим президентом. Он был лоялен к демократическим переменам, и я с ужасом смотрел на атаки против него. Когда он ушел, ведь это я был тем самым журналистом, написавшим «Прощание генерала». Я, шесть лет бывший его заключенным! Я очень его уважаю и говорю об этом откровенно. Думаю, что если все страны придут к компромиссу для демократических реформ, это будет «испанская» дорога: от франкизма к демократии, от диктатуры к плюрализму. Это была моя идея. Я проиграл — и в то же время не проиграл, потому что теперь Валенса реализует эту политику на практике.

А. Ч.— ***Наш с тобой общий друг, московский корреспондент «Газеты выборчей» Леон Буйко, все время говорит мне: «Андрей, у вас все, как у нас, вы на нас очень похожи». Вот если это так, то после всего, сказанного о Польше, как ты спрогнозируешь развитие нашей политической истории?***

А. М.— Я уже говорил: либо — либо. Диалог или насилие. Военное положение или Круглый Стол.

А. Ч.— ***Тогда я поставлю вопрос иначе. У нас противостояние этих двух тенденций имеет персонифицированный характер: политика Горбачева и политика Ельцина. Которая из них более реалистична?***

А. М.— Я думаю, что весь реализм сводится к проблеме реальных сил. Я вижу на улицах сотни, тысячи москвичей, поддерживающих Бориса Николаевича. Он сильнее? Но на тех же улицах я вижу и штыки, грузовики, дубинки, военных и милицию, которые практически, так сказать, поддерживают Президента СССР. Боюсь, что это очень большие силы...

Пока не наступила гражданская война, хочется думать, что компромисс возможен, хотя мы прекрасно знаем: не верящий в компромисс предпочтет отмежеваться от него. Но не верить означает идти против разума. Вспомни фразу Надежды Яковлевны Мандельштам: «Надежда — в безнадежности». Надеяться надо, надо быть на стороне свободы, а не насилия. Цепляться за малейшую возможность компромисса. Потому что военный переворот означает новый террор. Это будет страшным несчастьем для России! Я поляк, я пережил военное положение. И великое счастье, что вышли из него мы по польскому пути — через Круглый Стол, а не по румынскому — через кровь. Возможна другая волна, но после нее — извини, Андрей,— ни Гавриил Харитонович Попов, ни Юрий Николаевич Афанасьев, ни Борис Николаевич Ельцин не будут партнерами коммунистов. Придут фанатики. Придут антикоммунисты с большевистским лицом. Которые будут говорить на настоящем большевистском языке, на языке «грабь награбленное! бери власть!».

А. Ч.— ***Мы это называем, условно говоря, «партией Травкина». Потому что сегодня партия Травкина, то есть Демократическая партия России, примерно так же рассуждает.***

А. М.— Ты оптимист, Андрей?

А. Ч.— ***Наверное.***

А. М.— Будет хуже, Травкин — просто конституционный демократ, такой же кадет, как и Милюков. Могут прийти такие звери, что все будут молиться Травкину — но его-то уже и не будет.

А. Ч.— ***В скобках замечу: когда в Польше ввели военное положение, нормальные люди в Москве говорили: да, это, конечно, военное положение, но в лайковых перчатках.***

А. М.— Может, вам из Москвы было и виднее, в каких перчатках было это военное положение, но я скажу так: когда тебя берут за жопу и тормозят в тюрьму, ты не чувствуешь лайковых перчаток!

А. Ч.— ***Знаешь ли ты, что недавно Борис Николаевич предложил Круглый Стол?***

А. М.— Знаю.

А. Ч.— ***Как полагаешь, будет ли реализовано это предложение?***

А. М.— Верю, что если не завтра, то послезавтра. Другого не дано, решается вопрос — будет ли Россия свободной страной. Конфронтация, а затем военное положение, гражданская война — это новая великая смута, новые несчастья. Я люблю Россию и так боюсь, что это случится. Боюсь повторения того же и на моей родине. Экстремисты, противники демократии, есть и в команде Горбачева, и в команде Ельцина. Но нужно искать шанс, возможность. Проще всего сказать: этот — сволочь, а этот — большевик, он ничего не понимает. И тогда заговорят экстремисты. Я встретился в Москве с людьми с той и с другой стороны. Конечно, все мои симпатии, психология, эмоции да и вся моя жизнь — с демократами, на их стороне. Но я видел Круглый Стол в Польше, где никто не верил в его возможность. И нужно прилагать все усилия для осуществления такой возможности.

А. Ч.— ***Спасибо, Адам!***

Ваиз ЮНИСОВ

ПРИШЛА ЛИ К НАМ ВЕСНА

ЗАПИСКИ МОСКОВСКОГО РЕПОРТЕРА

Кажется, вот уже и весна, вот уже и ручьи весело зажурчали по грязным московским улицам и переулкам, вот вроде бы и солнышко радостное, и небо лазурное (хоть стихи пиши!), ан нет: что-то гнетет и подавляет людей.
И весенние ощущения стушевываются, становятся беспомощными, беззащитными пред тем хаосом и смутой, закрутившими еще в круговерти зимних метелей.
Словом, снег стаял, а грязь, мусор, клочья бумаги, тряпки остались лежать на земле.
И никто не собирается их убирать, разве что энтузиасты коммунистических субботников.

Фото С. СУПИНСКОГО

-Развал государства,— разговор в троллейбусе,— ни к чему хорошему не приведет.

— А диктатура?

Ответ по-обывательски прост:

— Вот Сталин хоть и сволочь был порядочная, но при нем, извини, я мог и в дом все купить, и пива выпить любого: хочешь — теплого, хочешь — холодного. Чего только не было в продуктовых магазинах! Балыки, икра, колбаса разная. А ведь дело-то в 1949 году было: вроде и разруха послевоенная, а изобилие.

— Да, браток, ты про те времена-то забудь. Нынче водку по талончику — раз в месяц. А хочешь больше, клади деньги на бочку. Я вон второго дня за тридцать пять у таксиста купил.

— А я на Таганке, в ночном магазине, за пятьдесят.

— Ба-га-тый!

* * *

За последние год-два наше общество вновь разделилось на богатых и бедных. Это надо признать, как и признать тот факт, что богатыми оказались не те, кто любит и умеет трудиться и умен, а тот, кто сумел приспособиться таким образом, что под вывеской «обустройства», «возрождения», «благотворительности» сумел сколотить стартовый капитал и подготовиться к рынку.

Олицетворение рынка — обычный, ну, скажем, Бауманский рынок, возле которого я живу. Яблоки — 17 рублей за килограмм, помидоры — 20, картофель —10 рэ.

Полагаю, вскоре картофель исчезнет и с прилавков рынка. Ему просто неоткуда будет взяться: ведь урожай мы сгноили в полях.

Не знаю, как смогут пережить это лето и особенно осень бедные, но богатым, по всей видимости, не будет внапряг покупать картофель даже по 50 и 60 рублей за килограмм. Ведь пьют же они в своих бизнес-клубах кофе по 50 рублей за чашку — и ничего, не жалко. Неспроста в Москве участились случаи грабежей квартир и машин, хозяева которых имели неосторожность хранить там продукты.

* * *

Горькая и безрадостная примета: все больше на улицах женщин, которые отказались от стандартных авосек и используют заплечные мешки и рюкзаки. С ними как-то удобней бегать по магазинам, стоять в очередях, продираться в общественном транспорте.

Нескольких таких женщин с тощими рюкзачками я видел в канун Международного женского дня. Взгляд у этих женщин был совсем не предпраздничным — опустошенным, отрешенным. Бедные женщины! Неужели они заслужили такое убогое существование? Как же им хотелось хотя бы в свой праздник сочинить «маленькое счастье»— накрыть, как полагается, стол... Видать, не суждено им будет это сделать и 8 Марта 1992 года, ведь положение с продовольствием осложнится: газеты пишут больше о том, что колхозы агонизируют, фермерам не дают расправить плечи, а политическая Москва испытывает кризис троевластия. А это, поверьте, несколько хуже весны 1917 года, когда Ульянов писал свои «Апрельские тезисы».

* * *

«Меняю трехкомнатную квартиру в Вильнюсе на двух- или однокомнатную в Москве, в любом районе»— в этом печальном объявлении судьба человека, его семьи. Судьба целой нации. Таких нынешней весной появилось на телеграфных столбах великое множество: меняют Кишинев на Москву, хотят уехать из Баку, Риги, Таллинна. Неужели они думают, что в Москве легче, лучше, стабильнее?

* * *

Народ, одурманенный весенним солнцем, шлепал по лужам к Елоховской церкви, туда, где уже собралась солидная толпа зевак. Подхожу. Молодой парень лет семнадцати держит в руках российский флаг с дореволюционной символикой и рассказывает семидесятилетним старушкам, кто такой был августейший император России Николай II, какая была прекрасная его августейшая семья — жена, дети, близкие, зверски расстрелянные большевиками.

За парнишкой, на соборных вратах, расклеены фотографии из семейного альбома последнего русского самодержца, подписи к снимкам, сделанные любовно и аккуратно, как в стенгазете. В этот весенний день шел сбор подписей, проводимый московским духовенством, за канонизацию, то есть причащение к лику святых царя Николая II и его семьи.

В таком случае надо бы канонизировать и царя Павла, задушенного сыном, и царя Александра, убитого народовольцами. Да и вообще многих бы у нас следовало канонизировать: декабристов, 270 забастовщиков, расстрелянных царскими войсками в апреле 1912

Фото С. ИСХАКОВА

года. А можно и Ульянова-старшего канонизировать, ведь он же был за народ. Царя он в ту весну, правда, не убил, зато царь убил его.

* * *

— Великого князя Владимира надо на престол из Парижа пригласить.

— Да нет, пусть Бориска будет.

— Так был уже однажды Бориска. Ни-ча-о хорошего.

Так с шутками, растерянностью, непониманием происходящего народ готовился к референдуму.

* * *

Квартирный вопрос в Москве — один из острейших. Весной прошел первый аукцион продажи их с молотка. Выкупают, как правило, разбогатевшие и пузатые дельцы совсем немосковского происхождения. Обидно за коренных москвичей, проживающих в коммуналках. Как холодным ветром их насторожила информация: 70% продаваемой жилой площади будет отдаваться на откуп коммерческим предприятиям, кооперативам. Как втиснуться в оставшиеся 30%?

В Москве стоимость кооперативной двухкомнатной квартиры в Чертанове достигла умопомрачительной для советского гражданина отметки: 10 тысяч долларов. Тогда как в центре Киева мой знакомый умудрился точно такую же купить за 1200 долларов. Неблаговидную роль в росте цен на черном рынке, уверен, играет газета «Коммерсантъ». Ее сотрудники из чисто журналистского балдежа сочиняют цены Рижского рынка,— демонстрируя еще и таким образом свою компетентность в теневой экономике.

Глядишь, уже и вправду выдуманные цены фигурируют в Москве.

* * *

«Пятипроцентный налог» каким-то чудом не коснулся лекарственных препаратов, но это не значит, что весной они появились в аптеках. Если зимой больные и престарелые люди хоть капельку вздохнули от фармакологического дефицита — была благотворительная помощь из стран Запада,— то в первые весенние месяцы народ вновь оказался перед страшной реальностью, и рецепты участковых врачей, терапевтов, невропатологов так же обесценились и превратились в фикцию, как, например, рубль или визитная карточка покупателя.

Помню, на Рождество за Лубянкой выстроилась большая очередь старух и ветеранов войны: служители культа из католического костела выдавали посылки из Гамбурга. В этих унизительных посылках, получаемых со слезами на глазах, кроме продуктов питания, были и лекарства. Наступила весна — рождественские подарки кончились. Я узнавал в Минздраве: почему же такая ситуация с медикаментами? Мне ответили так: Берлинская стена рухнула, бывшие братские страны, производящие лекарства, от нас отвернулись. В том смысле, что они более не продают нам лечебный товар за рубли — только за валюту. А у нас нет столько валюты.

Знакомый фармацевт как-то сказал, что некоторые врачи партиями скупают медикаменты в аптеках, другие, используя свое служебное положение, отовариваются в больницах, причем за просто так или за бесценок. Зачем им это нужно — понятное дело: заниматься частной практикой.

За подтверждением этого обстоятельства не надо ходить далеко. Достаточно открыть рекламное приложение к «Вечерней Москве», которое выходит по средам, и убедиться, как врачи совершенно разных квалификаций, чинов и направлений предлагают свои услуги, не забыв при этом указать свой домашний, а порой и рабочий телефон.

— За вечер я зарабатываю до 100 рублей. Ставлю иголки по китайской методике,— делился со мной иглорефлексотерапевт московской клиники неврозов.— А вот на своей работе, черт бы ее побрал, я столько зарабатываю за полмесяца.

— Ну так брось работу.

— Видишь ли, у меня есть какой-то долг перед моими больными. А, во-вторых, вдруг со мной, не дай Бог, что-нибудь случится. Кто мне будет платить пенсию? Пособие и т. д.?

Не знаю, хорошо это или плохо — в наших, советских, условиях заниматься частной практикой. Наверное, хорошо, ведь деньги всем нужны. Но вот незадача: кто из нас может платить своему семейному врачу по 25—40 рублей за вызов?

* * *

На Тверской стоит мужик в кроличьей шапке. В руках — урна и плакат: «Граждане, помогите шахтерам сегодня. И тогда ваши дети будут спасены завтра».

Уже остановились некоторые металлургические цехи, железнодорожные депо. Надвигается энергетический кризис, который парализует крупные промышленные центры.

Скромный мужик на Тверской мне показался символом той беды, которая нас не минует.

* * *

Весеннее тепло вытянуло из подземных переходов и из метро нищих, цыган, безработных на улицы Большого города. Теперь они принародно просят милостыню, причем наибольший доход у тех, кто умеет играть на каком-нибудь инструменте. Играют одинокие гитаристы, баянисты, скрипачи. Играют на флейтах, на виолончелях. По вечерам бывшие учащиеся музыкальных школ и училищ, студенты консерватории тянутся в сбербанки и магазины, чтобы обменять медь и серебро на червонцы и четвертные.

* * *

Самый свежий анекдот, родившийся, наверное, у пустых прилавков. Подходит человек к дому с надписью «Магазин». Заходит, потом выходит. Потом опять заходит, чтобы спросить у тоскующего продавца:

— Скажите, пожалуйста, у вас какой все-таки магазин, продуктовый или хозяйственный?

* * *

Ушли в прошлое времена Кашпировского и Чумака, но извечная тяга московского обывателя к чему-то потусто-

роннему, ирреальному и даже иррациональному осталась. А посему началась эпоха хиромантии, гаданий на кофейной гуще. Как грибы после дождя, улучив момент, в Москве стали объявляться первые социалистические колдуны и черные маги. Больше всего на этом поприще преуспели Тарасов и Лонго. Я вполне допускаю, что можно оживлять трупы, и даже очень хочу, чтобы Юрий Лонго на самом деле умел это делать. Только не понимаю: зачем оживлять покойников в нашей стране, если и у живых-то собачья жизнь. Но я верю, я хочу верить очередному авантюристу, ибо есть хорошая идея: оживить отцов-основателей казарменного социализма. Пусть они посмотрят на свой эксперимент, на то, как теперь живем, чем дышим, что едим, о чем спорим. Глядишь, для нас, бестолковых, были бы вновь сотворены «Очередные задачи Советской власти», «Что делать?» и «С чего начать?», подсказано, как избежать, кажется, уже неизбежного: свертывания гласности, военного коммунизма, разрухи, голода, холода...

* * *

Московская публика с истерической самоотверженностью приступила к изучению иностранных языков. Изучают везде — на работе, сидя у телевизоров, в метро, на государственных и кооперативных курсах, с репетиторами. Изучают языки как семнадцатилетние юнцы, так и пятидесятилетние дельцы теневой экономики. Все неожиданно и вдруг поняли, что главный язык нынче не русский, не литовский, не грузинский — английский, а самая сильная денежная единица не рубль, не четвертак, а обыкновенный зелененький доллар.

Я ходил на курсы английского языка в Замоскворечье, на Пятницкую. Группа, в которую меня зачислили, была уже переполнена до такой степени, что нормально изучить язык не представлялось возможным. Жажда знаний у каждого была завидной, достойной похвалы и могла послужить образцом для подражания студентам и школьникам застойных лет. (Ведь тогда-то язык можно было изучить бесплатно.)

Девяносто процентов слушателей моей группы изучали язык с той целью, чтобы было поменьше проблем, когда они выедут из Советского Союза. Такая же цель у тех, кто ходит в автошколы и компьютерные классы.

* * *

Потомственный энкавэдэшник и бывший советский шпион О. Калугин говорил пламенные «демократические» речи в Доме кино. В тот весенний вечер он весьма удачно подобрал лексикон своей лекции, адресованной интеллигенции Москвы: «партийно-полицейская система», «гнусная сущность КГБ», «малоинтеллектуальное руководство страны» и т. д. и т. п. Рассказывал о себе, о своей бывшей работе он довольно туманно, но бойко, так же бойко и отвечал на вопросы из зала. Ни на один из моих вопросов он не ответил: «сколько «стоит» один шпион?», «какова численность работников КГБ?», «знаете ли агента, провалившегося нынешней весной в Новой Зеландии?».

«Много». «Очень много». «Лично не знаю».

— Скажите, уважаемый генерал, возможен ли выход из нынешнего кризиса в стране мирным путем?

— Мы, демократы,— отвечает бывший чекист,— предлагаем только мирный, невооруженный путь.

(Попробовал бы он сказать иначе.)

— Участвуете ли вы в организации митинга 28 марта?

— Нет. Но я его спонсор.

...Честно говоря, за последние дватри года я еще не встретил ни одного бедствующего спонсора. Ну сами вдумайтесь в словосочетание «бедный спонсор».

О чем я? Да о том, что многие честные и внимательные люди не верят уже нынешним демократам точно так же, как не верят и коммунистическому Центру. Потому что люди, выросшие в той самой «партийно-полицейской системе» и сделавшие внутри нее блестящую карьеру, а ныне изобличающие ее (это очень модно в толпе голодных — сытые на митинги не ходят), не могут быть, по распространенному мнению, истинными демократами.

В партийно-полицейской системе трудно стать генералом, выдвинуться и при этом остаться порядочным человеком.

* * *

«Плюрализм в одной голове — это уже шизофрения»,— сказал поэт и попал в самую точку, потому что это на самом деле черта нашего времени.

* * *

По своей длине и нервозности очереди в райисполкомы, где регистрируют малые предприятия, такие же, как и в пункты обмена валюты. И там,

Фото Б. МАКСИМОВА

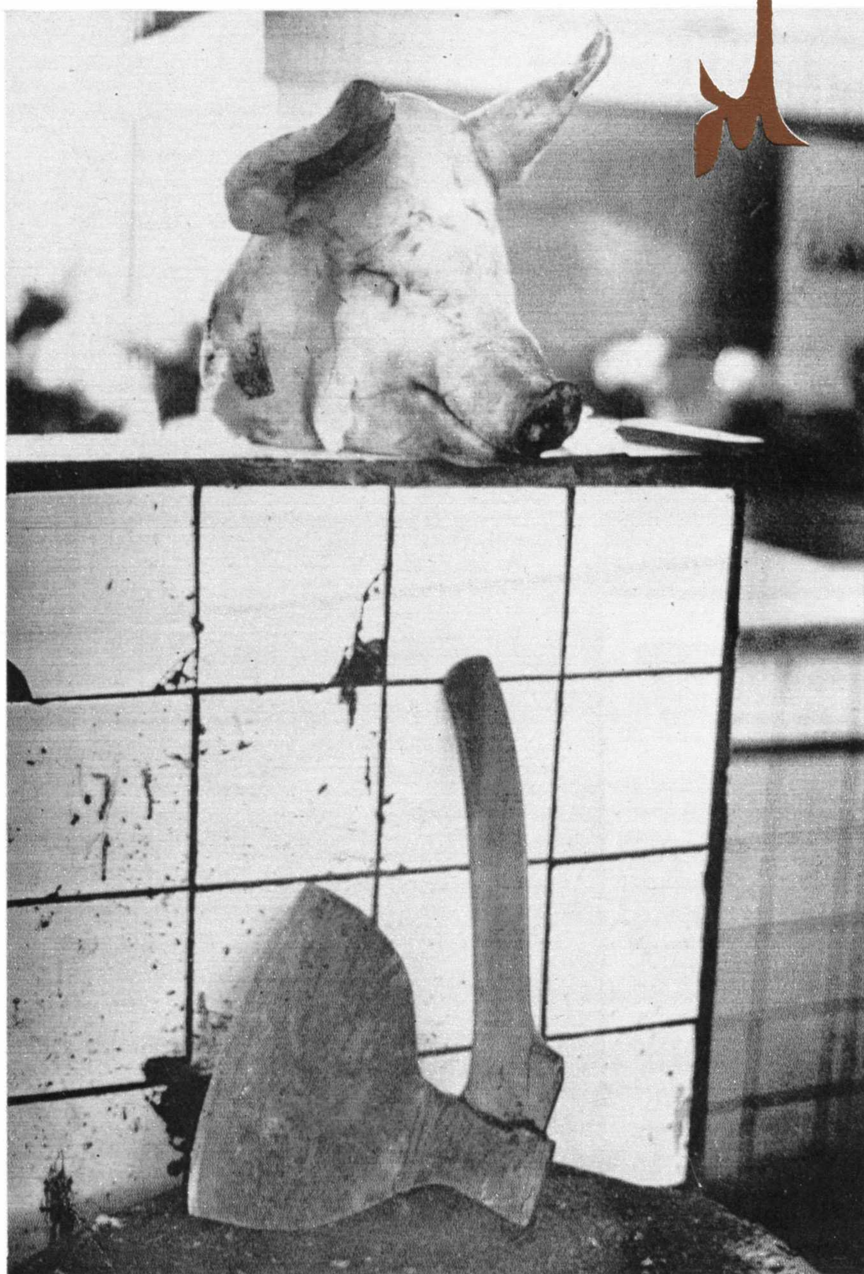

Фото Н. СТЕПАНЕНКОВА

их проблем. Наши дети ненавидят нас за все, что мы натворили и продолжаем творить, лишив их благополучного, смеющегося, как в Америке, детства...

Потому что мы, даже тридцатилетние, из другой эпохи.

* * *

Американский кинематограф вихрем ворвался в столичные кинотеатры, уверенно вытесняя из проката советские коммерческие фильмы с изрядно надоевшей порнухой, перестрелками, отсутствием духовности. Американский кинематограф на рынке советского ширпотреба уже конкурирует с английской, французской продукцией. Нынешней весной мы почувствовали, как вместе с дряхлой экономикой и проржавевшими политическими догмами покатились в пропасть истории наша культура, наука, система образования, наши представления и давно сложившиеся понятия, например, о патриотизме, о чувстве долга, об ответственности за судьбы будущих поколений. Все бы это я назвал «Мартовские иды». Так назывался спектакль, поставленный в Театре имени Вахтангова. Его премьера состоялась 23 марта, в напряженные политические дни, между референдумом и всем известным митингом.

«Мартовские иды» — пьеса о последних днях правления Юлия Цезаря, великого реформатора и императора Римской империи. Цезарь в блестящем исполнении Михаила Ульянова будет убит в результате заговора Брутом, потом начнется гражданская война, потом погибнут все участники этой истории, падет и канет в Лету Римская империя...

Премьера спектакля оживила Старый Арбат.

* * *

В первом отделении цирковой программы выступали факиры, экстрасенсы, акробаты, воздушные гимнасты, Валентин Дикуль, а во втором — мой добрый знакомый, гастролей которого я ждал полтора месяца, кореец Сидео-Кин со своей группой учеников. Сидео-Кин — уникальный человек, овладевший древнекорейским искусством Ки-хаб. Сидео-Кин может взять в рот сгусток расплавленного олова и прополоскать горло. Он может прыгать по острому, как лезвие бритвы, мечу или полоснуть им по ладони, и вы не увидите при этом ни капли крови. Сидео-Кин может лечь на кучу стекла, из которой торчат стеклянные, установленные специально пики, раздавить их, и вы услышите хруст стекла через микрофон, положенный под коврик на рампе.

У этого человека нет одной почки, не функционирует легкое, несколько лет назад его разбил паралич, и врачи приговорили Сидео к смерти. Однако он благодаря Ки-хаб выжил и сейчас гастролирует по стране.

В наше голодное и тревожное время это древнее искусство, надо полагать, приобретает новую ценность — как азбука выживания и сохранения себя, как духовное усовершенствование, не обремененное коммунистическим кодексом или слепой верой в Бога.

* * *

Советский народ, затянув пояса потуже, как очередной пятилетний план встретил двух-, трехкратное повышение цен и большой религиозный праздник Пасху. Воскресение Христово для большей части населения прошло безрадостно и формально; мало кто пошел и на Крестный ход — москвичи вообще стараются после восьми вечера не гулять, устроили сами себе комендантский час. А ночью от нечего делать смотрели прямую трансляцию из Богоявленского патриаршего собора, в котором, как святая троица, стояли Павлов, Ельцин и Станкевич. Каждый из них олицетворял нечто конкретное и в то же время больное для каждого из нас и абстрактное: несуществующий Союз, разграбленную Россию и смутную, разобщенную Москву.

...В ту ночь хорошо погуляли в московских кабаках банкиры, нувориши и прочий уголовный элемент. Спуская одну сотенную за другой, они провели ночь в спорах и воплях. Они гадали, когда будет введено чрезвычайное положение: 1 мая или несколько позже.

Март — апрель.

и там день и ночь стоят люди, записываются, ходят на переклички — благо уже не зима, потеплело.

Московская общественность разделилась на три категории: одни окончательно опустили руки, и им все равно, где доживать свой век; другие решили твердо — уехать к черту на рога, подальше от коммунистов и от бывших коммунистов; третьи увольняются с работы, открывают малые предприятия, конторы, банки, СП и прочее, лишь бы это было твое «дело», твой бизнес, а не государственная зарплата с ее убогонькой, хватающей лишь на проезд компенсацией.

Как правило, малые предприятия и новые образования коммерческого типа — фикция, мыльный пузырь, который прежде лопнет, нежели вынесет умирающее государство в рынок, в достаток, к изобилию. У этих формирований нет сырья, чтобы производить товар, нет средств производства, поэтому они ничего не производят, а зарабатывают на хлеб благодаря посреднической, брокерской, маклерской деятельности. Вы обратите внимание, какое в Москве огромное число различного рода бирж, брокерских фирм и прочей атрибутики так называемого рынка.

В Москве с каждым днем все меньше и меньше производителей. По неофициальным данным, 80% трудоспособного населения столицы не работает, то есть не производит ни материальных, ни духовных ценностей. Каждый третий школьник мечтает стать рэкетиром, каждая вторая школьница — овладеть древнейшей профессией.

...Мы не знаем своих детей, не знаем

Фото В. МАШАТИНА

СЕКРЕТНОЕ ДОСЬЕ МАСТЕРА

ИСТОРИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ С ЭПИЛОГОМ

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

Ведет рубрику Виталий ШЕНТАЛИНСКИЙ

Тонкая папка — «Совершенно секретно». Сверху, как пулеметная очередь: «ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ»... И ниже — «Дело по Секретному отделу ОГПУ. Письмо драматурга М. Булгакова (автора пьесы «Дни Турбиных»), адресованное правительству СССР об ограждении его от необоснованных критических нападок печати и о помощи в устройстве на работу». «Начато — апрель 1930 г. Окончено — апрель 1930 г. Срок хранения — постоянный». В папке три документа. Первый — неизвестная ранее, написанная от руки записка самого М. А. Булгакова: «2 апреля 1930 г. В Коллегию Объединенного Государственного Политического Управления. Прошу не отказать направить на рассмотрение Правительства СССР мое письмо от 28 марта 1930 г., прилагаемое при этом. М. Булгаков

Москва, Б. Пироговская, 35-а, кв. 6, телеф. 2-03-27».

Итак, еще один булгаковский сюжет. Отправив письмо, Михаил Афанасьевич мучительно размышлял, что же будет дальше, пытался угадать реакцию властей, развитие событий. А иногда и фантазировал, разыгрывал свою, художественную, версию в присущем ему сатирическом духе...

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СССР

ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД

КГБ при СМ СССР

СЕКРЕТАРИАТ

ДЕЛО №___

(по Секретному отделу ОГПУ)

Письмо драматурга М. Булгакова (автора пьесы „Дни Турбиных"), адресованное правительству СССР об ограждении его от необоснованных критических нападок печати и о помощи в устройстве на работу.

Начато „—" апреля 1930 г.

Окончено „—" апреля 1930 г.

На листах

Срок хранения пост.

В 1 томах

Том № 1

Фонд №

Опись №

Порядк. №

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ. ПИСЬМО

Из невероятных устных рассказов Булгакова, восстановленных по памяти его женой Еленой Сергеевной:

«*Будто бы*

Михаил Афанасьевич, придя в полную безнадежность, написал письмо Сталину, что так, мол, и так, пишу пьесы, а их не ставят и не печатают ничего... А подпись: Ваш Трампазлин.

Сталин получает письмо, читает.

Сталин. Что за штука такая?.. Трам-па-злин... Ничего не понимаю!.. (Нажимает на кнопку на столе.) Ягоду ко мне!

Входит Ягода, отдает честь.

Сталин. Послушай, Ягода, что это такое? Смотри — письмо. Какой-то писатель пишет, а подпись «Ваш Трам-па-злин». Кто это такой?

Ягода. Не могу знать.

Сталин. Что это значит — не могу? Ты как смеешь мне так отвечать? Ты на три аршина под землей все должен видеть! Чтоб через полчаса сказать мне, кто это такой!

Ягода. Слушаю, ваше величество!

Уходит, возвращается через полчаса.

Ягода. Так что, ваше величество, это Булгаков!

Сталин. Булгаков? Что же это такое? Почему мой писатель пишет такое письмо? Послать за ним немедленно!

Ягода. Есть, ваше величество! (Уходит.)»

Теперь попытаемся представить, как все было в действительности, исходя из материалов секретного досье.

Второй документ в нем — то самое, знаменитое письмо Булгакова правительству, напечатанное на машинке, с его подписью. Содержание этого письма известно читателям — оно уже публиковалось, а перед этим долго ходило в самиздате.

Но в папке — весна 1930-го. И об отчаянном, вызывающем послании Булгакова еще никому, кроме самого автора и печатавшей письмо Елены Сергеевны Шиловской (через два года она станет его женой), ничего не известно.

И вот один из первых читателей открывает письмо, читает внимательно, подчеркивая и отчеркивая важные для него строчки. Этот читатель — Генрих Ягода. Не будем повторять здесь весь текст, приведем лишь часть, выделенную руководителем ОГПУ. Проследим за действиями его жирного карандаша, прочитаем письмо его глазами. (Текст, подчеркнутый Ягодой, выделен жирным шрифтом.)

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

ПРАВИТЕЛЬСТВУ СССР

«...После того, как все мои произведения были запрещены, среди многих граждан, которым я известен как писатель, стали раздаваться голоса, подающие один и тот же совет:

Сочинить «коммунистическую пьесу» (в кавычках я привожу цитаты), а кроме того, обратиться к Правительству СССР с покаянным письмом, содержащим в себе отказ от прежних моих взглядов, высказанных мною в литературных произведениях, и уверения в том, что отныне я буду работать, как преданный идее коммунизма писатель-попутчик.

Цель: спастись от гонений, нищеты и неизбежной гибели в финале.

Этого совета я не послушался...

Созревшее во мне желание прекратить мои писательские мучения заставляет меня обратиться к Правительству СССР с письмом правдивым...»

«Моя цель — гораздо серьезнее.

Я доказываю с документами в руках, что вся пресса СССР, а с нею вместе и все учреждения, которым поручен контроль репертуара, в течение всех лет моей литературной работы единодушно и с НЕОБЫКНОВЕННОЙ ЯРОСТЬЮ доказывали, что произведения Михаила Булгакова в СССР не могут существовать.

И я заявляю, что пресса СССР СОВЕРШЕННО ПРАВА».

«Я не берусь судить, насколько моя пьеса («Багровый остров».— ***В. Ш.***) остроумна, но я сознаюсь в том, что в пьесе действительно **встает зловещая тень и это тень Главного Репертуарного Комитета. Это он воспитывает илотов, панегиристов и запуганных «услужающих». Это он убивает творческую мысль. Он губит советскую драматургию и погубит ее...»**

«Борьба с цензурой, какой бы она ни была и при какой власти она ни существовала, мой писательский долг, также как и призывы к свободе печати. Я горячий поклонник этой свободы и полагаю, что если кто-нибудь из писателей вздумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично уверяющей, что ей не нужна вода...»

«Я ПРОШУ ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР ПРИКАЗАТЬ МНЕ В СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ ПОКИНУТЬ ПРЕДЕЛЫ СССР В СОПРОВОЖДЕНИИ МОЕЙ ЖЕНЫ ЛЮБОВИ ЕВГЕНЬЕВНЫ БУЛГАКОВОЙ...

Я обращаюсь к гуманности советской власти и прошу меня, писателя, который не может быть полезен у себя, в отечестве, великодушно отпустить на свободу.

Если же и то, что я написал, неубедительно, и меня обрекут на пожизненное молчание в СССР, я прошу Советское Правительство дать мне работу...

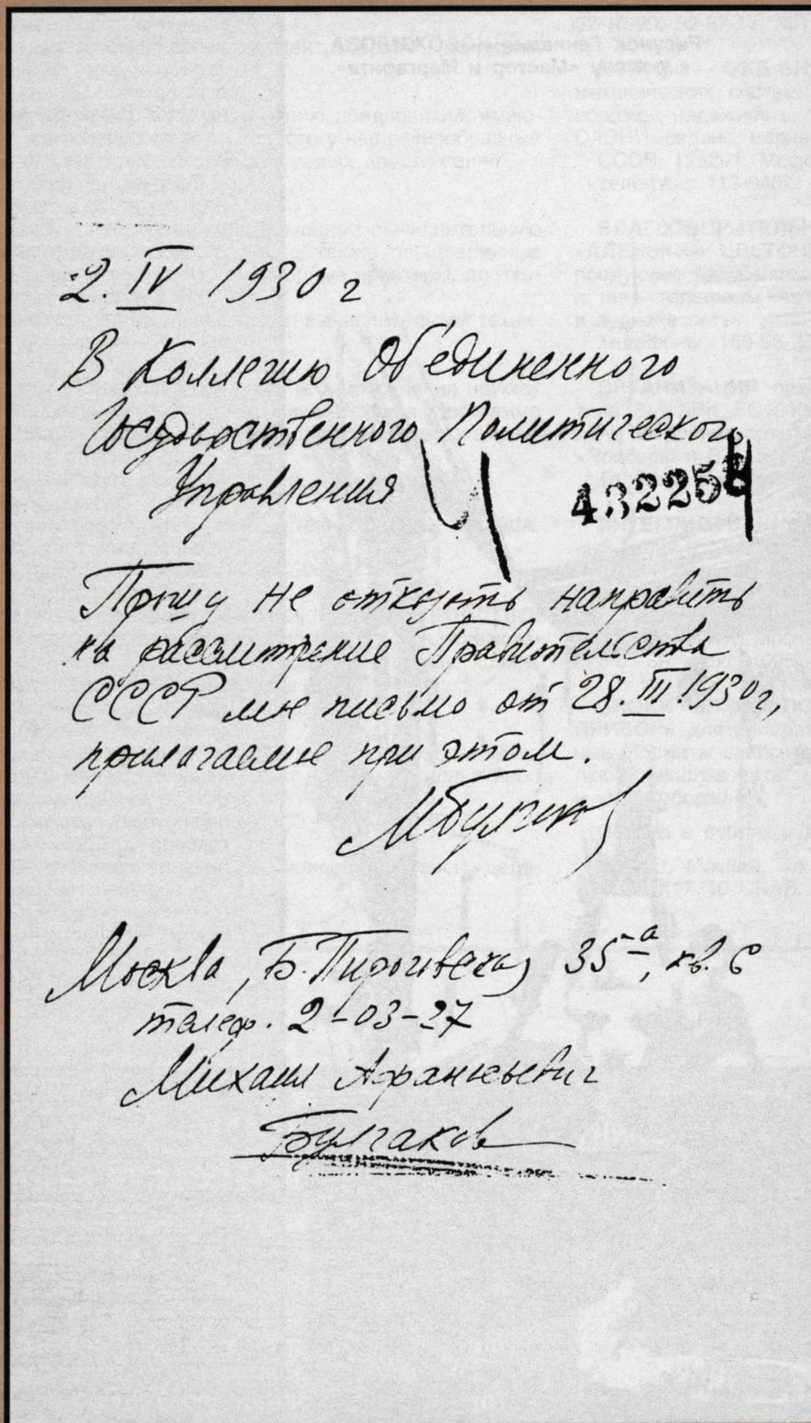
Я предлагаю СССР совершенно честного, безо всякой тени вредительства, специалиста — режиссера и актера, который берется добросовестно ставить любую пьесу, начиная с шекспировских пьес и кончая вплоть до пьес сегодняшнего дня...

Если же и это невозможно, я прошу Советское Правительство поступить со мной, как оно найдет нужным, но как-нибудь поступить, потому что **у меня, драматурга, написавшего 5 пьес, известного в СССР и за границей, налицо, В ДАННЫЙ МОМЕНТ,— нищета, улица и гибель».**

Причина письма ясна — общественная травля Булгакова, равносильная гражданской смерти его как писателя. Этот самый драматический узел его биографии развязать — или разрубить — может только Сталин. Выхода нет — и Булгаков вступает в прямой диалог с вождем.

И что тоже вполне понятно — письмо это не только о возможности существования в советской стране писателя Булгакова, но и всякого истинного, независимого художника. Булгаков защищает не одного себя, он отстаивает в принципе право писателя на жизнь и свободу выражения. Так что это не просто личное послание, а демонстрация, общественный вызов. И ответная реакция неминуемо должна стать не простым, житейским, а общественным жестом, принципиально важным для литературы фактом.

Автор письма имеет основания рассчитывать на ответ: всем известно особое, пристальное внимание Сталина к нему — вождь давал понять, что считает Булгакова едва ли не самым, а может, и самым талантливым и значительным драматургом страны — достаточно сказать, что «Дни Турбиных» он смотрел пятнадцать раз(!) (зафиксировано в канцелярии МХАТа). Одобрительные аплодисменты из правительственной ложи слышит вся Москва.

2.IV 1930 г

В Коллегию Объединенного Государственного Политического Управления

43225б

Прошу не отказать направить на рассмотрение Правительства СССР мое письмо от 28.III.1930 г., прилагаемое при этом.

М.Булгаков

Москва, Б.Пироговская 35-а, кв.6
телеф. 2-03-27
Михаил Афанасьевич
Булгаков

Но Булгакову мало аплодисментов — теперь он приглашает Сталина на прямой разговор, начинает опасный спектакль, переносит действие с подмостков сцены в жизнь.

Есть два непосредственных свидетеля появления письма, которые противоречат друг другу. Елена Сергеевна, печатавшая письмо и разносившая его вместе с Булгаковым, называет семь адресатов: Сталин, Молотов, Каганович, Калинин, Ягода, Бубнов и Ф. Кон. Тогдашняя жена Булгакова, Любовь Евгеньевна Белозерская, вспоминает об одном письме Сталину и говорит, что оно было очень коротким. Подробно разобрав список, ходивший по рукам, она начисто отвергает его как фальсификацию.

Теперь, после открытия нашего досье, ясно, что Любовь Евгеньевна не была знакома с подлинником письма, ибо текст его оказался таким, какой она отвергла. Видимо, для Булгакова в то время Елена Сергеевна стала уже более близким человеком, если он ей доверил такой важный для его судьбы шаг. В тот критический момент крах литературный совпал для него с семейным кризисом, и в жизнь Мастера вошел «тайный друг», Маргарита, которая, в отличие от своего отражения в романе, не покинула его, привезла в его дом на Пироговку свой «Ундервуд» и стала опорой, верным помощником во всех делах.

До сих пор письмо Булгакова правительству печаталось по тексту машинописной копии, хранившейся в архиве писателя в Ленинской библиотеке. Поэтому у исследователей возникали сомнения, был ли отослан публикуемый ими текст или какой-то иной, в одном экземпляре — Сталину или по нескольким адресам. Об этом пишет, например, наиболее авторитетный знаток Булгакова Мариэтта Чудакова: «Совпадает ли полностью текст письма... отправленного адресату, с тем, который мы цитируем по авторским машинописным копиям... или был еще какой-то окончательный вариант? Ответить на этот вопрос можно будет лишь тогда, когда письма Булгакова 1930 и 1931 года будут обнаружены в архиве Сталина и подвергнуты текстологическому анализу...»

Теперь мы впервые убедились, в каком виде это письмо отослано и попало в руки властей.

Вызов был брошен — каким же будет ответ?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ. РЕЗОЛЮЦИЯ

Версия Булгакова:

«Будто бы...

Мотоциклетка — дззз!!! И уже в Кремле! Миша входит в зал, а там сидят Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, Ягода.

Миша останавливается в дверях, отвешивает поклон.

Сталин. **Что это такое? Почему босой?**

Булгаков **(разводя горестно руками). Да что уж... нет у меня сапог...**

Сталин. **Что такое? Мой писатель без сапог? Что за безобразие? Ягода, снимай сапоги, дай ему!**

Ягода снимает сапоги, с отвращением дает Мише. Миша пробует натянуть — неудобно!

Булгаков. **Не подходят они мне...**

Сталин. **Что у тебя за ноги, Ягода, не понимаю!..**

Наконец, сапоги Молотова влезают на ноги Мише.

Сталин. **Ну, вот так! Хорошо. Теперь скажи мне, что с тобой такое? Почему ты мне такое письмо написал?..»**

Что же случилось в жизни — по секретному досье? Судьба Булгакова была решена через полмесяца после написания письма. Любого пассажа из отмеченных Ягодой хватило бы, чтобы переселить Булгакова на Лубянку. Однако произошло иное. Подчеркнув жирно фамилию писателя, Генрих Григорьевич наносит над ней резолюцию: «Надо дать возможность работать, где он хочет. Г. Я. 12 апреля».

Конечно же, руководитель ОГПУ единолично, без разговора со Сталиным не мог вынести такое решение — ведь послание-то адресовано правительству, да и знал он об особом отношении вождя к Булгакову. И сам стиль резолюции очень уж напоминает сталинский...

Вызов был принят, ответ подготовлен, несмотря на всю фантастическую дерзость Булгакова, положительный. Это был жест примирения. А вот почему — станет ясно дальше, после прочтения еще одного документа из секретного досье.

Третий документ в папке — отзыв-донесение в ОГПУ под названием «Письмо М. А. Булгакова». Даты нет, автор неизвестен, но, судя по тексту, это лицо, близкое к литературным и театральным кругам. Писал он свое сочинение по прямому заданию ОГПУ или добровольно, остается только гадать. Видно, однако, что этот человек не был близок самому Булгакову, а пользовался услугами «информ-агентства» «Как говорят», то есть пересказывал чужие мнения.

«ПИСЬМО М. А. БУЛГАКОВА

В литературных и интеллигентских кругах очень много разговоров по поводу письма Булгакова.

Как говорят, дело обстояло следующим образом.

Когда положение Булгакова стало нестерпимым (почему стало нестерпимым, об этом будет сказано ниже), Булгаков в порыве отчаяния написал три письма одинакового содержания, адресованные на имя тов. И. В. Сталина, Ф. Кона (в Главискусство) и в ОГПУ.

В этих письмах со свойственной ему едкостью и ядовитостью Булгаков писал, что он уже работает в советской прессе ряд лет, что он имеет несколько пьес и около 400 газетных рецензий, из которых 398

ругательных и граничащих с травлей и с призывом чуть ли не физического его уничтожения. Эта травля сделала из него какого-то зачумленного, от которого стали бегать не только театры, но и редакторы и даже представители тех учреждений, где он хотел устроиться на службу. Создалось совершенно нестерпимое положение не только в моральном, но и чисто в материальном отношении, граничащем с нищетой. Булгаков просил или отпустить его с семьей за границу, или дать ему возможность работать.

Феликс Кон, получив это письмо, написал резолюцию: «Ввиду недопустимого тона, оставить письмо без рассмотрения...»

Превем здесь рассказ информатора ОГПУ, чтобы проследить дальнейшее развитие сюжета.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ. ЗВОНОК

«Будто бы...

Сталин. **... Теперь скажи мне, что с тобой такое? Почему ты мне такое письмо написал?**

Булгаков. **Да что уж!.. Пишу, пишу пьесы, а толку никакого!.. Вот сейчас, например, лежит в МХАТе пьеса, а они не ставят, денег не платят...**

Сталин. **Вот как! Ну, подожди, сейчас! Подожди минутку.**

Звонит по телефону.

Художественный театр, да? Сталин говорит. Позовите мне Константина Сергеевича. (Пауза.) Что? Умер? Когда? Сейчас? (Мише.) Понимаешь, умер, когда сказали ему.

Миша тяжко вздыхает.

Ну, подожди, подожди, не вздыхай.

Звонит опять.

Художественный театр, да? Сталин говорит. Позовите мне Немировича-Данченко. (Пауза.) Что? Умер?! Тоже умер? Когда?.. Понимаешь, тоже сейчас умер. Ну, ничего, подожди.

Звонит.

Позовите тогда кого-нибудь еще! Кто говорит? Егоров? Так вот, товарищ Егоров, у вас в театре пьеса лежит (косится на Мишу), писателя Булгакова пьеса. Что? По-вашему, тоже хорошая? И вы собираетесь ее поставить? А когда вы думаете? (Прикрывает трубку рукой, спрашивает у Миши: ты когда хочешь?)

Булгаков. **Господи! Да хыть бы годика через три!**

Сталин. **Ээх!.. (Егорову.) Я не люблю вмешиваться в театральные дела, но мне кажется, что вы (подмигивает Мише) могли бы ее поставить... месяца через три... Что? Через три недели? Ну что ж, это хорошо. А сколько вы думаете платить за нее?.. (Прикрывает трубку рукой, спрашивает у Миши: ты сколько хочешь?)**

Булгаков. **Тхх... да мне бы... ну хыть бы рубликов пятьсот!**

Сталин. **Аай!.. (Егорову.) Я, конечно, не специалист в финансовых делах, но мне кажется, что за такую пьесу надо заплатить тысяч пятьдесят. Что? Шестьдесят? Ну что ж, платите, платите! (Мише.) Ну, вот видишь, а ты говорил...»**

Мы уже знаем, что Сталин — Ягода, несмотря на «недопустимый тон» письма Булгакова, не оставили его без рассмотрения. 12 апреля писателю разрешили жить и работать.

А через два дня оглушительно, на всю страну прогремел самоубийственный выстрел Маяковского. Еще одна трагическая демонстрация, еще один вызов счастливой жизни, устроенной вождем! И Сталин делает новый, хорошо рассчитанный шаг, «движение на сближение», как говорят на Кавказе.

Слово — безымянному информатору ОГПУ:

«Проходит несколько дней, в квартире Булгакова раздается телефонный звонок.

— Вы тов. Булгаков?

— Да.

— С вами будет сейчас говорить тов. Сталин(!)

Булгаков был в полной уверенности, что это мистификация, но стал ждать.

Через 2—3 минуты он услышал в телефоне голос:

— Я извиняюсь, тов. Булгаков, что не мог быстро ответить на Ваше письмо, но я очень занят. Ваше письмо меня очень заинтересовало. Мне хотелось бы с Вами переговорить лично. Я не знаю, когда это можно сделать, т. к. повторяю, что я крайне загружен, но я Вас извещу, когда смогу принять. Но во всяком случае постараемся для Вас что-нибудь сделать.

Булгаков по окончании разговора сейчас же позвонил в Кремль, сказав, что ему сейчас только что звонил кто-то из Кремля, который назвал себя Сталиным.

Булгакову сказали, что это был действительно тов. Сталин. Булгаков был страшно потрясен.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА к роману «Мастер и Маргарита».

Через некоторое время, чуть ли не в этот же день, Булгаков получил приглашение от Ф. Кона пожаловать в Главискусство. Ф. Кон встретил Булгакова с чрезвычайной предупредительностью, предложив стул и т. п.

— Что такое? Что Вы задумали, М. А., как же все это так может быть, что Вы хотите?

— Я бы хотел, чтоб Вы меня отпустили за границу.

— Что Вы, что Вы, М. А., об этом и речи быть не может, мы Вас так ценим... и т. п.

— Ну, тогда дайте мне хоть возможность работать, служить, вообще что-нибудь делать.

— Ну, а что Вы хотите, что Вы можете делать?

— Да все, что угодно, могу быть конторщиком, писцом, быть режиссером, могу...

— А в каком театре Вы хотели бы быть режиссером?

— По правде говоря, лучшим и близким мне театром я считаю Художественный. Вот там бы я с удовольствием.

— Хорошо, мы об этом подумаем.

На этом разговор с Ф. Коном был кончен.

Вскоре Булгаков получил приглашение явиться в МХАТ 1-й, где уже был напечатан договор с ним, как с режиссером...»

Можно заметить, что донесение это составлено весьма лукаво: оно одновременно полно и уважения к Булгакову, и неприкрытой лести к Сталину, к тому же в нем не названо ни одной конкретной фамилии из тех, «кто говорит». Такое мог написать человек, который хотел бы отвлечь внимание от серьезности поединка Булгакова с властью, от самого содержания его письма и «замазать» всю эту историю, обратив ее в удобную легенду о мудром правителе, окруженном зловредными слугами. Очень типично для атмосферы того времени!

Нам, однако, документ интересен и ценен как еще одна версия, еще один черновик исторической сцены — Мастер и Вождь. Рассказ этот о нашумевшей телефонной встрече, в общем, подтверждает свидетельства двух женщин, стоявших около Булгакова в то время,— Елены Сергеевны и Любови Евгеньевны. Нет только в диалоге Сталина с писателем ни слова о просьбе последнего уехать за границу — это не соответствовало бы радужной картинке.

Документ доказывает, что Сталин действовал точно и хитро. Жесты его были нацелены на создание мифа о себе как о великодушном и мудром правителе, покровителе искусств.

Вернемся к донесению:

«Вот и вся история, как все говорят, похожая на красивую легенду, сказку, и которая многим кажется просто невероятной.

Необходимо отметить те разговоры, которые идут про Сталина сейчас в литер. интеллигентских кругах.

Такое впечатление — словно прорвалась плотина, и все вокруг увидали подлинное лицо тов. Сталина.

Ведь не было, кажется, имени, вокруг которого не сплелось бы столько злобы, мнения как о фанатике, который ведет к гибели страну, которого считают виновником всех наших несчастий и т. п., как о каком-то кровожадном существе, сидящем за стенами Кремля.

Сейчас разговор:

— А ведь Сталин действительно крупный человек и, представ(ляете), простой, доступный. Один из артистов т(еатра) Вахтангова у О. Леонидова говорил:

— Сталин раза два был на «Зойкиной квартире». Говорил с акцентом: «Хорошая пьеса. Не понимаю, совсем не понимаю, за что ее то разрешают, то запрещают. Хорошая пьеса. Ничего дурного не вижу». Рассказывают про встречи с ним, когда он был не то Наркомнацом, не то Наркомом РКИ: совершенно был простой человек, без всякого чванства, говорил со всеми, как с равными. Никогда не было никакой кичливости.

А главное, говорят о том, что Сталин совсем ни при чем в разрухе. Он ведет правильную линию, но кругом него сволочь. Эта сволочь и затравила Булгакова, одного из самых талантливых советских писателей. На травле Булгакова делали карьеру разные литературные негодяи, и теперь Сталин дал им щелчок по носу.

Нужно сказать, что популярность Сталина приняла просто необычайную форму. О нем говорят тепло и любовно, пересказывая на разные лады легендарную историю с письмом Булгакова».

Захлопнем секретную папку.

Итак, хэппи-энд, счастливая развязка.

ЭПИЛОГ

Версия Булгакова:

«Будто бы...

После чего начинается такая жизнь, что Сталин прямо не может без Миши жить — все вместе и вместе. Но как-то Миша приходит и говорит:

Булгаков. **Мне в Киев надыть бы поехать недельки бы на три.**

— Ну вот видишь, какой ты друг? А я как же? Но Миша уезжает все-таки. Сталин в одиночестве тоскует без него.

— Эх, Михо, Михо!.. Уехал. Нет моего Михо! Что же мне делать, такая скука, просто ужас!.. В театр, что ли, сходить?»

Кто же победил в поединке? Никто? Или оба?

Вождь сумел обмануть свое время.

Булгаков получил право жить и написать лучшую свою вещь — «Мастера и Маргариту». Хотя пьесы его еще долго не шли, а печататься он стал после того, как Сталин сошел со сцены.

В конечном же счете победа была за Мастером, но только в будущем времени. Сейчас мы и отмечаем эту победу — всем миром.

МАЛОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «НОВАЯ РУСЬ» предлагает за рубли: вычислительную технику, оргтехнику, бытовую технику. Заводское оборудование — линии по производству кирпича.

Звоните нам по телефону: 248-47-46 (Москва).

СОВЕТСКО-ИТАЛЬЯНСКОЕ СП «МИЛО» осуществляет: комплекс услуг по организации производства полимерной обуви и других изделий с использованием композиций ПВХ, ТЭП, ППУ. Разработку моделей, постановку продукции на производство с поставкой оборудования, комплектующих. Ремонт литьевых агрегатов, прессформовой оснастки, абонементное обслуживание оборудования. Оплата комбинированная.

Москва, 107564, Миллионная ул., 13, корп. 1, «Центросервис», телефон: 168-24-42.

СОВЕТСКО-БРИТАНСКОЕ СП «ВЕСТМОС». Вниманию предприятий, имеющих СКВ! Дешевле, чем где-либо, вы можете приобрести у нас разнообразные импортные товары (одежду, обувь, трикотаж). Ждем ваших предложений.

117465, Москва, а/я 20, телефон: 208-31-58.

ОРГАНИЗАЦИЯ предлагает предприятиям и организациям вычислительную технику, ксероксы, аппараты факсимильной связи, а также периферийные устройства к средствам вычислительной техники (лазерные принтеры, плоттеры, сканнеры, триммеры и др.). Оплата в рублях.

Обращаться по телефону: 415-77-25 (Москва) в отдел вычислительной техники с 14 до 18 часов.

НТЦ «ИНФОТЕХ» предлагает для языковых курсов и самообучения ноу-хау по изучению английского языка по интенсивной методике Шехтера. Программа для IBM-компьютеров с графикой, 22 урока, 100 ситуаций, синтезирует американское произношение.

Телефон: 208-68-22, Москва, 103051, Б. Сухаревский, 17.

САМЫЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ (до 50% их стоимости) на новые товары из США, Азии и Китая.

Телефоны для справок в Риге (0132): 40-69-08, 40-69-98.

ПРЕДЛАГАЕМ ЗАРУБЕЖНОЕ ВИДЕОЗНАКОМСТВО, ТРУДОУСТРОЙСТВО, РЕКЛАМУ, внедрение изобретений, публикацию рукописей, организацию выставок-продаж произведений искусств, обмен, куплю-продажу, аренду, сдачу, увеличение, уменьшение жилплощади в любом городе.

103031, Москва, а/я 814, телефоны: 292-70-00, 203-89-31.

НПО «АЛЬТЕРНАТИВА» поставляет оргтехнику и периферию, настольные издательские комплексы зарубежных фирм, организует наладку и гарантийное обслуживание, обучение персонала. Оплата в рублях.

129010, Москва, ул. Гиляровского, 51, телефоны: 971-62-36, 151-03-33.

ВНИМАНИЮ ОРГАНИЗАТОРОВ конференций, семинаров, выставок, деловых встреч!

Специалисты Технического центра радио- и телевизионного обслуживания обеспечат первоклассный сервис, помогут Вам выбрать оптимальный вариант обслуживания техническими средствами синхронного перевода речи, звукоусиления и телевидения. Имеется возможность перевода видеофильмов на любые языки, выделения переводчиков-синхронистов.

Телефоны: 120-75-94, 128-27-00.

МАЛОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «РОДНИК» реализует мёд пчелиный натуральный фасованный, нетто 120 граммов.

Обращаться по адресу: 348000, г. Луганск, ул. 9-я линия, д. 1, телефоны: 52-10-90, 52-87-17, МП «РОДНИК».

КОННАС — ОКБ БН, крупнейший разработчик скважинных насосов и гидромеханических систем. Исследования, проектирование, технология, опытные образцы, надежность, прикладное и системное программирование, АСУ, САПР, САЭНИ, сервис, маркетинг.

СССР, 115201, Москва, ОКБ БН,
телефакс 113-9407, телефон: 113-97-35.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ КООПЕРАТИВНО-КОММЕРЧЕСКИЙ ЦЕНТР «АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК» предлагает за рубли (по безналичному расчету) продукцию зарубежных фирм: ксероксы и телефаксы, расходные материалы к ним; телефоны, автоответчики, телевизоры и видеомагнитофоны, видео- и аудиокассеты.

Телефоны: 150-55-77, 283-68-26, 240-96-51.

ОРГАНИЗАЦИЯ предлагает модемы «CompLink C4800» для компьютеров типа IBM, ДВК, ЕС1840/41/42, полирующие дискетки, устройства для прокраски лент матричных принтеров. Продукцию можно приобрести в магазинах-салонах «Приборы и ВТ» в различных городах СССР.

Телефон в Москве: 353-68-58 (с 13.00); факс: 181-1873.

ИНТЕГРИРОВАННЫЙ ПАКЕТ OPEN ACCESS ЗА РУБЛИ — русифицированный вариант одного из лучших программных продуктов. Обеспечивает решение всех проблем автоматизации учрежденческой деятельности малых и средних предприятий, успешно используется в науке, производстве, с/х, транспорте и во многих других сферах. Имеется сетевой вариант.

117900, ГСП-1, Москва, Б-334, ул. Вавилова, 30/6, СП ИНТЕРСОФТ. Телефон: 278-61-39, факс: (095) 310-7050.

БЛОКИ ШИРОКОПОЛОСНЫХ МАГНИТНЫХ ГОЛОВОК ЗАВОДА «РАДИОПРИБОР» для аппаратуры точной магнитной записи. Предусмотрены различные форматы записи на магнитной ленте. Технические характеристики позволяют использовать магнитные головки в аппаратуре уровня «Ампекс» и «Шлюмберже».

Оплата в рублях и СКВ.

111250, Москва, ул. Пруд Ключики, д. 2, тел.: 273-21-42, факс: 273-1937, телекс: 417710 CRAB.

ВСЕМ ВЛАДЕЛЬЦАМ АВТОМОБИЛЕЙ!

«РАСТ ИВЕЙДЕР» — уникальный защитник от коррозии.

В отличие от традиционных методов защиты кузова с помощью различных покрытий электронная система «РАСТ ИВЕЙДЕР» подавляет процесс коррозии металла при нарушении защитного покрытия кузова, в том числе в местах, особенно поражаемых ржавчиной и труднодоступных для других способов защиты.

Это небольшое электронное устройство устанавливается под капотом автомобиля в течение 20 минут и потребляет энергию не больше, чем часы Вашего автомобиля.

Фирма «Rust Evader Corp» (USA) и ее советские партнеры в лице «Инфо-Лада» (Тольятти) и Ленинградского спецавтоцентра АвтоВАЗтехобслуживания реализуют устройство «РАСТ ИВЕЙДЕР» как за рубли, так и за свободно конвертируемую валюту.

С заявками на приобретение как оптом, так и в индивидуальное пользование обращаться:

г. Ленинград, тел.: 132-47-89, 132-83-47.

СВЯТОЙ ПАТРУЛЬ

Александр АРОНОВ

Памяти Анны Ахматовой

А эта женщина жила,
Когда скрывались мы в прихожей,
Случалось, плакала она,
Но и насвистывала тоже,

Пока во глубине зеркал
Запаздывали расставанья,
Пока нас Сталин отвлекал
От ужаса существованья.

* * *

Сергею Ниточкину

Как старая сторожевая,
Душа летит, полуживая,
Однажды обогнав свой крик,
Который, помнишь, лишь раздался
И сразу на полтона сдался
И сам к себе почти привык.

Он что-то знает, что-то может,
Его неправедность тревожит,
Он скорби различает здесь.
Ну, а она слепа, безгласна
И если с чем-то не согласна,
То это мир, каков он есть.

И если я не помню цены,
Не понимаю, что со сцены
Несет нам шут очередной,
То, может быть, припав повыше,
Я наконец ее расслышу
Немою, темною, родной.

* * *

...Там же, во сне,
Я победил в беспредельной войне
Всех, кто попались.
Рухнул, сопя,
И пол-Европы подмял под себя,
Не просыпаясь.

Сын мой пропал,
Дом зашатался, покуда я спал,
Смылась супруга.
Смутно вдоль сна
Слышал, как пела свое у окна
Пьяная вьюга.

Холодно тут.
Ветры сквозь комнату эту метут.
Может, остаться?
Спать до весны?
Только вот сны эти, сны эти, сны
Снятся и снятся.

* * *

Если нужно газете, то вы отправляетесь
в рай.
Замполит приглашает: а пока познакомьтесь
со сказкой.
Да, так вот он какой, этот древний
бескрайний сарай.
С облупившейся, некогда синею краской.

Обитатели только вернулись из нашей
промозглой беды
Со своей застарелой, почти что привычной
обидой,
От предбанника к спальне оставив босые
следы,
Белоснежные крылья сложив в уголке
пирамидой.

ВЕНЕЦИАНСКОЕ ИНТЕРВЬЮ

Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я вернусь умирать.
И. Бродский

И снова: «Вы когда
поедете домой?»
Опять зовут «Умри» —
и это им не дико?
А он ведь все сказал.
Ужели он немой
Или оглохли все
на расстоянье крика?
Пристали: «Родина».
А Родины-то две.
Вторая ближе той,
случайной и бесспорной.
Из колоса зерно
выходит на Москве,
Но мы не сеем хлеб,
мы только сами зерна.
Вторая родина
все ближе, все видней.
Далекий книжный шкаф,
как ты храним и дорог.
Лагуна и залив —
и вот уже над ней
На «Смерть в Венеции»
похожий зимний город.
И строчку, и судьбу
он знает наизусть.
Сказать: «Заткнись, болван» —
по питерским манерам
Не следует. Но что ж
в лице скользнула грусть?
Да, грустно говорить с тупым интервьюером.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Природа не терпит пустоты: меньше стало людей из коммунистического будущего, зато прибавилось инопланетян. Привыкшие прикидывать, когда и кто наконец обустроит для нас бестолковую нашу жизнь, соотечественники высказывают все больше интереса к спасителям, так сказать, «не от мира сего», посещающим нас по каналам неописуемым и межзвездным. Ничего страшного. Слишком уж долго с будущим у нас было все директивно ясно; давайте послушаем решения вариантные, инопланетные, неожиданные. Давайте выслушаем их с уважением и серьезностью; ведь слушали мы в течение десятилетий сообщения не менее фантастические, прилежно запоминая их из книг, докладов, лозунгов и плакатов. В сравнении со многими из наших прорывов к светлому будущему наперегонки со всякими америками статья, с которой вы познакомитесь дальше, ей-право, выглядит как скучный и сухой академический трактат. Так что давайте тряхнем фантазией, дорогие соотечественники. Сомнения в том, что прочтете, по суду преследоваться не будут. В отличие от государственных недавних фантазий, о которых мы что-то начали призабывать...

Алексей ПРИЙМА

Центр по исследованию аномальных контактных ситуаций, возглавляемый мною,— плод частной инициативы. Вплоть до лета 1989 года он обретался в Москве на таких, что ли, полуподпольных правах. Мы в самодеятельном порядке работали, вели потихоньку исследования, однако официально не существовали, хотя власти знали о том, что мы есть. Знали, но не замечали нас, игнорировали.

И вот наконец были сняты все запреты с публичного обсуждения круга наших научных интересов.

То, что ранее в советской прессе с продуманной оскорбительностью обзывалось «лженаукой», «псевдонаучной чепухой», «вредной пропагандой мистицизма», получило отныне в той же самой прессе иное название. Именно: исследования АЯ, или аномальных явлений...

В этой статье с фактами в руках я хочу доказать вам ту совершенно очевидную для меня мысль, что несколько лет тому назад началась переброска людей с Земли на некую отдаленную планету или планеты.

Переброска является чисто филантропической, спасательной акцией. Осуществляется она внеземными, разумными силами нечеловеческого уровня. И идет, между прочим, планомерно, то есть изо дня в день, но носит — по крайней мере пока — не массовый характер. Цель акции — уберечь хотя бы малую часть человечества от всепланетного катаклизма, который якобы произойдет на Земле во вполне обозримом будущем.

Что? Трудно переварить такое? Не верится?

Вот и я тоже сам себе не поверил, когда в ходе анализа сообщений о встречах людей с операторами НЛО такая мысль впервые пришла мне на ум. Поначалу она показалась вздорной, нелепой. Более того, бредовой...

Главный предмет разговора в этой статье — контакты с операторами НЛО. Однако я решил прослоить обсуждение их краткими справками об иных контактных АЯ, самых разных. Дабы у читателей составилось хотя бы общее представление о том, что именно мы анализируем из проявлений контактных АЯ.

«ЛЕТАЮЩАЯ ТАРЕЛКА»

Вот сообщения о встречах с экипажами иноземных кораблей.

Из письма В. Ефименко, колхозника, Краснодарский край, 1988 год: «И тут вдруг этот высоченный парень в серебристом комбинезоне и говорит мне: «Очень скоро на Землю обрушатся большие беды. Мы хотим помочь вам выпутаться из них. Мы спасем некоторых из вас. В том числе тебя. Жди. Мы еще вернемся за тобой».

В городе Сальске Ростовской области я лично снимал показания с В. И. Пальчикова, начальника насосных станций Сальского межрайонного управления оросительных систем. Выяснилось, что Пальчиков — весьма серьезный, деловой человек, заведомо не склонный к дурацким шуточкам, большой (по местным меркам) начальник. Так вот, он категорически настаивает на том, что однажды ночью его едва было не умыкнули с Земли инопланетяне.

Вот что произошло.

Около полуночи в августе 1989 года Пальчиков возвращался на «Жигулях» из деловой поездки в Сальск. Мотор

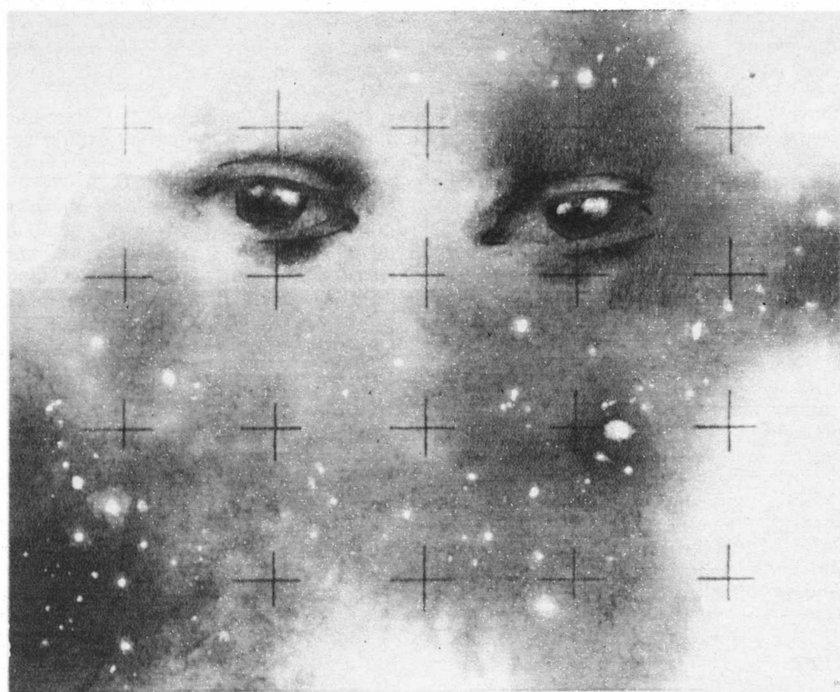

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

внезапно заглох, фары погасли, машина остановилась (попутная справка: типичная реакция земной автотехники на «летающую тарелку», приземлившуюся где-то возле шоссе, проселочной дороги). Пальчиков вылез из «Жигулей», откинул капот в поисках поломки и... увидел «их».

— Четверо «их» было,— рассказывает он.— Разглядел каждого в лунном свете очень даже хорошо. Роста невысокого, с очень длинными руками и с большими головами, как бы приплюснутыми сверху. Глаза яйцевидные, а вместо носа — две дырочки в центре лица. Одеты «они» были в блестящие, облегающие комбинезоны без складок и застежек, типа аквалангистских костюмов со шлемами. Лица прикрыты тонкой, прозрачной пленкой — вроде стекла.

Один из «них» обратился к Пальчикову на чистом русском языке. Голос шел из коробочки, которую тот держал в руке на уровне живота. Голос сказал: «Ты первый человек, который нас не испугался». Потом предложил: «Не желаешь ли отправиться с нами? Не пожалеешь!» А когда Пальчиков решительно отказался, то проговорил: «Ладно, садись в свою машину и езжай. Если понадобишься, мы тебя найдем».

Сравните с сообщением В. Ефименко, приводившимся выше: «Мы еще вернемся за тобой».

Сопоставим рассказ Пальчикова с информацией, поступившей из Киева. Московской «Неделей», 1989, № 33, приводятся свидетельства участниц контакта, который случился 4 июля 1989 года в киевском Гидропарке. Пенсионерка Вера Прокофьевна, инженер Александра Степановна и шестилетняя дочка последней гуляли вечером по парку. В дальнем его глухом уголке они неожиданно столкнулись с тремя странного вида «людьми» в серебристых одеждах, с большими, лучистыми глазами.

Цитирую: «Мы спросили: «Вы туристы? Откуда?» Они нам... ответили: «Мы прилетели с другой планеты... Мы каждый день берем одного человека с Земли к себе. И вас тоже возьмем»... Мы хотели кричать, убежать, но нас словно магнитом притягивало, и сил не было (на языке уфологии, науки о НЛО, такое состояние называется «контактным ступором», в который вводятся операторами НЛО многие из тех наших соплеменников, кто оказывался в условиях «встречи с чуждым».— **А. П.**). Мы стали просить, чтобы нас не забирали, у нас семьи, дети... «Хорошо, мы вас не возьмем,— сказали эти «люди».— Найдем других».

И они направились к «летающей тарелке», видневшейся сквозь кусты в некотором отдалении, поднялись на борт корабля. Люк закрылся, НЛО улетел.

«Человек труда» от 2 июля 1990 г., Краснодар: «30 апреля дачник М. в поте лица трудился на своем огороде. И вдруг заметил на соседнем картофельном поле в клубящемся тумане шар диаметром около 4 метров. Изумленный дачник увидел трех гостей... Почему-то М. не испугался (не успел, чувство страха гуманоиды, похоже, умеют «отключать»), его пригласили в гости. Внутри шара было все желто-оранжевое, по периметру — экраны. После краткой беседы гости вежливо осведомились, не хочет ли М. познакомиться с жизнью на другой планете. От чего М., собрав остатки здравого смысла, твердо отказался».

«Ленинская смена» от 25 августа 1990 г., Белгород. Рассказывает пенсионерка Анна Дмитриевна Ерыгина из села Зварыкино: «...Тут вдруг откуда-то справа выходит она, эта женщина. Одета в какую-то одежду сероватого, светлого цвета. На голове... как бы это сказать... ну, похоже, будто цельное со всей одеждой... Она говорит: «Пойдемте со мной»... Я перепугалась, а она положила руку мне на плечо — по мне будто холод прошел — и я сразу стала совсем другой, успокоилась».

Женщина ввела Ерыгину в нечто похожее на катер овальной формы. Возникло ощущение полета, потом — провал в памяти Ерыгиной. Потом — «я сразу поняла, что это был какой-то совсем другой, не наш мир». Ерыгина, по ее словам, очутилась в некоем огромном помещении, где было много высоких «людей» странного облика.

«Они спросили, как мне живется. Я сказала, что неплохо... Один мужчина сказал: «Вы не бойтесь, у нас много ваших побывало».

А женщина в одежде сероватого цвета, прощаясь, произнесла: «Мы еще встретимся».

Спустя несколько дней встреча состоялась. Вновь появилась непонятно откуда все та же женщина в той же одежде. В категорической форме она предложила Ерыгиной немедленно отправиться навсегда вместе с ней в иной мир: «Это в ваших интересах». Ерыгина отказалась наотрез. Комментируя ее поразительный рассказ, корреспондент газеты пишет: «Родственники и знакомые Анны Дмитриевны в один голос заявляют о своей уверенности в ее психическом здоровье».

Режет слух сквозной этот, навязчивый мотивчик всех подряд сообщений — предложение покинуть Землю и, когда человек отказывается, обещание вновь встретиться с ним.

Покинуть Землю — спрашивается, ради чего, с какими целями? «Это в ваших интересах». В каких именно?!

Быть может, ответ содержится в сообщении В. Ефименко? Помните его? «На Землю обрушатся большие беды. Мы хотим помочь вам выпутаться из них. Мы спасем некоторых из вас».

Многозначительная обмолвка, оброненная кем-то из экипажа «летающей тарелки» при встрече с киевлянками в киевском Гидропарке: «Мы каждый день берем одного человека с Земли к себе».

Зачем? Почему? Вопросы, вопросы... В поисках ответов на них обратимся к другим контактным сообщениям.

ДВЕРЬ В ИНОЙ МИР?

В архиве нашего Центра есть несколько записей рассказов малолетних детей, которые якобы видели то, чего не видели находившиеся рядом с ними взрослые. В степи или на поляне появляется что-то вроде столба нагретого воздуха, марево с четко очерченными границами. По краям марева, уверяют видевшие его дети, летают какие-то полупрозрачные шарики.

Вскоре в мареве на уровне земли или чуть выше появляются «красивые штучки», тоже полупрозрачные,— треугольники, шары, «колбаски». И они разлетаются друг за другом в разные стороны, уходят, набирая высоту, к горизонту.

Детские выдумки? Или же ничем пока еще не замутненный взор ребенка способен улавливать то, что не фиксируется взглядом взрослого человека? И если это так, то что конкретно видят дети?

Передо мной уникальная фотография, сделанная в Подмосковье летом 1990 года. Взрослый человек шел по дороге и, любуясь пейзажем, просто фотографировал окрестности. Никаких странностей, непонятностей он в процессе фотосъемки не заметил. А когда проявил пленку, выяснилось, что на одном из кадров фотоаппарат зафиксировал не замеченное глазом АЯ: разметанный круг в траве, растущей в придорожной канаве, и плавающие по краям некоего «столба» над кругом полупрозрачные шарики.

Вот вам и «детские выдумки»...

* * *

Весной и летом 1990 года на пару с известным советским гипнотизером В. Авдеевым мы отрабатывали методики погружения контактеров в регрессивный гипноз. Часто бывает так: человек, побывавший в контакте с операторами НЛО, ясно помнит начало контакта и его конец. А вот что было «посередине», оказывается словно бы начисто стертым из сознания.

На самом деле ничего там не стерто. А просто экипажем «летающей тарелки» поставлен в сознании человека психоблок. Он отгораживает, задвигает воспоминания о собственно контакте на глухие задворки сознания, в его кулисы.

Мы с Авдеевым научились — скажу честно, далеко не сразу — «ломать» такие блоки.

Не вдаваясь в детали, скажу, причем ответственно: под гипнозом человек говорит правду, одну только правду.

Так вот, мы провели, в частности, серию гипнотических сеансов с жительницей Подмосковья Зинаидой Гавриловой. В конце июня 1990 года около полуночи Зинаида повстречалась на лесной дороге с высоченной женщиной в черном одеянии, которая сказала ей: «Пойдем со мной». Далее — провал в памяти Зинаиды. Далее — она словно бы просыпается и обнаруживает себя сидящей на лавочке недалеко от своего дома.

С момента встречи с женщиной в черном прошло, как тут же выясняется, полтора часа. Где она провела это время и что делала, Зинаида Гаврилова не помнит... Налицо так называемая типичная «контактная хрональная аномалия» в сознании контактера.

Обнаружив в психике загипнотизированной Гавриловой психоблок, мы с Авдеевым вскрыли его. То, что оказалось за блоком, просто потрясло нас. Коротко скажу здесь, что женщина в черном доставила Зинаиду на борт НЛО, и та на этом самом борту совершила перелет в некий параллельный мир. Побывала на искусственной, не природной планете в иноземном городе, который называется Куили.

Выяснилось, что она побывала в Куили и ранее, хотя на сознательном уровне, повторяю, ничегошеньки не помнит, не ведает о том. Выяснилось также, что в Куили у нее есть... дружок, закадычный приятель.

А теперь внимание: в июне 1990 года ее в очередной раз «выдернули» из нашего мира в сопредельный, в Куили, с одной-единственной целью. Давний ее иноземный приятель, а с ним его соплеменники стали настойчиво, упорно уговаривать Гаврилову остаться в их мире, в их городе навсегда.

Зинаида отказалась: «У меня муж, сын... Как же я брошу семью?» Тогда ей было заявлено, что на сей раз ее, так и быть, отпускают домой с миром, но спустя несколько лет в урочный день и час вернутся за ней. И уволокут-таки с Земли окончательно и навсегда.

Ей назвали место и точную дату предстоящего похищения.

Само собой, в указанный день в указанном месте весь наш Центр будет находиться в полном своем составе. Мы намерены, ни в коем случае не вмешиваясь в события, произвести кино-, фото- и видеосъемку. Широкий, так сказать, общечеловеческий интерес представляют мотивы предстоящего похищения, доводы, которые приводили аборигены города Куили в беседе с Зинаидой.

Вот они.

На Земле в относительно недалеком будущем ожидаются катастрофические беды, некие катаклизмы. Аборигены Куили, посовещавшись, решили уберечь своего давнего «клиента» — Гаврилову — от них.

Около года тому назад я побывал в Челябинске. Говоря на нашем профессиональном жаргоне, «крутился на контактах». В том числе снял показания домохозяйки А. Слитковой, пережившей, по ее словам, опыт «встречи с чуждым». Ей тоже было предложено навсегда покинуть Землю. Член экипажа НЛО, беседовавший на телепатическом уровне с ней, обронил, между прочим, вот какую очень и очень, как кажется мне, смыслоемкую фразу: «Мы — спасательные отряды».

…АЦИЯ УЖЕ НАЧАЛАСЬ?

А теперь — фрагменты из показаний некоторых контактеров, выявленных и опрошенных мною.

Валерий Буримов, рабочий химзавода, Ростов-на-Дону: «Меня вытащили из «тарелки», как бревно, и я оказался на искусственной планете под искусственным небом-куполом, равномерно светившимся».

Далее следует описание внеземного города, подозрительно напоминающее описание, сделанное Зинаидой Гавриловой. Может быть, Буримов, как и Гаврилова, побывал в Куили?

А далее: «Мне сказали, что в 2002 году у нас, на Земле, будет конец света. Причем люди сами подведут себя к концу света. Все начнется с того, что появятся восемь новых страшных болезней. Одна из них уже появилась. Так сказали».

Виктор Молчанов, рабочий совхоза, Краснодарский край: «Город был...» — следует описание примет города Куили со всеми его характерными черточками. Туда Молчанов был доставлен на борту НЛО сроком на два земных часа, затем отпущен домой. Фрагмент из монолога инопланетянина, беседовавшего с ним: «Начиная с 2002 года на Земле начнет резко повышаться температура. Она повысится на 15 градусов по Цельсию. Примерно треть человечества погибнет...»

ПОЛЕТ СВЕЧИ

Несчастье случилось в одной московской семье: дом, как удалось установить позже, посетила «черная колдунья», которая наложила на семью заклятье. В доме стали твориться неприятнейшие вещи...

Сотрудниками нашего Центра была обнаружена в этом доме знаменитая «заговоренная черная игла», атрибут магического арсенала колдунов. «Черная игла» — это, говоря современным языком, устройство, генерирующее вокруг себя специфическое биоэнергетическое поле, опасное для здоровья, даже жизни людей.

Сеанс экзорцизма, или ликвидации поля «черной иглы», проводил А. Шлядинский.

Игла была заложена на строго определенную страницу старинной, «намоленной» Библии. Сверху на Библию был положен листок бумаги со специальным текстом. На листок поставили медный подсвечник со свечой, освященной в церкви. Затем А. Шлядинский принялся читать некий текст над Библией.

В следующую секунду началась спонтанная левитация свечи, которая медленно взмыла из подсвечника по вертикали вверх. Свеча совершила неторопливый полет по комнате по правильному кругу и затем аккуратно «приземлилась» на прежнее место, в подсвечник.

* * *

Не было ли в том, что операторы НЛО оставляли людей по их требованию в покое, некоей задней мысли? Не затем ли их, нашпигованных сенсационными сведениями, полученными прямо из инопланетных рук, отпустили на свободу, чтобы они довели эти сведения до нас с вами? Именно: Земле грозит катастрофа. И еще: идет эвакуация землян в иные края, миры, на планеты иные. «Здесь уже много таких, как ты».

Давайте мысленным взором перелистаем обсуждавшиеся сообщения. Каково их информационное ядро?

В сообщениях обыгрывается тема переброски людей с Земли на... Куда? В некий, в частности, город Куили, находящийся Бог знает где. Но не в этом, если хорошенько вдуматься, соль.

Соль в другом. В том, что посредством таких сообщений, по моей догадке, в наше с вами коллективное сознание вколачиваются идея эвакуации с Земли и попутно причина эвакуации. Зачем? А вот зачем.

Зная с чужих слов причину эвакуации, люди при первой же встрече со спасательными отрядами НЛО будут с ходу, не колеблясь, соглашаться на получение выездной визы с Земли.

Люди, с которыми осуществляется контакт, используются — не забудьте, это лишь моя догадка, не более того,— в качестве орудий, разносчиков информации. Они суть пешки в большой космической игре, манипулируемые силами нечеловеческого уровня.

Помимо всего прочего, с их помощью таинственные эти силы психологически подготавливают нас, землян, к концу света на Земле — всю-то нашу ораву, надо так понимать, они вывозить с планеты не собираются. Нас, остающихся на Земле, подготавливают, дабы мы смогли хотя бы более-менее свыкнуться с мыслью о конце света заранее.

Никаких сведений о тех, кого с их собственного согласия экипажи НЛО бесповоротно унесли, у нас нет. Поскольку они, видимо, находятся уже там — в мирах иных. В том же, положим, Куили. Но зато у нас есть прелюбопытная справочка о феномене бесследного исчезновения людей в СССР, данная журналом «Огонек», 1989, № 19. Согласно впервые рассекреченным в России данным, только в 1988 году на территории СССР пропало без вести 17 417 человек. Вдумайтесь в эту цифру.

В 1975 году в Лондоне вышла книга А. Халла «И вот приходят шумы мыслей». В частности, в ней повествуется о жизни всемирно известного предсказателя будущего, «пророка» Эдгара Кейси.

Халл пишет: в тридцатых годах XX века Кейси был похищен космическими визитерами, умевшими путешествовать во времени. Операторы НЛО вывезли его «на экскурсию» в XXI век. НЛО совершил облет Земли будущего, Кейси сидел у иллюминатора.

По его словам, он увидел Сан-Франциско и Лос-Анджелес, лежащие в руинах, а потом Японию, Северную Европу — тоже в хаосе развалин... В ответ на расспросы Кейси хозяева «летающей тарелки» пояснили: мол, де, все это есть следствие гигантского природного катаклизма, подвижки тектонических плит в Атлантическом и Тихом океанах. От экипажа НЛО Эдгар Кейси узнал, что катастрофа якобы произошла где-то около 2000 года.

Потом его вернули в родную временную реальность.

На следующий день после неслыханного происшествия (а о нем мы знаем, конечно же, лишь со слов самого Кейси) наш путешественник во времени вдруг обрел дар предсказывать события. Что, кстати, типично. Есть множество сообщений о том, что люди, прошедшие сквозь чудо «встречи с чуждым», внезапно открывали после встречи в себе экстрасенсорные способности (начинали «лечить руками»), реже, как Кейси, и способности прогностические. Важный нюанс: все пророчества Эдгара Кейси, щедро раздававшиеся им направо и налево, сбывались с озадачивающей точностью.

Согласно Кейси в годы, предшествующие катастрофе около 2000 года, на Земле будут все чаще случаться землетрясения, наводнения, начнется, нарастая, климатическая свистопляска. Что, собственно, сейчас и происходит!

15 сентября 1989 года над Сальском Ростовской области появился в небе загадочный «код». Его видели сотни людей. В небесной синеве средь бела дня возникли огромные, четко очерченные белые квадраты. На них сначала появились группы знаков, похожих на математические символы «больше», затем — два вопросительных знака, потом — некий цифровой ряд, расписанный арабскими цифрами.

За одиннадцать месяцев до того, как дата «2002 год» всплыла перед моим взором в показаниях Буримова и Молчанова, я предложил следующую расшифровку «небесного кода»: «Нечто для человечества важное случится 7 июля 2002 года». Расшифровка «кода» занимает несколько усыпанных цифирью машинописных страниц.

Наш Центр решил провести в месте появления «небесного кода» контактный эксперимент, попробовать осуществить попытку прямой психической связи с авторами «кода». Цель эксперимента — получение «свыше» подтверждения правильности расшифровки «кода». Участники эксперимента — прежде всего контактеры с операторами НЛО, то есть люди, уже имевшие личный опыт «встреч с чуждым», люди со специфическим, «контактным» психическим настроем.

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ МИРЫ

В феврале 1988 года хозяева одноэтажного домика на окраине Ленинграда услышали около девяти часов вечера глухой взрыв за окном кухни. Бросились к окну и увидели, что в наружном стекле появилось отверстие диаметром 26 сантиметров. При этом внутреннее стекло не пострадало, осталось целым. В него лишь вонзились, вплавились мелкие частицы внешнего стекла.

Через день на месте происшествия побывал наш ленинградский коллега, кандидат технических наук С. Кузионов. Он сфотографировал окно кухни как снаружи, так и изнутри.

Фотоаппарат зафиксировал то, чего не увидел человеческий глаз. В центре отверстия в стекле видно лицо немолодой женщины с тяжелым взором. Часть лица накладывается на стойку крыльца; стало быть, висящее в воздухе лицо находится между стойкой и оконной рамой. Глаза словно бы буравят вас с фотоснимка. Узкие, крепко сжатые в ниточку губы, насупленные брови, мешки под глазами... Кто она?

Ответа нет.

* * *

15 сентября 1990 года — спустя ровно год после появления в сальских небесах загадочного «кода».

На одном из мест посадок НЛО на окраине Сальска были рассажены кругом контактеры, каждый из которых был заранее подвергнут серии гипнотических сеансов, проверок на достоверность их показаний (гипнотизер В. Уханков, исследователи И. Винокуров, М. Гапонов, Л. Падерина, А. Прийма). На «круг» вышел В. Уханков, погрузил по очереди каждого из контактеров в гипноз и в соответствии с предложенной мною методикой нацелил их коллективное гипнотическое поле на непрерывный поиск связи с авторами «кода».

Затем В. Уханкова сменил на «контактном круге» я и взял управление экспериментом, «контактный раппорт», на себя. И тут же ощутил, как от затылка по спине прокатываются тепловые волны. Я не смотрел вверх — я неотрывно работал с загипнотизированными. Я не знал, что над нами стоял в тот момент в небесах высоченный световой столб, соединивший нас, скажу осторожно,— может быть, с теми, кого мы из сопредельных миров высвистывали.

Эксперимент проводился в присутствии снимавшей его киногруппы из Свердловска, представителей ГК КПСС, УВД Ростовской области, армии, прессы, врачей, а также отряда милиции, оцепившей по нашей просьбе зону возможного прямого контакта со внеземлянами.

Один из сидевших на «круге» контактеров, Валентина Володина, внезапно заговорила, причем в несвойственной ей лихорадочно-телеграфной манере, глотая слова. Она сообщила, что над нами завис НЛО типа «летающая тарелка» и что она, Володина, вошла в прямой телепатический контакт с ее экипажем. Но небеса были пусты! Кроме Володиной, никто никаких НЛО не видел. В чем дело?

Объект находился в инфракрасной области спектра? Или же Володина просто морочила нам головы?

Но женщина пребывала в глубоком гипнотическом трансе; ее внезапно стало трясти, пульс (я все время проверял) подскочил где-то до 200 примерно, а между тем тело контактера начало стремительно охлаждаться. Заледенели руки, ноги.

Володина тем временем сообщала: экипаж НЛО отказывается отвечать на заданный ему вопрос о конце света и «в прямой контакт с Приймой войти не желает, ибо вокруг слишком много людей». Далее шло описание внешнего вида «тарелки» и облика ее экипажа, глазеющего на происходящее внизу, под НЛО, из бортовых иллюминаторов.

Так мы ничего от Володиной или, если угодно, с помощью Володиной и не добились.

Позже выяснилось, что, пока вся эта жуть с Валей Володиной творилась, многих сторонних наблюдателей, включая одного милиционера из оцепления, качало из стороны в сторону. У многих появился во рту резкий металлический привкус (одна из первых, по данным западных уфологов, примет того, что где-то рядом находится НЛО). Разбежались все собаки, околачивавшиеся поблизости.

Еще позже — когда мы возвращались на автобусе в Ростов — выяснилось, что все мы без исключения, от кинооператора до представителя ОУВД и т. д., дружно заболели: температурили, у всех разболелись головы.

И еще: у участницы эксперимента, контактера И. Емельяновой, пока она пребывала под гипнозом на «контактном круге», отстали на 20 минут наручные часы, ранее никогда не барахлившие. И еще: у другой участницы, контактера Н. Рзаевой, в ходе эксперимента буквально вплавился в грудь железный нательный крестик. Его пришлось отдирать пальцами, а на коже остался крестообразный ожог — как от раскаленного металла.

Так что же — контакт был?

Судя по всему, да.

Однако эксперимент закончился, с моей точки зрения, полным крахом. Цель не была достигнута. Ответ на заданный вопрос мы не получили. А ведь как надеялись!.. Может быть, в самом деле «вокруг было слишком много людей»? А операторы НЛО, как известно, не любят мест, где клубятся толпы. Они предпочитают вступать в контакты с землянами в глухих уголках парков, на проселочных дорогах, на лесной полянке.

Так все-таки будет конец света или нет? Или все эти рассказы контактеров об эвакуации, о грядущем апокалипсисе — нечто вроде ультрасовременного, заразного психического заболевания, которое распространяется подобно эпидемии? Или другой, «инопланетный», вариант нечто вроде грандиозного космического розыгрыша? Вроде теста, с помощью которого наши старшие братья по разуму проверяют в очередной раз наши психологические реакции, поведенческие рефлексы на нештатную, говоря языком науки, ситуацию?

Мы помним: великий пророк XX века Эдгар Кейси, со слов операторов НЛО, дал такой диагноз апокалипсису — подвижка тектонических плит в Атлантическом и Тихом океанах. Произойдет она якобы около 2000 года.

Согласно моим исследовательским наработкам — 7 июля 2002 года.

Спокойнее, уважаемые соотечественники, спокойнее. Не спешите хвататься за сердце.

Ибо тот же Кейси, снова со слов операторов НЛО, сообщил, что конец света на Земле будет якобы далеко не полным. Разрушительные тектонические процессы затронут, по его прогнозу, не все материки и страны подряд. Оказывается, останется почти не задетой обширнейшая материковая плита. То есть и ее, конечно, вздыбит и тряхнет, но люди, живущие на ней, в большинстве своем переживут ситуацию конца света. Кейси: «И именно они будут стоять у истоков новой цивилизации на Земле».

По Эдгару Кейси, эта материковая плита — Россия.

WORLD PRESS PHOTO

Жорж Мериллон. Франция.
ТРАУР В КОСОВО.

Результаты прошедшего международного конкурса «Мировая пресс-фотография-91» (проходит ежегодно в Амстердаме, Голландия) были неожиданными не только для меня, но и для многих моих коллег — членов международного жюри. Впервые за 10—15 лет советские фотожурналисты остались без наград. Исключением был почетный диплом Сергея Васильева из Челябинска.

Это не означает, что интерес к нашей стране потерян. Минувший год был полон драматизма и напряжения, и 13 фотографий — призеров конкурса отражали весь спектр советской тематики: от политических и межнациональных противостояний до повседневной жизни московских бомжей и женщин — заключенных тюрьмы под Пермью. Правда, все эти награды достались нашим зарубежным коллегам. Ворота для их проникновения в нашу социалистическую действительность теперь открыты нараспашку. Браво, «Гласность»! Браво, «Перестройка»! А наши фотомастера, похоже, в житейском хаосе больше заняты проблемами повседневного быта, нежели серьезной подготовкой к участию во всяких там конкурсах.

«Мировая пресс-фотография-91» собрала в этом году рекордное количество фотографий — 11 521, рекордное количество участников — 1390 фотожурналистов из 61-й страны.

Наибольший интерес международного жюри был к событиям в Албании, Румынии, Югославии, Южной Африке, к непредсказуемым еще год назад событиям в Персидском заливе.

В категории «Люди в новостях» наиболее высокий рейтинг популярности был за Бушем, Тэтчер, Манделой, Хусейном, Колем, Валенсой и Гавелом. Наш Президент в этом году остался без внимания.

В конкурсных категориях «Наука и техника», «Искусство и культура», «Природа и окружающая среда» советских фотографий почти не было. Похоже, что с этими материями наши фотожурналисты сегодня не в ладах.

Лучшей фотографией года стала работа французского фоторепортера Жоржа Мериллона, символизирующая трагедию событий в Косово (Югославия): на ней запечатлены женщины, оплакивающие 27-летнего Елхани Насима, убитого во время демонстрации югославскими солдатами.

Опять армия. Опять жертвы...

Владимир ВЯТКИН,
фотокорреспондент ИАН,
член международного жюри
«Мирового пресс-фото-91»

Даниэл Ланз. Франция.
КОРОЛИ В АФРИКЕ.

Патрик Авантюрье. Франция.
ТАЙСКИЙ БОКС.

Питер Мензель. США.
СМЕРЧ В АРИЗОНЕ.

Гайрд Франколон. Франция.
ШКОЛА ДЛЯ ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ.

Кеннет Джарек. США.
БРУКЛИНСКИЙ МОЛ.

Хью де Вурстенбургер. Швейцария.
ВЫСОКАЯ МОДА В ПАРИЖЕ.

Стефан Дюро. Франция.
ХИМИЧЕСКИЙ ЗАВОД.

Винсен Лелу. Франция.
ЧЕРНЫЙ ГОРОД.

Диана Уокер. США.
БУШ БРОСАЕТ БУЛАВКИ ДЛЯ ГАЛСТУКОВ ВОЕННЫМ В САУДОВСКОЙ АРАВИИ.

Франк Фурнье. Франция.
ОГОРЧЕНИЕ.

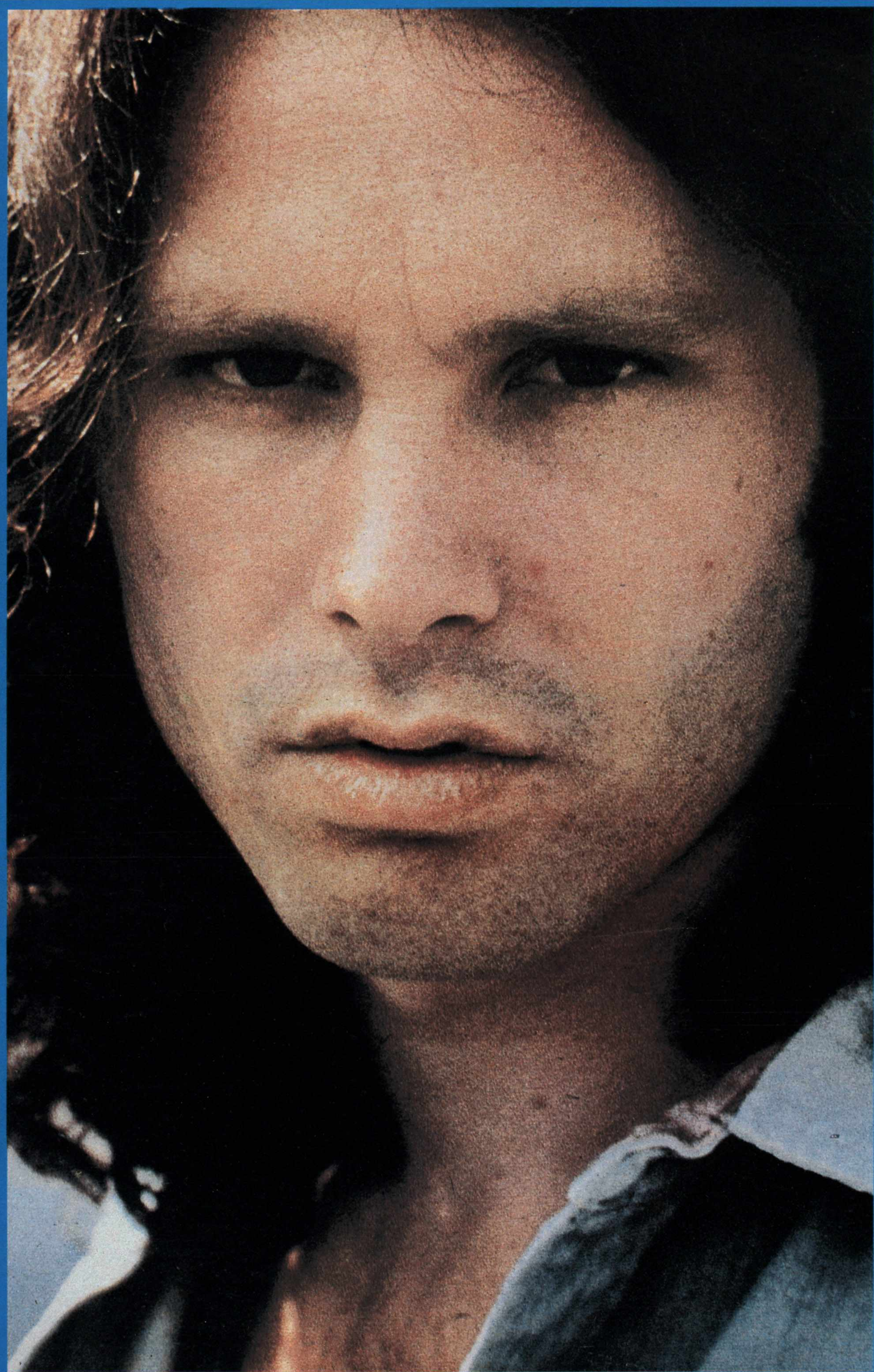
Карим Данер. Франция.
СТРАННАЯ ВОЙНА ЛИБЕРИИ.

ЛОВЦЫ НАШИХ ДУШ

КОЛЛЕКЦИЯ «ОГОНЬКА»

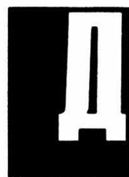
Джим Моррисон

ОГОНЁК

Алексей ПОЛИКОВСКИЙ

МУЗЫКА ОДИНОЧЕК

вадцать лет назад, в июне 1971 года, в Париже, в ванне с теплой водой, умер от сердечной недостаточности Джим Моррисон, поэт и рок-музыкант, успевший ко дню своей смерти выпустить шесть пластинок. Он был знаменит, и смерть его вызвала бурю публикаций во всем мире. Но не у нас. В те патриархальные времена у нас о нем мало кто слышал. Его музыка стала просачиваться к нам сквозь таможни и забитый глушилками эфир лет через пять, в середине семидесятых, когда увядающая рок-революция уже роняла свои последние лепестки в Нью-Йорке и Лондоне; в Москве дело только начиналось. В каждом ДК репетировало по группе; каждую субботу где-нибудь был концерт, на который стекался веселый хипповый народ с колокольчиками на шее, с повязочками вокруг головы. В моде были длинные волосы и сумки через плечо, в которых лежали магнитофонные катушки с музыкой, пачки чая, губные гармошки и упаковки седуксена (его растворяли в водке); девушки толстыми красными нитками вышивали на юбках яблочки и сердечки и вписывали в них слово «love». Это была оптимистичная и веселая эпоха буйных танцев и громких кличей, когда каждый верил, что картонные стены диктатуры скоро падут от рева иерихонской трубы, в которую дунут Андрюша Макаревич и Боб Гребенщиков; молодые люди в кафе «Метелица» на Калининском накачивались сухим вином и увлеченно обсуждали способы «борьбы с системой» — освобождение через музыку, секс в общественных местах, пение песен «Битлз» в полночь с балкона... Карнавал был в разгаре.

Вот тогда-то, в один из дней той давно отшумевшей эпохи, и явился ко мне Моррисон. Выглядел он так: темноволосый американец с упрямыми скулами и задумчивыми глазами, в черном, в обтяжку, трико, стоящий на лугу в высокой траве в предутренний час (и небо уже розовеет на горизонте). Таков он был на обложке пластинки «В ожидании солнца», попавшей мне в руки на день-другой. Откуда я ее взял? Не помню. Сотни пластинок и катушек с записями ходили по рукам. Музыка звучала день и ночь. Старенькая «Соната» со снятой верхней панелью стояла у меня в изголовье кровати. Я засыпал, слушая «Битлз», и, просыпаясь, с закрытыми глазами протягивал руку, нащупывал тумблер — и вплывал в жизнь под чудесные звуки веселых «Холлиз».

Биографические сведения — даты рождения и смерти, перечень городов и стран, названия пластинок, имена друзей и возлюбленных — вряд ли способны что-то сказать о Джиме Моррисоне тому, кто не слышал его музыки. Но все-таки пунктиром проведем здесь и эту линию. Родился в 1943 году во Флориде, в семье адмирала; побег из Флориды в Калифорнию; основал группу «Доорс», концерты в клубах Лос-Анджелеса; 1967—1971-й: четыре года в самой гуще рок-революции; слава, побег в Париж в надежде обрести одиночество на одной из его мансард; сердечный приступ — и могила на кладбище Пер-Лашез, быстро превратившаяся в место воспоминаний и экскурсий для постаревших ветеранов рок-движения. Вот и все. Эти сведения о нем есть, конечно, в любой рок-энциклопедии. Но ни в какой энциклопедии ничего нет о том, как музыка Моррисона приходила в Россию, и какими тайными путями двигалась, и какие нервы задевала, когда наши веселые семидесятые переламывались в самой своей середке, как прутик.

Тот, впервые попавший мне в руки диск Моррисона я слушал на тридцатирублевом монопроигрывателе «Аккорд» — суровом аппарате с железной иглой. Прежде чем окончательно уничтожить пластинку, он снимал с нее кое-какие звуки. Музыка удивила меня изяществом, нечастым в мире круто слепленных, резко вырубленных роковых мелодий. Но главное было в голосе. В голосе Моррисона была заключена тайна, которую я почувствовал, но не разгадал. Его песни показались мне тогда скорее необычными, чем близкими. Мы еще жили, как в коконе, в радужном пузыре, который мастерски выдували в трубочку Леннон — Маккартни, еще ощущали себя непобедимыми персонажами мультфильма «Желтая подлодка». С жизнью здешней мы не были связаны, как дети. Нам еще предстояло родиться, еще предстояло ощутить тяжелую глину на подошвах туфель.

Наша рок-революция издыхала в скуке институтских лекций, под одуряющим напором газетной чепухи; офицеры военных кафедр гнали ее стричься в парикмахерскую, партсекретари заставляли спарывать сердечки и яблочки с юбок и талдычили что-то о разлагающем влиянии музыки «Битлз» на советскую молодежь. Наша рок-революция превращалась в задерганную шизофреничку с бледным лицом, вздрагивающую при первом звуке песен Пахмутовой. Ее «воспитывали». Она обретала себя, превращаясь в изгоя, живущего на транквилизаторах.

Радужный пузырь лопнул; мы разошлись по подвалам и углам, в каморки дворников и сторожей. Наступало время одиночества, тоски, время молчания, а не игр — время Джима Моррисона, чья музыка в конце семидесятых набирала тайную славу в России. Ни одной его пластинки, конечно, фирмой «Мелодия» выпущено не было. Но это не имело никакого значения. Мальчики-пустозвоны и девочки-попрыгуны учились плавать в автономном режиме, как подводные лодки. Крепость человеку — он сам. Все, что нам надо, у нас есть, даже если у нас ничего нет. Так приблизительно звучала эта философия.

Что нам был в нашем тогдашнем подполье этот американец с задумчивыми глазами? Что нам был в нашей долгой зиме этот человек, шатавшийся по калифорнийским пляжам с их пальмочками и гирляндами цветных лампочек? Это надо было понять. Я вслушивался в музыку Моррисона, сидя в подвале литературного Музея имени Пушкина, где работал ночным сторожем. Там у меня тоже был старенький, на ладан дышащий магнитофон «Дайна». Ночью я включал в залах свет, рассматривал домовую книгу князя Вяземского («...дано Его Сиятельством Пахому два рубля на дрова...»), откидывал шнурок и нагло разваливался на диванчике с подогнутыми ножками, которому было сто пятьдесят лет и на котором сиживал, быть может, сам Александр Сергеевич. Потом спускался вниз, в комнату с огнетушителем, щелкал тумблером, рукой подталкивал катушку, помогая магнитофону тянуть. В низком сводчатом подвале с маленькими, прорезанными в толстых стенах окнами, неподалеку от портрета Ленина и бюста Пушкина, в самой середке впавшего в паралич времени звучал голос американца Моррисона, певшего о чем-то, что каким-то чудом оказывалось моей жизнью. Он пел о побеге — побег был и нашей вечной темой. Нас тянуло в Америку, в Израиль, в подвал, в сторожа, куда угодно, лишь бы ускользнуть от одуряющего брежневского маразма. Но он-то, он-то, живший в свободной и сытой стране, с правом на выезд, с возможностью петь, что хочет,— он отчего бежал? По десять раз за ночь в пустом музее я слушал его «Странные дни» и постигал его. Он чувствовал в жизни ту несвободу, которая лежит глубже всех социальных систем и которая не связана с бедностью и богатством; эта несвобода жизни-самой-по-себе придавала музыке горький привкус и заставляла Моррисона испускать на концертах яростные вопли.

Я собирал его пластинки годами. Одну купил в конце семидесятых на черном рынке у человека с крашенными в фиолетовый цвет волосами. Другую в начале восьмидесятых купил на деньги, вырученные от продажи ондатровой шапки, подаренной родителями. Потом у кого-то выменял «Звездную коллекцию», выпущенную после смерти Моррисона фирмой МИДИ. На обложке этой пластинки он был снят в движении, в обороте — вот уходил, и окликнули, и глянул. И — глаза: глаза человека, уже знающего то, что нам, может быть, еще предстояло узнать и понять в наших подвалах. Глаза преступника. Не в уголовном, криминальном смысле этого слова, а в ином, лежащем глубже: глаза человека, готового пре-ступить черту.

Джим Моррисон был для меня не просто музыкант и поэт, не просто один из, а нечто большее: ледокол, проламывающий передо мной лед, аквалангист, уходящий на моих глазах все глубже и глубже. «Свобода — это когда нечего терять»,— спела как-то Джанис Джоплин, Джанис-Роза, умершая в один с Моррисоном год; и он развернул эту строку в цепь поступков. Его музыка, от первого диска до последнего, есть дневник человека, который упорно шел к свободе. Начало — уверенность и надежда, розовый дым юности. Но потом горечь набухала в его голосе, тоска сгущалась в его песнях. Все же он не отступал: ни в одном городе не задерживался надолго; нигде не пускал корней; ничего не хотел обретать. В своем угрюмом и упорном желании свободы он шел до упора, до конца — и добрался до парижской квартиры и ванны с теплой водой. Его смерть не была самоубийством, но он заранее думал о ней. Прикидывал. Примеривался.

«Все мы слишком привязаны к нашим городам и нашим напиткам»,— сказал он на одном из своих последних концертов. «Я хочу быть готовым».

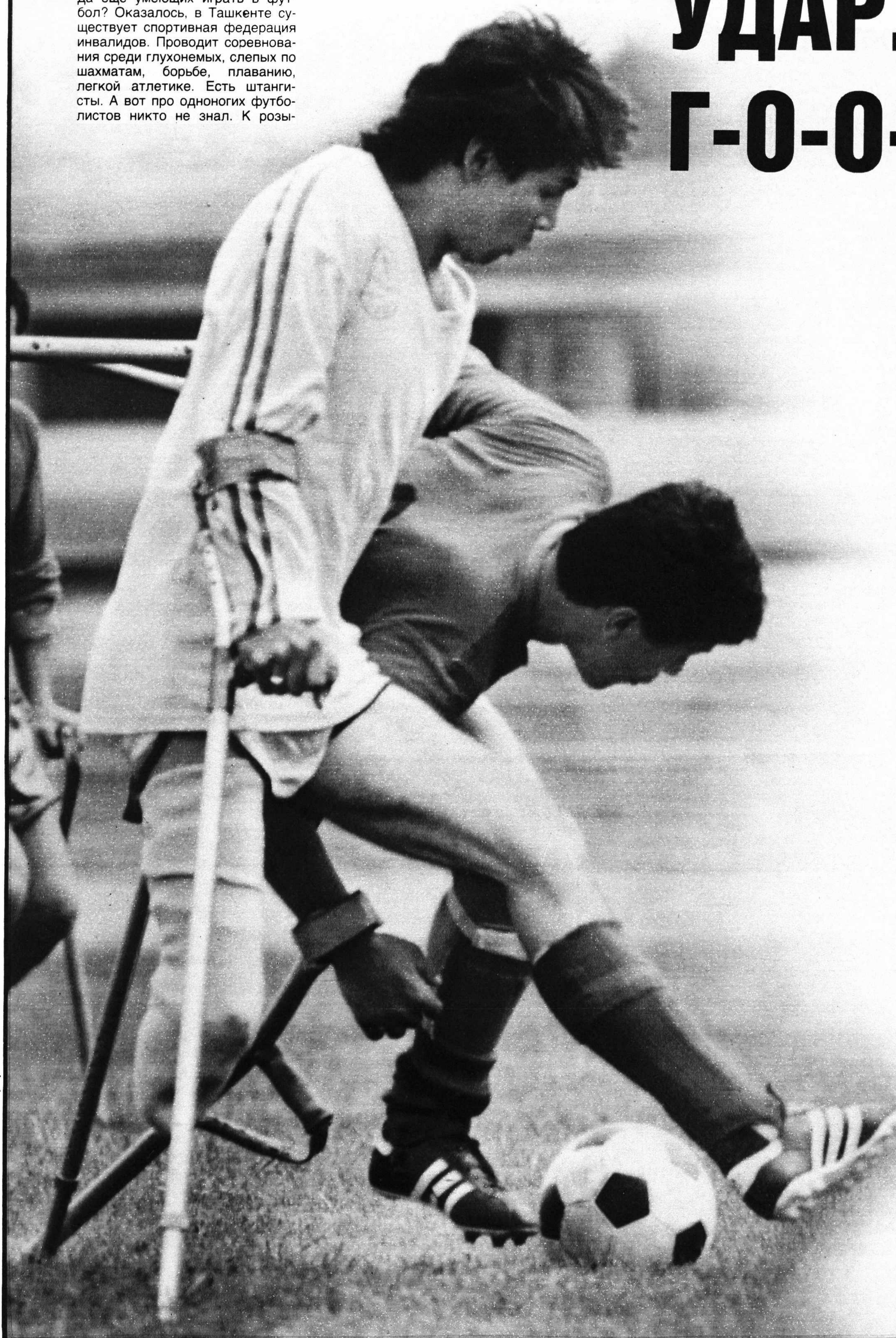
В Моррисоне, в его музыке и текстах видно убывание света, движение вглубь, в вечные темные пределы человеческой души. Сам голос его со временем темнел и густел — от высокого и легкого на первой пластинке к низкому, рокочущему на последней. В его бессильном гневе, в яростном движении его руки, рвущей ворот на груди, было что-то родное и понятное. В его манере жить, не обременяя себя бытом, тоже было что-то здешнее и знакомое. Есть фотография: он выходит из какой-то трущобы, куда забился на ночь,— рубаха навыпуск, мятое лицо, утренняя тоска в глазах. В таких трущобах (кухни с закопченными потолками, прихожие, где хозяева записывают номера телефонов на обоях, пустые бутылки у батарей) мы ли не бывали? Эту утреннюю тоску мы ли не испытывали, стоя в шесть утра у окошка и глядя на зеленые, на выцветшие, на спящие крыши родной Москвы?

Пространство ничего не значит, и нет разницы между голливудским бульваром и Старопанским переулком, когда звучит голос Джима Моррисона, нараспев читающего стихи. Певец с задумчивыми глазами. Аутсайдер по призванию. Это музыка не для танцев — это музыка одиночек.

ПАС. УДАР. Г-О-О-Л!

На Востоке желание гостя — закон. Но просьба американцев из Сиэтла была странной и вызвала поначалу у работников мэрии Ташкента переполох: может, переводчик что-либо напутал? Просьбу настойчиво повторили: хотим сыграть в футбол с ребятами, у которых нет ноги.

Где найти парней-инвалидов, да еще умеющих играть в футбол? Оказалось, в Ташкенте существует спортивная федерация инвалидов. Проводит соревнования среди глухонемых, слепых по шахматам, борьбе, плаванию, легкой атлетике. Есть штангисты. А вот про одноногих футболистов никто не знал. К розыскам подключили Общество Красного Полумесяца, совет ветеранов — воинов афганской войны.

Словом, на третий день, когда друзьям из Сиэтла надо было уезжать, удалось собрать несколько ребят на первую тренировку. Руководил ею Билл Барри, в прошлом профессиональный футболист, а ныне администратор интернациональной программы футбола для инвалидов в Сиэтле. Он научил парней обращаться со специальными костылями. И началась игра. Сам участвовал в матче, поджав одну ногу. Играли азартно. А потом Билл Барри рассказывал о том, как создавалась команда инвалидов в Сиэтле. О спонсоре — филиале скандинавской авиакомпании «SAS», которая учредила «Кубок Сиэтла», в розыгрыше которого участвуют теперь команды инвалидов ряда городов США, Англии, Сальвадора, Бразилии, Канады.

— Я хотел бы, чтобы и ташкентцы стали участниками этого турнира, неофициального чемпионата мира по футболу,— заключил Билл Барри свой рассказ.— Ведь наши города — побратимы.

Скажу откровенно, осенью 1988 года, когда состоялась первая тренировка инвалидов, не верилось, что команда из Ташкента будет участвовать в розыгрыше «Кубка Сиэтла». Думалось, что все закончится раздачей сувениров, футболок и 22 комплектов специальных костылей, подаренных американскими друзьями.

Но в мечту поверили парни, опаленные Афганистаном. Для них появился свет в окошке. И Билл Барри слов на ветер не бросал. Каждую неделю звонил в Ташкент. Первые слова к работникам горисполкома были: «Как там будущие чемпионы мира?»

Хусан Зуфаров, Павел Сулейманов, Олег Пушкарев, Акбар Халилов, Александр Кукушкин и другие члены команды первого

набора сумели пробить ватные двери кабинетов равнодушия. Через полгода была создана федерация футбола для инвалидов, а затем — спортивно-оздоровительный клуб со своим банковским счетом. В апреле 1989 года справили новоселье. Дали имя клубу — «Матонат», что в переводе с узбекского означает «Мужество». Это была первая победа.

Регулярными стали тренировки. Дирекция школы № 110 бесплатно предоставляла спортзал, тренажеры — республиканский диспансер, мячи и футбольную форму — городской спорткомитет. Учили тактике футбола профессиональные тренеры — Вячеслав Алпатов, Юрий Коночкин.

Рос счет в банке. Насчитывалось уже 93 тысячи рублей. Команду поддерживали рабочие авиационного производственного объединения и прядильщицы ткацкой фабрики, кооперативы «Металлист», «Алмаз», «Карьер», «Фактор», «Азамат» и профсоюзные организации семи строительных организаций Ташкента. Переводы шли из других городов Узбекистана: Андижана, Гулистана, Намангана. Своими сбережениями делились семьи Антимоновых, Микчаевых, Сайдаметовых, Юровых, Ульдяновых. А учительница математики Светлана Саидбурханова приходит каждый день в клуб и наводит порядок в двух его комнатах — моет полы, стирает занавески, поливает цветы, создает домашний уют.

В мае 1989 года состоялись первые показательные матчи. Помогли ветераны «Пахтакора». Они пригласили игроков «Матоната» на свои товарищеские матчи. Ребята выступали между таймами. В конце концов освоились с ревущими трибунами.

В разъездах прошло лето. Наступил сентябрь. Пришло приглашение из Сиэтла. Билл Барри сдержал слово: «Матонат» — участник неофициального чемпионата мира.

— Это был сон наяву,— признался Хусан Зуфаров, председатель федерации футбола для инвалидов.— Уже в Нью-Йорке нас встречали с советскими флагами, теплый прием оказали в Чикаго. В Сиэтле жили в частных домах. Нам потом сказали, что среди горожан проводился конкурс, кому принять игроков «Матоната». Я жил с товарищами на вилле Джимми Брауна, президента фирмы «Эншел». Каждому была предоставлена отдельная комната. Для нас Джимми Браун написал на русском языке указатели, где что находится. Каждый вечер гостили у его родственников или ужинали в каком-нибудь кафе. Поверьте, как инвалид, я умею отличить искреннее радушие от фальшиво-жалостливого соучастия. Так вот, сиэтлцы к нам относились как к родным сыновьям. И мы ведь действительно дети наших породненных городов.

Спортивный результат дебютантов из Ташкента оказался удачным. «Матонат» занял четвертое место. Билл Барри на прощание сказал: «И все же вы станете чемпионами мира. Я в это верю».

О «Матонате» заговорили. Стали следовать его примеру. В Самарканде вырос футбольный клуб «Согдиана», в Фергане — «Орзу» («Мечта»). Организовывались команды и в других городах Советского Союза: в Нижнем Тагиле, Николаеве. Ташкентский клуб для вновь созданных коллективов учредил свой Кубок, розыгрыши которого теперь проводятся ежегодно в день рождения «Матоната» — 3 ноября.

Вторая поездка в Сиэтл состоялась уже в составе сборной СССР. Костяк был из ташкентцев, десять из 16 футболистов, да и возглавлял команду, как и прежде, Агзам Исматов. Он стал героем розыгрыша «Кубка Сиэтла». Лучший бомбардир, один из самых техничных игроков. Агзам с товарищами внесли весомый вклад в то, что сборная СССР стала чемпионом мира, обладателем Кубка.

— Турнир 1990 года еще больше укрепил наши родственные связи,— сказал Даврон Джамилов из Самарканда, член сборной СССР.— Если раньше у нас был только «отец» Билл Барри, то теперь есть и «мама» «Матоната». Это Вирджиния Страйген, 67-летняя домохозяйка из Сиэтла. Мы жили у нее дома, она знает русский язык и действительно приглядывала за нами, как за своими детьми.

«Маму» и «папу» клуб «Матонат» пригласил на свой день рождения. В «Кубке Милосердия»-90» приняли участие уже 12 команд. Не только Узбекистана. Из Москвы и Владикавказа, Чимкента и Чарджоу...

— Для меня это самый большой подарок,— заявил Билл Барри.— География футбола для инвалидов в СССР расширяется, а мои подопечные — чемпионы мира. Я счастлив.

У «отца» «Матоната» появилась новая идея: очередной розыгрыш «Кубка Сиэтла» провести в Ташкенте.

Тимур НИЗАЕВ
Фото Наби УТАРБЕКОВА

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ВПЕРЕДИ

Мальчики, ступающие на гимнастический помост, мускулистые и честолюбивые, посторонитесь: Дмитрий Билозерчев снова в тренировочном зале и полон решимости вернуть все свои титулы, отобранные у него травмами и двумя годами вынужденного безделья. «Я знаю, мне осталось года два, не больше,— сказал 25-летний бывший лидер сборной СССР.— Век гимнаста короток. Но за эти два года я хочу успеть все».

Все — это значит чемпионаты Европы, мира и Олимпийские игры. Но с одной маленькой оговоркой: Билозерчев будет выступать сам за себя, сборную просят не беспокоиться. В конце прошлого года гимнаст подписал заявление об уходе из-под опеки Госкомспорта: «Я устал от интриг в сборной, где все зависит от воли одного человека, устал от сверхнагрузок, которыми ломают всех подряд: и молодежь, и тех, кто через это давно прошел».

Два года после Олимпиады никто из Госкомспорта не интересовался, чем занимается наш лучший гимнаст, какие у него планы на будущее. Как член олимпийской команды, Билозерчев мог, ничего не делая, получать свои 400 рублей в месяц вплоть до игр в Барселоне. В переводе в СКВ это 15 долларов. Не маловато ли для чемпиона, который при умелом менеджменте мог приносить стране хорошую валютную прибыль? У Билозерчева есть для этого имя, знаменитое на весь мир, и желание работать. Но, похоже, чиновникам было проще откупиться этими четырьмя сотнями.

Поняв, что нечего ждать у моря погоды, Дмитрий решил действовать самостоятельно и занялся поисками личного менеджера. Эта эпопея завершилась в январе подписанием контракта с Александром Межветсом, заместителем генерального директора американо-советского предприятия «Лайкс». Он теперь ведет все финансовые дела гимнастической звезды и заботится о выгодных контрактах. Билозерчев стал в этом смысле первопроходцем и первым же получил приглашение на первый чемпионат мира по спортивной гимнастике среди профессионалов, который пройдет в мае в США. Главная цель этого спортивного зрелища — понравиться зрителям, поэтому организаторы пошли на некоторые нововведения. Основное из них — отсутствие обязательных выступлений. За солидный призовой фонд будут бороться солидные гимнасты — среди приглашенных нет ни одного без звания чемпиона мира. Честь Советского Союза в индивидуальном порядке готовятся защищать вместе с Билозерчевым Валентин Могильный, Елена Шушунова, Владимир Артемов.

Федерация гимнастики возмущается, почему самые именитые гимнасты, Билозерчев и Могильный, уходят из сборной. А как же иначе, если на основные турниры их не заявляют (надо давать дорогу молодым), а берут только на показательные выступления, где на их именах зарабатывают себе валюту. «Я не собираюсь больше отдавать 90 процентов гонорара за выступления на содержание госкомспортовских бездельников, а таких в министерстве больше половины. Буду самостоятельно распоряжаться своими заработками и уже нашел способ участия в жизни отечественной гимнастики, минуя Госкомспорт: с удовольствием буду помогать родной цэсковской школе, например, в приобретении спортивной формы или комплекта снарядов».

В армейской школе всегда шли навстречу своему воспитаннику. Не было проблем у Димы с увольнением из рядов СА, нет проблем, где тренироваться: гимнастический зал ЦСКА — к его услугам. В отличие от спортивной базы сборной СССР по спортивной гимнастике на озере Круглом. Когда Билозерчев попросил разрешить ему за свой счет потренироваться со сборной страны, услышал в ответ: «Ищи себе, парень, другое место».

«Я еще не сказал своего последнего слова»,— пообещал тот, кого называют идеалом гимнаста и кого экзальтированные поклонники растаскивали на сувениры даже в далекой и совсем неэкзальтированной Японии. Положив руку на кожаную холку, он легко взмахнул на гимнастического коня.

Впереди — первый чемпионат мира среди профи.

ЗАКРЫТО ДЛЯ ПРОЛЕТА

Среди владельцев воздушных шаров на Западе особенно популярны ранние утренние полеты со встречей восхода солнца. Они обычно заканчиваются завтраком в любом пабе (пивная), к которому прибьет летательный аппарат переменчивым ветром. Правда, подобное хобби могут позволить себе только обладатели 20 000 фунтов — такова цена новенького воздушного шара фирмы «Камерон балунс», которая производит в год 500 штук редкого товара. Менее состоятельные могут вступить в воздухоплавательный клуб, а менее одержимые — утолить любопытство, посетив аттракцион. В Египте, например, часовой полет на воздушном шаре над пирамидами обходится в 250 долларов с туристического носа, и от желающих нет отбоя.

Последнее время, по свидетельству Алана Нобла, директора по маркетингу «Камерон балунс», воздухоплаватели мира одержимы идеей — полетом над Москвой. Именно для этой цели пилоты из США, Англии, Японии и многих других стран собираются поехать в июле в СССР на первый международный фестиваль воздухоплавания. Единственный, кто может охладить энтузиазм,— это Генеральный штаб СССР, потому что московское небо, как оказалось, самое секретное небо в мире. «Нигде больше,— вздохнул мистер Нобл,— ни в Лондоне, ни в Париже, ни в Калифорнии, ни в любом другом городе, проводящем воздушные фиесты, не требуется разрешения такого серьезного органа».

ПО ТОВАРУ И ЦЕНА

И какой же русский откажется от американских долларов? Отказались, очень даже запросто, и добавили: «Дешево вы нас оцениваете, господа». Такую самоуверенность, причем абсолютно оправданную, продемонстрировал балашихинский завод «Рубин», освоивший выпуск магниевых рукояток для спортивных луков, которые заметно превосходят зарубежные аналоги, в том числе и производства знаменитой американской фирмы «Хойт».

«Благодаря «Рубину»,— сказал старший тренер сборной СССР по стрельбе из лука Владимир Тимоничев,— мы уже три года не тратим валюту на закупку импортных рукояток, а половина сборной страны, выступающая с отечественными рукоятками, завоевала медали всех достоинств на прошлогоднем чемпионате Европы».

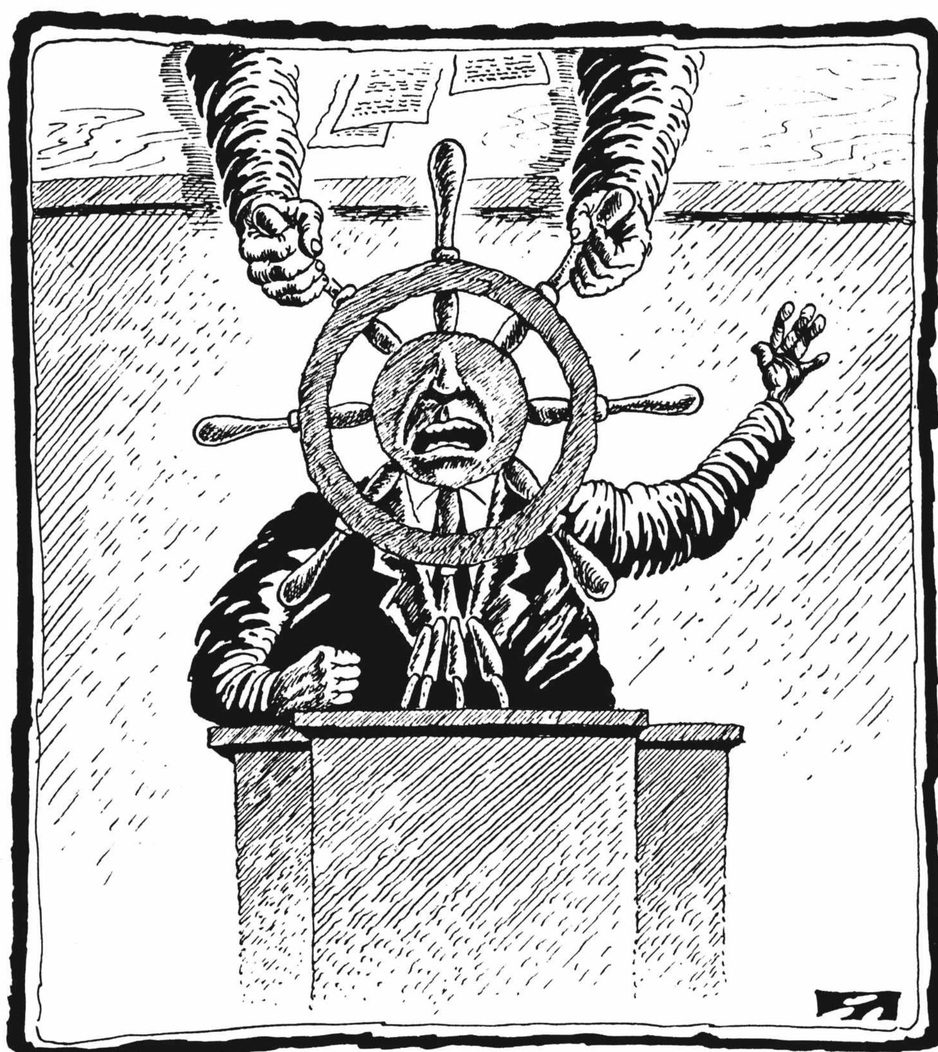
Получив первую партию рубиновской продукции по цене гораздо ниже той, за которую продает собственные рукоятки, «Хойт» хотел и дальше пользоваться благами рублевой неконвертируемости, но не тут-то было.

Быстро разобравшись в конъюнктуре, советский завод распростер объятия французской фирме «Беман», предложившей за рукоятки цену, в два с половиной раза большую. На очереди сотрудничество с японской «Ямахой», которая, изучив внимательно два отправленных ей образца, изъявила желание получать ежегодно по 10 — 12 тысяч рукояток в год.

Вячеслав
КОСТИКОВ

НА ВЕСАХ ИОВА

ЗАМЕТКИ
О ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МОРАЛИ
БОЛЬШЕВИЗМА

При входе в Заколдованный замок всемирно известного аттракциона «Диснейленд» имеется небольшая прихожая — в нее попадает посетитель, прежде чем вступит в мир вампиров, знаменитых убийц, классических злодеев и летающих гробов. Главная достопримечательность этой уютной, оклеенной обоями в цветочек комнаты — портрет молодого, приятной наружности человека, который на глазах у зрителей вдруг начинает утрачивать черты пригожести, превращаясь в отвратительного, порочного старца. Это портрет Дориана Грея из романа Оскара Уайльда — назидательная иллюстрация представления о том, что моральная ущербность рано или поздно выползает наружу, поражая лики, являвшиеся нам поначалу чуть ли не в образе святых.

Сегодня у миллионов жителей «Совьет ленд» все чаще возникает желание понять, а на каком же вираже нашей истории началось это, вначале тайное, а затем все более явное извращение наших ликов и судеб, собственного нашего бытия.

Рисунок Алексея МЕРИНОВА.

Русские художники и мыслители уже давно выявили причинную связь между определенным типом идеологии и нравственным обликом ее адептов. Но этот анализ, начавшийся столь спонтанно и эмоционально с «Несвоевременных мыслей» Горького, был решительно пресечен молодой, но уже очень бдительной советской цензурой. Осмысление новых страниц русской истории было вытеснено на периферию советской жизни — в эмиграцию, в сферу тайных, не подлежащих гласному надзору мыслей.

Философы об истоках «повального безумия и одичания» писали точнее, выявляя за эмоциями нравственные и социальные черты. Н. А. Бердяев пишет о перевоплощении людей при советской власти как о самых тяжких впечатлениях своей жизни.

Анализируя такие метаморфозы, он говорит даже о появлении нового антропологического типа лиц, рожденных революцией. «Новый антропологический тип вышел из войны, которая и дала большевистские кадры. Это тип столь же милитаризированный, как и тип фашистский». «Для меня их образ,— вспоминает Бердяев в автобиографической книге «Самопознание»,— был неприемлем и эстетически и этически... Изначально я воспринимал моральное уродство большевиков».

Речь, разумеется, не шла о всех большевиках. В период подготовки русской революции, когда ленинцы широко оперировали общедемократическими лозунгами, их мускулистая риторика увлекла многих интеллигентов и рабочих. Но проверить «правду большевизма» было практически невозможно, ибо правда монополизирована ЦК ВКП(б).

Для рядового человека практически уже было невозможно составить себе ясное мнение о том, что же собой представляет новая советская власть. Подавляющая часть жителей новой России ничего не знала о том, что уже при жизни Ленина страна стала превращаться в огромный концентрационный лагерь.

Сознание того, что большевики не только овладели Россией, но и извратили мораль великого народа, стало приходить позднее, когда вслед за ленинскими великими починами приспели еще более грандиозные почины Иосифа Виссарионовича.

По мере того как «хлыст диктатуры», воспетый большевистской «Правдой», все очевидней трансформировался в кровавую мясорубку, лгать становилось все трудней. Едва ли не последней жертвой большого обмана стал Лион Фейхтвангер. Но только с появлением на Западе первых советских невозвращенцев густая завеса лжи стала развеиваться. В 1937 году в разгар репрессий крупный советский разведчик Вальтер Кривицкий опубликовал в американском журнале «Сатердей ивнинг пост» серию разоблачительных статей. В сущности, впервые западной интеллигенции был показан истинный лик большевизма. Нетрудно догадаться, что Вальтер Кривицкий был вскоре убит. Такова была «этика» режима: сказавший правду должен погибнуть.

«УТРО ТУМАННОЕ, УТРО СЕДОЕ...»

Пожалуй, наибольший отзвук «дело Кривицкого» вызвало в русской эмигрантской среде. Факты, обильно приводимые Кривицким, давали возможность философам, оказавшимся в изгнании, более пристально приглядеться к идеологии и морали «партии нового типа», тем более что на подобную же роль активно претендовала в Европе другая «новая сила» — национал-социалисты. Возникали самые малопочтенные параллели. Особенно что касается влияния этих двух партий на «широкие массы трудящихся».

Известный русский философ Г. П. Федотов писал: «Трупным воздухом тянет сейчас из России... Подуло этим ветром с зиновьевского процесса, и многие утешают себя тем, что гниет, собственно, коммунистическая партия, а не Россия, что нам нужно радоваться ее разложению... Это заражение началось давно. Имморализм присущ самой душе большевизма, зачатого в холодной, ненавидящей усмешке Ленина. Его система — действовать на подлость, подкупать, развращать, обращать в слякоть людей, чтобы властвовать над ними, дала блестящие результаты. Но до последнего времени гниль революции была прикрыта угольками революционного энтузиазма... В «седое утро» пореволюционного похмелья все отчетливее выступает та система всеобщего полицейского сыска и провокации, которая лежит в основе управления страной. В тех грандиозных и поистине неслыханных в истории формах, которые приняла эта система, она развращает не только аппарат власти, но и весь народ...»

Сегодня, на изломе XX века, мы имеем возможность видеть итоги всеобуча в «школе коммунизма». Даже не ежедневно, а ежечасно всей кожей и всей душой ощущаем мы унизительное нищенство, уродство и извращенность материальной и нравственной жизни народа.

Любовь большевиков к народу всегда была показной, конъюнктурной: они либо заискивали перед ним, когда это было политически выгодно, либо ополчались на него, когда тот становился неудобным. Такими неудобными, а следовательно, и лишними оказались миллионы крестьян и казаков. Да и с рабочими не очень церемонились, когда те не хотели играть роль послушного авангарда. И тогда в зависимости от наличных средств большевики принимали меры к исправлению не оправдавшего доверия пролетариата — при помощи шашек и пулеметов во время астраханской трагедии в 1919 году, при помощи танков — в 1962 году в Новочеркасске.

«Вкусовой» подход к пролетариату сохраняется и поныне. Одно дело, когда бастуют «плохие» шахтеры Кузбасса или Воркуты, и совсем другое — когда стачку объявляют «сознательные» пролетарии в Прибалтике.

Пренебрежительно-прихотливое отношение большевиков к трудящимся отчасти восходит к знаменитому ленинскому определению — «русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями».

Однако на мускулах этих «плохих» работников ленинцам было проще экспериментально испытывать теоретическое положение Маркса о принудиловке: «одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия». Знаменитый 8-й тезис «Манифеста Коммунистической партии»!

Да и к отечеству у ленинцев было, мягко говоря, своеобразное отношение. Вспомним, что в 1904 году во имя расшатывания самодержавия Ленин ратовал за поражение России в войне с Японией. В 1914 году опять же во имя политических целей ослабления капитализма большевики выступали за поражение России в войне с Германией.

Вспоминая такого рода исторические факты (партийная пропаганда не любит упоминать о них), начинаешь лучше понимать отношение к большевизму известного историка и политического деятеля Сергея Мельгунова.

«Мы не могли признать советскую власть «национальной», ибо в своих действиях, по нашему глубокому убеждению, она никогда не творила национального дела, никогда не защищала подлинных интересов России и по-прежнему оставалась террористической диктатурой, преследующей свои партийные «коммунистические» цели».

Но с точки зрения политической морали большевиков, ничего предосудительно-

го в пораженчестве Ленина не было: он лишь исходил из классической установки К. Маркса о том, что «рабочие на имеют отечества». Так что патриотические лозунги нынешнего ЦК РКП о том, что «отечество в опасности», находятся в вопиющем противоречии с их собственной марксистской библией.

ЗАПАХ ФИАЛОК

В только что переведенном на русский язык рассказе А. Моравиа повествуется о странной эпидемии, «охватившей некую страну»*. Странность состояла в том, что люди от нее не умирали. Они только «начинали вонять». Запах тухлого мяса исходил от головы, от места между шеей и затылком. Вначале, когда болезнь еще не получила большого распространения, люди здоровые со свойственной человеку склонностью к самоуспокоению убаюкивали себя мыслью, что уж им-то никак не грозит эта напасть, и с презрением воротили нос от смердящих. Увы, болезнь настигала и их. Врачи никак не могли прийти к единому мнению относительно природы этого явления. Большинство, впрочем, скоро утвердилось во взгляде, что это вовсе и не болезнь, а «новая ступень в развитии человечества». Тем более что болевшие, принюхиваясь друг к другу, все настойчивей стали утверждать, что пахнет не падалью, а благовониями. И спорили лишь о том, что больше напоминает аромат — запах ли роз, резеды или пармских фиалок.

Разумеется, можно было бы сказать, что рассказ «Эпидемия» не более как «поэтическая вольность» замечательного итальянского писателя, если бы в нашем собственном отечестве не случилось нечто подобное. Уже в начале 20-х годов даже сами большевики обнаруживают, что в их рядах попахивает.

Одним из первых на странный запашок обратил внимание Максим Горький в своих «Несвоевременных мыслях».

«И Ленин и Троцкий, и все другие, кто сопровождает их к гибели в трясине действительности, очевидно, убеждены вместе с Нечаевым, что «правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно», и вот они хладнокровно бесчестят революцию, бесчестят рабочий класс, заставляя его устраивать кровавые бойни, понукая к погромам, к арестам ни в чем не повинных людей... Сам Ленин, конечно, человек исключительной силы... человек талантливый, он обладает всеми свойствами «вождя», а также и необходимым для этой роли отсутствием морали и чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс...»

Большевистская пресса тотчас же обвинила Горького в том, что он «ненавидит народ», а его газета «Новая жизнь» была закрыта. Однако эти оздоровительные меры не помогли. Запах продолжал распространяться. И это неудивительно, скорее логично.

Разгром оппозиции, подавление гласности и инакомыслия, вытеснение на обочину общественной жизни интеллигенции создавали в стране такую обстановку, что «выйти в люди» стало возможным лишь посредством вступления в компартию и беспрекословного принятия морали новой власти. В партию хлынула бездна проходимцев. Соображения морали их мало занимали. К тому же и сами старые большевики подавали пример, начисто отрицая нравственность как буржуазный предрассудок. Не кто иной, как В. И. Ленин, давая уроки этики молодым коммунистам, говорил на III съезде комсомола: «Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата... Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем».

Сегодня нас такие формулы шокируют, но для Ленина такой подход проистекал даже не из конъюнктурных соображений, а из самой природы марксизма, в котором, по мнению вождя, «от начала до конца нет ни грана этики».

СВЕТ МОЙ ЗЕРКАЛЬЦЕ, СКАЖИ...

Привычки к неограниченному насилию, к «революционной законности», к растаскиванию того, что отнималось у «буржуев», порождали особую мораль. Для строительства нужен был кропотливый труд, навыки профессии, умение соизмерять желаемое с возможным. Но оказалось, что разрушать значительно проще, чем строить, что накоплять труднее, чем делить.

Чувство растерянности и апатии охватывает десятки тысяч коммунистов. Приходится прибегать к чисткам, к «промывке мозгов». Интересна статистика исключенных в 20-е годы за «некоммунистическое поведение»: 17% — за склоку, 25% — за карьеризм и бюрократию, 28% — за пьянство, 38% — за нарушение партийной дисциплины.

Отзвуком очевидного неблагополучия с моральным обликом строителей коммунизма стала развернувшаяся в начале 20-х годов дискуссия о партийной этике, в ходе которой выявились и существенные различия в трактовке морали самими лидерами большевизма. Бухарин, к примеру, полагал, что мораль вообще не нужна и что ее следует заменить нормами простой целесообразности, наподобие тех, которые нужны столяру при изготовлении табуретки.

Утилитарный подход к нормам морали широко проникает в партийную среду. Такие вечные моральные ценности, как не убий, не обмани, не укради, люби ближнего своего, вытесняются высокопарными рассуждениями о служении партии и ее вождям. Оказывается, что во имя партии можно убить, украсть, солгать.

Нередко обсуждалось не то, совершил или не совершил член партии гнусность, а испросил ли он на эту гнусность разрешения в партийной ячейке. Выступая на XI съезде партии, А. А. Сольц, которого именовали «совестью партии», морализировал: «Если какого-нибудь товарища смущает, можно ли в данном случае дать взятку или нет, он должен пойти в организацию и спросить, как ему поступить в данном случае... Это вопрос целесообразности. Но этики это не касается».

Подлецы, мерзавцы, прохиндеи, жонглируя этими «емкими» каучуковыми нормами, лезут к высоким номенклатурным должностям. Поражает то, что моральные изъяны, которые в любом порядочном обществе всегда подлежали осуждению, в большевистской среде рассматривались как нормальные, чуть ли не уставные. Нормальным, например, считалось и даже поощрялось доносительство. Кляузы партийцев друг на друга стали настолько распространенным явлением, что об этом этическом феномене большевизма говорилось на XIV съезде ВКП(б). Возражая члену ленинградской делегации И. Бакаеву, выступавшему против наушничества, большевик С.Гусев поучал: «Фальшивишь ты, Бакаич... Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, то есть смотреть и доносить... Я думаю, что каждый член партии должен доносить».

Истоки таких моральных установок в том, что большевистские лидеры рассматривали человека не как высшую ценность, а как придаток созданной ими тоталитарной машины. По масштабу контроля над человеком большевики вплотную приблизились к «идеалу», описанному Дж. Свифтом в «Путешествии Гулливера». Сатирик утверждает, что тайные помыслы людей можно распознавать, исследуя их экскременты, «ибо люди никогда не бывают так серьезны, глубокомысленны и сосредоточены, как в то время, когда они сидят на стульчаке».

У ИСТОКОВ

Большевики изначально наделяли себя правом на особую мораль. На это, в частности, обращает внимание такой известный исследователь большевизма, как Борис Суварин, один из основателей Французской компартии. Анализируя источники финансирования группы Ленина, он приходит к выводу, что деньги большевики добывали главным образом за счет так называемых «эксов» — иными словами, налетов на банки, кассы, страховые общества и частных лиц. Особого размаха волна партийного бандитизма достигла в период 1904—1908 гг. За это время только на Кавказе было совершено 1150 актов терроризма с целью добычи денег. Ответственным за пополнение партийной кассы был большевик Л. Красин (Никитич).

Кстати, отношение к такого рода противоправным действиям стало одной из линий размежевания между Лениным и Мартовым. Меньшевики неоднократно протестовали против такой практики. Одно из наиболее острых выяснений отношений между ленинцами и мартовцами произошло при внутрипартийном расследовании (председателем комиссии был Чичерин) обстоятельств известного налета в Тифлисе. В ходе расследования выяснилось, что большевики закупили за границей крупную партию специальной бумаги для изготовления фальшивых банковских билетов. Пунктом отправки бумаги была Куоккала в Финляндии, где в это время проживали Ленин и Зиновьев. Заказчиком бумаги оказался «министр финансов» большевик Л. Красин. Чтобы положить конец неприятному расследованию, В. И. Ленин настоял на том, чтобы «дело» передали Заграничному бюро ЦК, где оно и было благополучно замято.

ВЫДВИЖЕНЦЫ

Зрители старшего поколения, наверное, хорошо помнят популярный в свое время приключенческий фильм «Лично известен», рассказывающий о «подвиге» знаменитого Камо, участника налета большевистских боевиков на конвой, перевозящий банковские билеты. В фильме, впрочем, не говорится, что во время налета три человека было убито и более 50 ранено (солдаты конвоя и прохожие). Фильм представлял налетчиков как истинных революционеров и героев. Сегодня в отношении такого рода практики добывания денег «для партии» возникают иные оценки. Нетрудно себе представить, каким благородным негодованием закипели бы сердца большевистских фундаменталистов из РКП, если бы кому-либо из лидеров новых партий пришло в голову пополнить партийную кассу столь экстравагантным способом.

Но у большевиков моральным считалось то, что выгодно или удобно...

Едва ли можно согласиться с Василием Розановым, когда он говорит, что русская революция сделана мошенниками. Но после революции, когда правящая партия стала единственной и безальтернативной, к ее «корыту» поползли сонмища приспособленцев. Деградация нравственного, а затем и физического облика большевика-коммуниста, как и на портрете Дориана Грея, хорошо выявляется при сравнении фотографий 20—70-х годов. Черты дегенерации «ума и чести» явно прослеживаются на коллективном портрете членов Политбюро ЦК КПСС брежневской эпохи. Причина такого «спецотбора» не только в том, что исключительно люди с определенной моралью могли сделать «блестящую» карьеру в номенклатуре КПСС, но, может быть, еще в большей степени в том, что партии для проведения политики тоталитарного насилия, в том числе и над здравым смыслом, требовались кадры определенного свойства: не думающие, не сомневающиеся, а готовые выполнить любой приказ, исходя из известного положения Троцкого — «партия в последнем счете всегда права».

Католический собор 1414 года особым декретом объявил, что «церковь действует по внушению святого духа». Большевики, насадившие в стране собственную религию, тоже полагали, что действуют по внушению святого писания марксизма и, следовательно, находятся вне критики и вне ошибок. Помните знаменитое заклинание — «учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Самомнение, чванство, нетерпимость и нетерпение становятся преобладающей чертой партийной элиты.

Большевикам не терпелось с революцией, с индустриализацией, с построением коммунизма, не терпелось и с памятниками самим себе. Иоганн Себастьян Бах умер в нищете. Надгробную плиту на его могиле поставили лишь спустя 100 лет после смерти. Большевики так долго не желали ждать. Еще при Ленине страна начала покрываться переименованными в честь пророков революции городами — Троцк, Зиновьевск, потом Ворошиловград, Жданов и т. д. Страна стала похожей на огромное «закрытое кладбище» — столько на ней памятников вождям. Еще немного — и Россия населилась бы «образцовыми коммунистическими городами», носящими имена Гришиных, Кунаевых, Романовых... Ну как не вспомнить слова Бисмарка о том, что революцию подготавливают гении, осуществляют фанатики, плодами же ее пользуются подонки.

Стимулирование притока специфических кадров в партию крайне пагубно сказывается на культуре. Чтобы казаться «на высоте», авангард целенаправленно снижал уровень интеллекта всего общества. Значение имели не уровень знаний, не оригинальность суждений, а преданность «родной коммунистической партии». В 1941 году В. Вернадский писал: «Крупные неудачи нашей власти — результат ослабления ее культурности: средний уровень коммунистов — и морально, и интеллектуально — ниже среднего уровня беспартийных... Цвет нации заслонен дельцами и лакеями-карьеристами...»

ЭТО ЧТО ЗА БОЛЬШЕВИК?

Одной из особенностей морали большевиков является ее необыкновенная гибкость, тактическая пластичность. Если это выгодно, они с поразительной легкостью отказываются от того, что еще вчера считали святым, и, наоборот, начинают поносить то, что восхваляли накануне. Это касается и событий, и явлений, и лиц. Вспомним вопрос о земле. Как известно, знаменитый Декрет о земле был украден большевиками у эсеров для того, чтобы прельстить крестьян. Но как только власть укрепилась и обросла штыками, попутчики-крестьяне стали не нужны. Декрет о земле был перечеркнут. Совершенно так же большевики поступили и с Учредительным собранием, и со свободой печати. До революции они громче других требовали гласности. Но их отношение к свободной прессе тотчас же изменилось, едва они захватили власть. Уже через два дня после октябрьского переворота Ленин подписывает декрет, запретивший все свободные газеты России. Его «партийная организация и партийная литература» в течение почти 70 лет давили в России всякое живое слово и мысль.

Столь же прихотливы большевики были и по отношению к людям, более того, к великим людям России. Г. Зиновьев травил Ф. Шаляпина, Н. Бухарин хаял физио-

* А. Моравиа. «Эпидемия», перевод С. Ломидзе, 1991 г.

лога И. Павлова, не угодившего большевикам тем, что «не понял» Октябрьской революции. С. Есенин не мог примириться с тем, что любимую им Россию перекраивали в военное поселение, и был объявлен поэтическим трупом. Карл Радек удовлетворенно отозвался на его смерть: «Есенин умер, ибо ему не для чего было жить». Н. Бухарин, получив известие о гибели Л. Б. Каменева, торопится забить свой гвоздь в гроб недавнего товарища по партии. В письме Клименту Ворошилову он чуть ли не ликует, не стесняясь языка московских подворотен: «...Каменев омерзительнейший из людей, падаль человеческая... Что расстреляли собаку — страшно рад». Поражает сходство стилистики большевистских лидеров, особенно когда они говорят о бывших друзьях.

Впрочем, уроки было у кого брать. У классной доски стоял сам Ильич. Люди, близко знавшие Ленина, в частности Н. Валентинов, вспоминают, что Ильичу вообще было свойственно «впадать в раж», когда он говорил об оппонентах.

Н. Валентинов пишет в своей еще совсем недавно запрещенной у нас книге «Встречи с Лениным»:

«Его разговоры, речи во время прогулок о бунде, Акимове, Аксельроде, Мартове, борьбе на съезде, где он, по его признанию, «бешено хлопал дверями»,— были злой, ругательской, не стесняющейся в выражениях полемикой. Он буквально исходил желчью, говоря о меньшевиках... В его боевых кампаниях врагом мог быть вождь народников Михайловский, меньшевик Аксельрод, партийный товарищ Богданов, давно умерший, никакого отношения к политике не имеющий цюрихский философ Р. Авенариус. Он бешено их всех ненавидит, хочет им «дать в морду», налепить «бубновый туз», оскорбить, затоптать, оплевать. С таким ражем он сделал и Октябрьскую революцию».

Конечно, Владимир Ильич по характеру был человек яростный, нетерпимый. Но это было бы, как говорится, полбеды. Темпераментных, острых на слово людей, бойцов можно найти в любом лагере. Проблема сложнее. Дело в том, что личная стилистика Ленина лишь отражала более глубинное явление — этику и мораль самого большевизма. Не Ленин изобрел особую большевистскую мораль — она, эта мораль, уходит корнями в нечаевщину, в ткачевщину, подпитывается бакунинскими соками (Бакунин писал, что ради революции он «готов идти в барабанщики и даже в прохвосты»).

«Заслуга» Ленина и его сотоварищей в том, что, создав для сохранения власти беспрецедентную в истории человечества систему насилия, они вывели этику нечаевщины из полулитературной лаборатории в жизнь, сделали ее достоянием «широких масс». Этика большевизма — это прежде всего массовый партийный аморализм, проистекавший от бесконтрольной власти партии и государства. И в этом — а не в «раже» отдельных лиц — его страшная подавляющая сила.

В детстве я долго не мог понять смысла одной известной картины Бориса Кустодиева. Написанная в 1920 году и названная «Большевик», она изображает гигантских размеров детину в черной поддевке, в сапогах, с огромным красным знаменем в руках. Улицы, дома, люди — все кажется ничтожным перед этим коммунистическим Гулливером. Потребовались годы, страшные откровения ГУЛАГов, знакомство с хамской стилистикой большевистских вождей, чтобы понять интуитивную догадку великого русского художника. Кустодиев угадал психологический большевистский тип человека, который непременно должен доминировать, приказывать и в конечном счете подавлять. Люди — букашки на картине «Большевик», это то, чем большевики всегда видели массы,— дрова, которыми они раскаляли плавильные печи коммунизма.

О ПРАВЕДНИКЕ ИОВЕ И БЕСПЛОДНОЙ СМОКОВНИЦЕ

В христианских преданиях широко распространены Сказания о праведном Иове, испытуемом сатаной. Ему даже приписывался своеобразный титул образцового праведника. Одна из легенд повествует о том, как с согласия Бога сатана подверг Иова особо изощренному испытанию на верность. Четыре вестника беды поочередно сообщают Иову о гибели его ослов, овец и верблюдов вместе с пастухами и погонщиками и, наконец, о смерти сыновей и дочерей. Бедный Иов раздирает на себе одежды, обривает в знак траура голову, но отказывается хулить Господа.

Более семидесяти лет мы уподоблялись праведнику Иову. В испытаниях на верность социализму и коммунизму у нас погибли миллионы людей. Александр Солженицын попытался вместить послушной список большевизма в 600 страниц «Архипелага ГУЛАГ», но не смог исчерпать всех рек зла. Русские реки, подмывая в весеннем разливе крутые берега, обнажают нам все новые и новые тайные кладбища исторической эпохи коммунизма.

О поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями?

«Господь дал, Господь и взял — благословенно имя Господне!» — восклицал Иов после каждой новой напасти. Вот и мы, впадая из года в год все в большую нищету, не устаем твердить: да здравствует социализм — вечно живое учение коммунистического бога.

Среди людей большевистского «профиля» более всего поражает вопиющая невосприимчивость к историческому опыту, к урокам собственной трагедии. Казалось бы, сегодня, когда уже ясно, по каким кругам ада большевики провели народ, настало время оглянуться и, оглянувшись, ужаснуться содеянному. И пусть бы даже не раскаяться, ибо, как мы убеждаемся, покаяние не свойственно этой породе людей. Но хотя бы во имя спасения собственных детей извлечь то минимальное зерно житейского опыта, которое и курицу заставляет копать навозную кучу, чтобы не умереть с голоду. Но ведь нет же! Не отречемся! — гремят речи на пленумах возрожденного большевистского ЦК РКП. И вот уже на захваченном необольшевиками телевидении нас снова пытаются заставить петь уже отпетые песни, снова после всех испытаний и мук нам пытаются навязать еще одно искушение — искушение социализмом с человеческим лицом. А мы, как праведный Иов, примериваемся к новой чаше — испить или не испить?

Помните, какой совет дала Иову его жена? Видя страдания мужа, мудрая женщина изрекла: «Похули Бога и умри».

Совет, конечно, соблазнительный, и многие им были соблазнены. Смелые, честные люди, не запятнавшие белых одежд, так и поступали. Говорили правду и шли под хлыстами диктатуры на свою Голгофу. Имена многих из этих людей нам теперь известны. Они дают урок истинно человеческой, а не сектантской морали.

Но для народа, для страны, жаждущей нравственного очищения, этот рецепт недостаточен и неприемлем. Народ умереть не может. Да и хулить богов для народа — не самое лучшее из занятий.

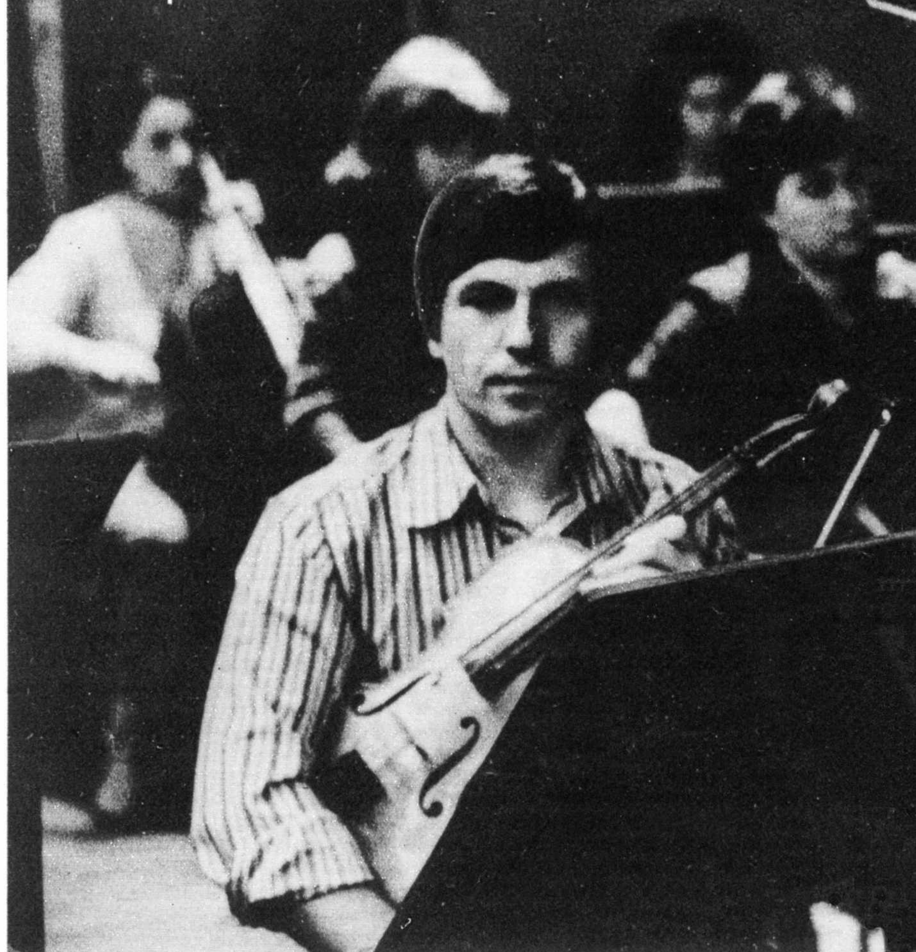
В Евангелии от Луки есть мудрые строки:

«Нет доброго дерева, которое приносило бы худой плод; и нет худого дерева, которое приносило бы плод добрый. Ибо всякое дерево познается по плоду своему».

Сад большевизма оказался бесплодным. Настало время избавиться от бесплодной смоковницы и отдать русскую землю под деревья, приносящие плод.

ПЕРВЫЙ НАПИЛЬНИ

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

К

Если дело так пойдет — скоро останется нам только духовая музыка. Медные «Амурские волны» на пыльных площадях в дни народных гуляний.

Медные военные оркестры — гаранты нашей будущей музыкальной жизни.

Штатские — разбегаются. Армейские — стягиваются. Покидают братские страны.

Не нужен нам берег турецкий!
И Африка нам не нужна!
Да и мы там не нужны.

Александр МИНКИН

Музыка играет так весело, так радостно, и кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем...
Антон Чехов.
«Три сестры».

Заметили? У нас теперь четвертая волна эмиграции. Музыкальная. Девятый вал — «Виртуозы Москвы» в полном составе отправились принадлежать испанскому народу.

Скрипки плачут: прощайте!
Товарищ, мы едем далеко —
Подальше от нашей земли.
Жуткая песенка.

Струнные провожаем. Встречаем духовые.

Трубы плачут: здравствуйте!

В Праге, Будапеште, Берлине, Варшаве они в последний раз сыграли «Прощание славянки».

Печальный парадокс: те, кто может играть голодным,— уехали в сытые страны. Те, кто не может играть с пустым брюхом,— вернулись на Родину.

— *Трубач должен быть сыт!* — грустно и гордо сказала мне скрипка — жена концертмейстера труб, талантливого музыканта.

Вспоминаю турне симфонического оркестра по Западной Европе.

Вспоминаю вечно пьяного кагэбэшника. На пятый день кончилась у него водяра. Тратить тяжелые швейцарские франки он никак не хотел. И начал этот «120-й» [1] набиваться по вечерам к музыкантам в гости, когда артисты расслабляются после концерта. Даже у меня, журналиста, этот «шестой тромбон» [1] решился

[1] «120-й» и «6-й тромбон» — на профессиональном жаргоне советских музыкантов термин для обозначения приставленного к оркестру стукача.

— *Почему*?! — Я вытаращил глаза.

— *Потому что ему — если не пожрет — диафрагму опереть не на что.*

Ай-яй-яй! Оказывается, диафрагму можно опереть только на сытый желудок. Другой опоры нету.

Не обопрешь — звук будет хилый, плоский.

Разговор случился в Люцерне (или в Локарно?) — в стране переполненных магазинов. Грусть и гордость жены трубача понятны. Всякие там альты и виолончели могут перехватить что попало (галеты, консервы), а на сэкономленные суточные купить полезное, купить «для Маши» (комиссионка, толчок, всякая спекуляция). Да и похудеть не мешает. А трубу надо кормить. Обильно и правильно.

— *Жареного нельзя. От жареного на губах сальная пленка — звук не тот.*

Ай-яй-яй! Пленка на губах — какие нежности!

поклянчить. Но не обломилось ему. А суточные у него — как у виртуозов. Вся разница: у первой скрипки номер на двоих, а у «шестого» — всегда отдельный.

Вот незадача: музыканты остаются, а «шестые тромбоны» возвращаются. Нигде они не нужны. Это ж не резидент-полковник. Это бесстыжий бездельник. Какая у него информация? Кто какой анекдот рассказал, да кто с кем спит — «там» это никого не интересует, никто не купит.

Он только Родине нужен. Только бедной моей Отчизне нужны бесчисленные «шестые тромбоны».

А музыканты ей не нужны.

Взгляните: флейтист слесарит, чтобы заработать на жизнь. А ему нельзя. Нельзя грубую работу, нельзя тяжести поднимать — пальцы теряют чувствительность. Поднимет пианист чемодан перед концертом — тончайшего пиано уже не жди. А после шерхебеля? После драчевого напильника?..

Вспоминаю детскую книжку.

— *Что же это за непонятная страна*! — вскричал Главный Буржуин. И с тех пор всё вскрикивают главные и неглавные буржуины:

— Что же это за страна, которой не нужны ни крестьяне, ни ученые, ни виртуозы, а нужны звеньевые, агитаторы, пропагандисты, инструкторы по научному атеизму и прочие «шестые тромбоны»???

Увидали бы проклятые буржуины жизнь Ярославского симфонического — которую вы видите здесь,— стали бы вскрикивать и по ночам.

А так — сидят они в концертных залах, сами во фраках, жены в брильянтах, наслаждаются музыкой.

А наши пути забиты бронепоездами.

Светская хроника

НАМ ЭТО НЕ СВЕТИТ?

Вообще-то в московском инновационно-техническом центре «Прогресс» работают вполне серьезные ученые, конструирующие лазерные установки. Но и серьезные люди иногда собираются перекурить. Во время одного из перекуров кому-то в руки попалась ненужная проволочка...

«Гибкие источники света» — так условно назвали изобретение, показавшееся поначалу ненужной игрушкой. Моток проволоки, умеющий непонятным образом светиться мягким таинственным светом, повесили в конторе на новогоднюю елку, выпили по бокалу шампанского и разошлись. А зачем она? Съесть эту штуку нельзя, на себя надеть — тоже. Так, шутка гения...

Директор «Прогресса» Сергей Львович Серегин никак не ожидал, что зашедший на чашку кофе американский специалист по лазерам так живо отреагирует на светящуюся игрушку. Мгновенно вынуты из кармана 75 долларов, и, если бы директор вовремя не насторожился, эту штуку изобрели бы уже не у нас. Оказывается, нигде в мире, кроме «Прогресса», проволочки светиться не умеют.

Первая партия светящихся моточков — 20 000 штук — на корню закуплена Америкбй. Использовать их можно где угодно — от елочных украшений и ночников до театральных спектаклей и даже, представьте, одежды.

Удовольствие, правда, дорогое — игрушка стоит около пятидесяти долларов. Московский старый цирк на Цветном бульваре — первый советский покупатель. Простым советским гражданам это, конечно, не светит...

АЛЬТЕРНАТИВА СВЕТЛОЙ ПАСХЕ

Горки! И сразу ассоциации — Ленинские Горки, Ленин в Горках, Ленин и печник... Да, здесь работал, жил, болел и умер основатель Советского государства Владимир Ильич Ленин. После смерти Ленина в Горках было место отдыха работников ВЦИКа, а чуть позже видный деятель советской генетики, товарищ Лысенко, устроил в тех местах образцовое садовое хозяйство. Потом вциковцы переехали отдыхать в другие места, хозяйство Трофима Денисовича безвозвратно погибло во время холодов, и Горки стали очередным мемориальным местом, после чего начали медленно приходить в упадок...

И вот в день светлой Пасхи, когда весь безыдейный русский народ ел куличи и крашеные яйца, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры кинуло клич: восстановим Горки! Сбор энтузиастов состоялся на Павелецком вокзале. Энтузиастов в резиновых сапогах оказалось... двое. Один — коммунист со стажем, убежденный ленинец, другой — настолько же убежденный анархист. Коммунист, представившийся нам как Павел Борисович Дейнека, руководя уборкой территории дорогого для всего советского народа места, рассказал о трудностях восстановления памятников. Некогда процветавшее Общество охраны памятников культуры, по его словам, теперь далеко не благополучно. В его рядах наберется не более ста активных членов, семьдесят процентов которых по совместительству состоят в обществе «Память». В связи с этим в рядах энтузиастов охраны памятников имеют место значительные разногласия...

Через две недели все те же энтузиасты снова поехали в Горки, взяв с собой термосы и надев резиновые сапоги.

С ЗАБОРА — НА ЭКРАНЫ...

На экраны страны выходит комедия режиссера Ефима Гальперина (продюсер Владимир Коваленко) с эпатирующим названием «Бля!». Презентация его, состоявшаяся недавно в Центральном Доме кинематографистов, вылилась во всенародное торжество по поводу того, что так любимая народом разговорная частица наконец-то появилась на рекламных плакатах, значках, наклейках и воздушных шариках. В одном из своих телеинтервью ужасно серьезный Говорухин сказал: «До чего дошли... На премьере фильма «Бля!» в ЦДК продавались презервативы...» Действительно, были и они — с яркой наклейкой «Бля!». Свобода...

Не будем пересказывать сюжет фильма — в основе его абсурд нашей жизни и два понятия: «бля» и «госбезопасность». И при этом никакой эротики или там порнографии. Все самое интересное происходит в туалете для депутатов Верховного Совета, на праздничном перроне, в будуаре начальника вокзала и кое-где еще.

Фильму предсказывают непростую судьбу — чего стоит хотя бы неофициальная установка московского кинопроката считать показ фильма нежелательным. Поэтому владелец фильма — акционерное киновидеообъединение «АКВО» предпринимает все возможное, чтобы пробиться на и без того труднодоступный для советских фильмов экран. Реакция на предпремьерный показ самая разная. Во Владикавказе копия фильма была арестована начальником особого отдела гарнизона, в Риге его показ запретил райком партии, на Украине министра культуры засыпали телеграммами с требованием прекратить это безобразие.

Кстати, Госкино СССР, заботясь о целомудрии зрителя, а также заборов и рекламных щитов, утвердило для фильма другое название — «Сэнит зон» («Санитарная зона»).

В фильме снялись прекрасные актеры, в том числе Любовь Полищук (секретарь райкома партии), Владимир Самойлов (полковник, начальник УВД города), Сергей Газаров (диссидент), Борислав Брондуков (представитель организованной преступности), Кирилл Мокеенко (куратор КГБ). А роль юного героя-милиционера сыграл молодой интересный актер Максим Беляков.

Итак, комедия «Бля!», псевдоним — «Сэнит зон»! Или наоборот — все равно про нашу жизнь.

ЛУЧШИЕ КАРТЕЖНИКИ — В ПОДМОСКОВЬЕ

Симпатичный курортный город Юрмала просто жить не может без фестивалей, конкурсов или турниров. Едва успел сменить адрес на Ялту конкурс молодых исполнителей, Юрмала стала созывать любителей спортивного бриджа на турнир под названием «Янтарный туз».

Турнир собирает бриджистов всей страны и, видимо, станет традиционным, во всяком случае, организаторы этого хотят. Участники турнира были размещены в самых комфортабельных пансионатах Юрмалы, стоимость мест в которых доходила до тридцати пяти рублей в сутки на человека. Были предложены самые изысканные развлечения. И что самое интересное, на протяжении всего турнира кормили. И неплохо. Турнир проходил в заново отстроенном после пожара Доме культуры «Дайле», где, кроме карточных столов, к услугам игроков были кегельбан и бар, где можно было выпить стаканчик чего-нибудь. Впрочем, игроки этим не злоупотребляли: главное — это хорошая форма. В турнире приняли участие несколько представительниц слабого пола. Правда, особых успехов в игре они не имели, но турнир, несомненно, украсили.

Остается добавить, что первое место заняла подольская пара Гудков — Волченков, они получили денежный приз: семьсот рублей в конвертике (на двоих). Хотелось бы поздравить корреспондента «Светской хроники» Павла Портного, принявшего участие в турнире и привезшего в Москву почетное четвертое место и денежный приз в размере месячной компенсации к окладу.

Видимо, турнир состоится и в следующем году. Как говорят организаторы, будет еще лучше. Но — еще дороже, так что пристрастие к спортивному бриджу не всем по карману.

КРЕСТНЫЙ ПАПА И ПЛОМБИР

В одном из кафе-мороженых города Алма-Аты вы не увидите ни детишек, ни парочек. Посетители этого кафе имеют довольно интеллигентный вид, развитую мускулатуру и свой маленький бизнес. Детишкам здесь не место: серьезные дяди, покуривая «Мальборо», решают свои проблемы. Неофициальный выходной у алма-атинских бизнесменов — четверг, в этот день в кафе относительно свободно, а в другие дни машину невозможно припарковать в пределах квартала. Те, кому не хватает

места в самом кафе, располагаются живописными группками под открытым небом. В словах и движениях — свобода и непринужденность. Имеют место диалоги типа: «Старик, два «лимона» нужно срочно!» — «Ну, это тебе будет пятьдесят «штук» стоить» ...— «О'кей, старина, без вопросов». Чувствуется, люди хозяева и своим словам, и деньгам. Кроме профессии «теневик», их роднит еще и то, что все они в свое время поработали в государственной экономике, и, видимо, им хватило.

Поэтому они сидят в тени и кушают мороженое.

НЕМНОГО О ПИКАНТНОМ

Рижская газета «Еще» сообщила, что сервис-центр «Диви» («Двое»), специализирующийся на обслуживании молодоженов, собрался в следующем году открыть в Риге секс-шоп. Это такой магазин, который торгует предметами, советскому человеку в принципе незнакомыми. Они, как правило, служат для того, чтобы избавиться от некоторых проблем в интимной жизни и сделать ее более интересной и разнообразной. В ассортименте может быть все что угодно, вплоть до надувных дам для убежденных холостяков.

Американцы согласились поставлять товар для необычного магазина в обмен на фотопродукцию с прибалтийскими моделями. Решающее слово в оформлении лицензии на провоз через таможню секс-принадлежностей должно сказать Министерство культуры Латвии. Департамент Раймонда Паулса пока в замешательстве. По вопросу — порнография или эротика — собираются проводить вневедомственную экспертизу при участии юристов, врачей, искусствоведов. Трудно сказать, будут ли они руководствоваться при этом известным постановлением Верховного Совета, принятым при деятельном участии департамента Николая Губенко...

КАВИАР ЕНД КРАБС, ИЛИ ПИСЬМА ИЗДАЛЕКА

Два английских лорда Непьен де Малага и Хатчесон в компании с гражданином Швейцарии г-ном Добровинским-Кусиковым недавно посетили нашу страну. Воспоминания о поездке до сих пор переполняют путешественников, и они изъявили желание поделиться впечатлениями с читателями «Светской хроники»... Приводим их сообщение, присланное нам по телефаксу:

«Мы давно мечтали о поездке в Петербург — и вот сбылось... Господа, принимавшие нас, любезно приготовили нам билеты в Мариинский театр. Отдохнув в отеле, мы вышли на улицу, и тут начались наши приключения. К нам подошел молодой человек и на очень приличном английском предложил нам «экологически чистых девушек с полной гарантией, по сто долларов». Тут же подошли девушки и без предисловия, в сжатой форме, начали излагать содержание «Камасутры». Сославшись на балет, мы мужественно отказались и занялись поиском машины. Рядом с нами стояли три такси и милицейские «Жигули». Из «Жигулей» вылез милиционер и, обращаясь к таксистам, сказал: «Ни фига, сейчас моя очередь. Садись, фирма вонючая!». В последнем он был прав, так как мы шли в театр и действительно были сильно надушены. Доставив нас на своих «Жигулях» по назначению, милиционер, говоривший только по-русски, довольно четко произнес: «Твенти доллар». После легких торгов мы сошлись на десяти, причем милиционер предложил подождать нас после спектакля за ту же цену. Около театра к нам подошла довольно полная дама и предложила «кавиар енд крабс». Надо сказать, что по-английски «крабс» — ужасно вульгарное выражение, а совсем не крабы. Мы шарахнулись в сторону, а потом долго нервно смеялись...

...Перед отъездом, уже в аэропорту Пулково, провожающие попросили нас сообщить наше мнение о прогрессе в СССР. И мы сказали все, что думали: что очень радует возрождение в России самых древних промыслов и что в этом смысле все отвечает мировым стандартам. Что наполняет оптимизмом возобновление посреднической деятельности, без которой немыслим современный бизнес. Что приятно удивила полная безопасность передвижения по городу и личная заинтересованность в этом соответствующих органов. И что прямота и раскрепощенность русских людей дают основания безбоязненно смотреть в будущее...».

ТЕКУЧКА ЗАЕЛА

В движении московских сионистов, число которых, по их свидетельству, колеблется от двадцати до сорока человек, грядет очередной кризис. Вице-президент сионистской организации евреев СССР «Иргун Циони» двадцатидвухлетний Виктор Бас в мае покинет нашу страну. У сионистов останется один лидер — Лев Городецкий, который, в свою очередь, уже получил разрешение на выезд в Израиль. С отъездом лидеров группы, как правило, распадаются, и работу — консультации для желающих уехать, продажа литературы об Израиле и словарей, помощь одиноким старикам, организация демонстраций — делать становится некому. Таким образом, за последние полгода прекратили существование сионистские группы в Ленинграде, Киеве, Харькове и Тбилиси.

Это настоящее несчастье, говорят активисты: едва человек наладит работу, подоспевает вызов — и пора уезжать... Впрочем, вице-президент «Иргун Циони» почему-то уверен, что на сей раз замена ему найдется.

ЕСЛИ ТЕАТР ДАЕТ БАНКЕТЫ, ЗНАЧИТ, ОН СУЩЕСТВУЕТ

Блестящий успех второй постановки Леонида Трушкина был отмечен не только слезами, цветами и криками «Браво!», но и лихим банкетом.

В прошлом сезоне «Театр Антона Чехова» родился на свет и сразу показал, на что способен. «Вишневый сад» произвел впечатление в столице и на гастролях.

Почему театр взял для второго спектакля американскую мелодраму «Там же, тогда же...», неизвестно. Но история двух любовников, встречающихся раз в год «там же, тогда же», в исполнении Татьяны Васильевой и Константина Райкина, видимо, обеспечит театру аншлаги.

Присутствовавшие на премьере и банкете громкими криками одобрения встретили известие о премировании администрацией творческого состава. Среди кричавших отмечены М. Жванецкий, А. Иванов, М.Козаков, Л. Полищук и муж Т. Догилевой.

О премиях необходимо сказать, что хоть и выражались они трехзначными суммами, но воспринимать их следует по крайней мере на порядок уважительнее, так как в премиальных конвертах были настоящие (конвертируемые) деньги.

О банкете можно сказать лишь: икру не доели, водку не допили, шампанское осталось. Во время банкета произошли импровизированные, но страстные танцы — настолько, что актриса одного из столичных академических театров продолжала плясать, не заметив, что в ее туалете наступил не совсем приличный беспорядок.

ТОВАРИЩИ КУПЦЫ! ПАРОЛЬ — «СОЮЗ»...

Времена изменились. И говоря о дореволюционной России, мы стали уважительнее относиться к царям, с пониманием — к золотопогонникам, а в церкви многие из нас находят утешение. И неудивительно, что именно сейчас появился Союз потомков российского купечества. Член Союза Н. Е. Пряничников, предки которого по материнской линии — Оловянишниковы — лили знаменитые во всей России колокола, считает, что опыт купечества может и должен помочь сегодня: ведь вряд ли удастся перейти к рынку, используя только опыт Западной Европы. А в России между тем существовали прекрасные торговые традиции, надо только извлечь их на свет Божий. «Основная цель нашего Союза,— говорит Пряничников,— это привить культуру предпринимательства нашим предприимчивым людям. Русское купечество всегда отличалось порядочностью, с ним можно было иметь дело».

Раньше, как известно, в России существовал не Союз, а Клуб купеческий, но теперь, как оказалось, нужно быть «союзом», чтобы быстрее зарегистрировали. К удивлению потомков купечества, общество оказалось зарегистрированным как «национально-общественная организация». Союз возражает против такой формулировки и обратился в Моссовет с убедительной просьбой исправить неточность. «Наша цель — исключительно культура»,— говорят потомки купцов.

Выпуск подготовили Светлана Бавыкина и Юлия Сударенко.

Им помогали Евгений Андросов, Инна Вальковская, Михаил Ростошанский, а также г-н Добровинский-Кусиков. Рисовала Евгения Двоскина. Будем благодарны вам за информацию о сенсациях, интересных фактах и событиях. Ее можно сообщить по телефону 212-23-07.

СВЕТСКАЯ ХРОНИКА

БЕСЫ В ПАРИЖЕ

Дерек КАРТУН

РОМАН

ГЛАВА XIV

Этого мало,— вздохнул Баум.— Совсем мало. Несколько подпольных кличек — он их, может, вообще выдумал. А что он встречался с Хеммингом, которого знал как Феликса, в парке и в Булонском лесу, нам и самим было известно.

Он горестно покачал головой, разглядывая записку, которую составил Ассар. Ночью его вызывать не стали — Ассар рассудил, что скандал по поводу смерти Хаана вполне может подождать до утра. Он вызвал только врача, обслуживающего отдел, и дождался Баума, который появился ровно в восемь. Сообщая о том, что случилось, он постарался по возможности смягчить все обстоятельства, но это мало помогло.

— Вон отсюда! — заорал Баум.— Идиот! Чтоб я тебя здесь больше не видел!

После чего Ассар отправился спать, оставив краткий отчет о допросе.

— Теперь мы знаем четыре подпольные клички: Феликс, Бруно, Ингрид и Мария-Луиза,— вероятно, одна из этих девиц приходила в больницу. Не очень-то мы продвинулись.

Алламбо притянул к себе листок.

— Тут есть одна деталь,— заметил он.— Может, конечно, это и мелочь, но Марию-Луизу он назвал позже остальных, тогда, когда его спрашивали о месте встреч. Тут что-то есть, а?

— Это может означать, что у Марии-Луизы они встречались. Но, черт возьми, как ее отыскать?

Алламбо достал сигарету, закурил.

— Давайте прикинем. Этот малый по воскресеньям встречался с Хеммингом в каком-нибудь парке. Свидания, видимо, всегда назначались на одно и то же время — с двух до трех и продолжались, судя по тому, что вы сами видели на прошлой неделе, около получаса. Дальше. Париж не такой уж большой город, парков у нас мало. Даже если последняя встреча состоялась в Бут Шомон, а он дальше всех от того места, где Хаана заметили полицейские, то все равно он должен был добраться до Порт Жавель примерно к четырем. А заметили его в пять, стало быть, у него был целый час, чтобы встретиться со своими и передать им приказы и инструкции Хемминга. Смотрим на карту: вот улица, с которой выезжал его фургон,— что ему там было делать? Разве что он там просто стоял. Эта улица не тупик, но за ней — лабиринт переулков, никто не выберет этот маршрут, если надо пересечь квартал. Можно предположить, что Мария-Луиза живет где-то здесь и встреча проходила у нее.

— Может, они к ней перебазировались с Фобур Сен-Дени, когда там жарко стало.

Посидели молча, каждый пытался осмыслить скудные результаты ночного допроса.

— По-моему,— заговорил наконец Баум,— у нас есть одна зацепка. Маленькая, правда! О том, что Хаан у нас, его приятели наверняка знают. Судя по тому, как быстро они заполучили его машину, это им стало известно почти тогда же, когда и нам. А раз так, то, стало быть, им известно и место, где его увидели, тот же человек сообщил. Значит, если Мария-Луиза живет поблизости и встречи проходили у нее, то эти люди должны бы убраться оттуда немедленно и замести следы...

— Кроме самой Марии-Луизы — ведь она там живет.

— ...если, конечно, они не совершат ошибку,— продолжал Баум, он, казалось, не слышал слов Алламбо и беседовал сам с собой.— А они эту ошибку совершить могут — ведь целых четыре месяца действовали вовсю, и им с рук сходило: ни единой неудачи, ни одного ареста, кроме инцидента с Жан-Полем Масэ, да и тот им на пользу обернулся. А теперь вот этот случай. Они могут рассчитывать, что мы их убежище не обнаружим. Не станем снова проводить облаву: в прошлый-то раз она никакого результата не дала.

— Мы и не станем,— сказал Алламбо.

— Точно. Их догадка правильна. Я полагаю, они не тронутся с места. Надеюсь, удастся убедить в этом наше начальство...

Он развернул на столе карту, карандашом очертил окружность, центр которой помещался там, где мост Мирабо выходит на набережную, метрах в семидесяти пяти от того места, где замечен был белый «рено».

—Где-то здесь,— показал он,— живет наша Мария-Луиза. И все, что нам остается,— прочесать этот квартал. Надежды мало, но все же лучше, чем сидеть сложа руки.

— Не намного лучше,— проворчал Алламбо.— У нас есть фото той, что приходила в больницу, покойника Хаана и Масэ, а также описание белой машины. Это все.

Уж если контрразведчика прижмут как следует, то он способен на великие свершения. Теперь, когда его загнали в угол, Альфред Баум это доказал. Позже, несколько лет спустя, он любил рассказывать об этом как о самой красивой и элегантной операции за всю историю работы отдела территориальной охраны.

— И всего-то понадобилось четырнадцать часов! — с торжеством сообщал он каждому, кто соглашался его послушать.— Мы плюнули на финансовые соображения, пооторвали всех от работы, разбили несколько семей и, кажется, создали новые, прямо у нас в отделе. Главное, чтобы цель была общая, это единственный способ действий, если уж припечет.— В этом месте он делал паузу и улыбался самой хитрой из своих улыбок.— А ведь утром того дня я был в полном отчаянии — до парада оставалось всего пять дней.

Если по пунктам, то это выглядело так:

— владельцам трех газетных киосков в квартале было предложено поехать отдохнуть куда-нибудь на недельку, а за них поработают другие;

— кассирш на станции метро «Порт Жавель» заменили на время дамы из отдела, а штат уборщиков на этой станции был увеличен на две персоны. Оперативникам работа показалась не более утомительной, чем их собственная;

— квартал внезапно стал местом притяжения влюбленных. Они обнимались на мосту Мирабо. Они целовались в машинах на стоянках. Они неустанно прогуливались по набережной;

— двое оперативников стали мусорщиками и, хотя труд их не оплачивался, усердно чистили здешние вонючие помойки, проклиная свою судьбу;

— одетые весьма разнообразно, сотрудники и сотрудницы отдела прогуливались по кварталу, занятые чтением газет или, безусловно, интересным разговором, у некоторых были сумки с продуктами;

— почтенная матрона, лет тридцать просидевшая в архиве на улице Соссэ, превратилась в цветочницу — ее здоровенную корзину пополнял на рынке разъяренный сержант полиции, который никогда не предполагал, что ему поручат такую, с позволения сказать, работу. Но матрона была в восторге от новой должности и обосновалась у самого входа в метро, спрятав радиопередатчик в своей необъятной юбке.

— Ну, мы сделали все,— доложил Баум обеспокоенному Вавру.— Если что упустили, так дополним, я человек не гордый. Правда, квартал и так битком набит нашими.

Вавр вздохнул:

— Надеюсь, на сей раз повезет. Столько сделано, должна же быть хоть когда-то удача, мы ее заслуживаем.

— Еще мы могли бы Хемминга, он же Феликс, арестовать,— задумчиво предложил Баум.

— И часа не пройдет, как посольство кинется его спасать. Ну и что будет? Дипломатический скандал. Заголовки в газетах во всю страницу. Вопли из Вашингтона, а уж тут у нас какие вопли! Нет уж, лучше не надо!

— Я это и ожидал услышать. Но у нас на этого субъекта столько данных, что его дважды повесить можно.

— Дело не в нем. Дело в том, что такой скандал с политической точки зрения сейчас невыгоден. Забудем о Хемминге!

— Все-таки мне кажется, что было бы разумно посвятить президента в его делишки.

— Да ведь ничего не докажешь.

— Я мог бы связать его деятельность с тем, что делал Рене, а Рене был связан с Масэ, который передал в «Юманите» секретные документы. Звенья этой цепочки прочные, суд счел бы аргументы вполне убедительными. Но о суде, кажется, и речи нет?

— Я подумаю обо всем этом, Альфред, но мне сама идея пока не нравится. Что у тебя есть конкрет-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 11—19.

но против Хемминга? Если дойдет до объявления его персоной нон грата, то мне понадобятся данные.

— Я их пришлю. Я написал резюме по его досье, этого достаточно. Но мы еще к этому вернемся.

В дверях он обернулся:

— Пожелайте мне удачи.

Совершенно секретно. Информация из архива контрразведки о Рольфе Уолдо Хемминге.

Родился в Монреале (Канада) 9.8.1925, мать — уроженка Канады, отец — американец. Гражданин США.

Учился в государственных школах в Монреале и Бостоне, изучал конституционное право в Гарвардском университете. Закончил summa cum laude[1] в 1949 г. *Карьера.* В 1950 г. стал членом коллегии адвокатов. Очевидно, в 1951 г. завербован ЦРУ. Ему протежирует Джеймс Энглтон — специалист по тайным операциям. Первая заграничная служба — в Тегеране в 1953—1954 гг., покинул Иран через месяц после путча, сместившего левое правительство и поставившего у власти шаха Пехлеви. В 1953—1962 гг., по всей вероятности, замешан в политических кризисах в Сирии и Ираке. В Конго с 1962 по 1965 г.— до того момента, как к власти пришел генерал Мобуту.

Сведения о деятельности между 1966 и 1975 гг. скудны. Одно время работал в Вашингтоне, в разные годы — в Никарагуа и Сан-Сальвадоре. В 1975 г. назначен советником по культуре в посольстве США в Париже. Активно сотрудничает с Конгрессом «За свободу культуры» и радиостанцией «Свободная Европа». Вероятно, осуществляет связи между этими организациями и ЦРУ.

Политические взгляды. Характеризуется как «ястреб» — сторонник самой жесткой политики по отношению к СССР и ужесточения антикоммунистической деятельности в Западной Европе. В частности, считает большим злом социалистические партии — по его мнению, они открывают дорогу к коммунистическому правлению. Симпатизирует крайне правым партиям и группировкам. Сведения почерпнуты из разговоров и отзывов его сотрудников. Никаких непосредственных контактов с правыми экстремистами не прослеживается.

Личные качества. На протяжении всей жизни — гомосексуалист, без долгих и прочных связей. Увлекается красивыми молодыми людьми 18—28 лет, но возраст может быть и другим. Время от времени появляется с приятелями такого рода в самых дорогих отелях: его доходы позволяют делать подобные траты.

Владеет английским, французским, итальянским, арабским, немного — испанским.

Контакты: министр обороны, министр заморских территорий, префект полиции, председатель парижского коммерческого банка, ряд контактов в коммерческих и финансовых кругах плюс множество знакомств в мире искусства.

Заключение. Возможно, Хемминг проводит собственную политику, которая выходит за рамки деятельности ЦРУ. Возможно, что руководству ЦРУ известна далеко не вся его деятельность. Судя по тому, что Хемминг — один из немногих заметных сотрудников, которым удалось уцелеть после кризиса во время и после президентства Никсона (тогда уволен был даже Джеймс Энглтон), у Хемминга есть какой-то могущественный покровитель. Если это так, то, видимо, в его департаменте об этом не знают. Как бы то ни было, следует признать, что если мы попросим выслать его из страны, то и ЦРУ, и посольство США не сочтут наши доводы убедительными и из принципиальных соображений откажут нам в просьбе. Если же мы будем настаивать, то это немедленно скажется на положении сотрудников французского посольства в США, соответственно пострадают интересы Франции.

Подпись: Баум. См. досье № у/Н 8101877, Хемминг Р. У.

Фото: имеется. Отпечатки пальцев: только правой руки. Запись голоса: имеется. Сведения получены от: список осведомителей имеется. Качество информации: с момента прибытия во Францию — хорошее, за предыдущий период — мало конкретных обоснованных деталей».

В тот же день попозже Баум еще раз заглянул к Вавру. На столе лежал его отчет. Вавр неприязненно ткнул в него пальцем:

— Завтра в десять идем к президенту с этим.

— Вы сами просили о встрече?

— Да нет, нас вызывают.

— Ну и как вам? — Баум имел в виду резюме.

— Согласен — надо это показать президенту. Хотя бы для самозащиты.

— А что скажем насчет расследования утечки информации в Комитете обороны?

— Скажем как можно меньше. Предоставь это мне, я завтра к утру состряпаю им сценарий. Вообще я считаю, что политическим деятелям ничего не надо знать, кроме того, что скрыть уже невозможно. Даже президентам. Так что надо хорошенько тут все обдумать.

— Наибольшие улики — против министра обороны,— сказал Баум.— Но ничего мы не докажем, только добьемся грандиозного политического скандала.

— Уж это наверняка. Хотя мы-то знаем, что он приятель с Хеммингом. И ему сподручнее было, чем другим, передавать эти протоколы, раз они в его министерстве печатаются.

Вавр помолчал и спросил с озабоченным видом:

— В его досье ничего такого нет?

— Я смотрел — все чисто.

— А что этот твой Пишу говорит?

— Он каждый вечер встречается с нашим инспектором и передает ему всю хронику — где министр был, с кем виделся и т. д. При первой же встрече выложил все мерзкие сплетни — он своего начальника, оказывается, терпеть не может. Так что мы много чего теперь знаем о нашем приятеле Пеллерене, но, правда, такого, что нас не касается. Кроме одного — он, оказывается, запросил самые последние сведения о нас обоих.

— Много он интересного услышит! — рассмеялся Вавр.— Разве что ты содержишь пару блондинок на бульваре Сен-Жермен...

— У самого Пишу,— продолжал Баум,— были серьезные мотивы, чтобы скопировать протоколы и передать их. Все та же страховка — он боится победы левых. Но раз уж он такой боязливый, так почему бы ему не застраховаться и от правых? Во всяком случае, в наш список его внести надо.

— А кого еще?

Баум глянул на Вавра исподлобья, чуть улыбаясь.

— Полагаю, некоего Ги Маллара — министра внутренних дел и нашего непосредственного начальника.

— Ты что-то знаешь, чего я не знаю?

— Ничего такого, что позволило бы мне утверждать с уверенностью. Только немного истории — я тут читал и перечитывал его досье, в общем-то, это занятие почти бесполезное. Но одну мелочь я заметил — может, она ничего и не означает, но любопытно все же. До того как заняться политикой, он был на дипломатической службе. В 1957 году поехал в Бейрут в качестве второго секретаря посольства и работал там два года. Бейрут — не такой уж большой город, и дипломаты разных стран там все друг друга знают. К тому времени, как приехал Маллар, Рольф Хемминг прослужил в американском посольстве уже целых два года и наверняка знал всех и каждого. Уж, конечно, такой коллекционер полезных знакомств не мог не подружиться с нашим Ги Малларом, тоже весьма общительным и тоже знающим цену подобным связям. Поверить не могу, что они не поддерживают знакомства здесь, в Париже. Однако обратите внимание — в досье Хемминга Маллар не упомянут. Это означает лишь одно: он и есть главный «приятель» Хемминга, и оба считают нужным держать свою «дружбу» в секрете.

— Ну, это уж пошел чистый вымысел. Хотя рациональное зерно в нем есть...

— Правда, с другой стороны, тот факт, что на протоколах инициалы Маллара, а не Пеллерена, свидетельствует в пользу именно Маллара — Пеллерен стремился бросить на него тень и прибегнул к самому простому маневру.

— Если только это не двойной блеф. Оба на это способны.

— Вообще-то,— заметил Баум,— не так уж важно, который из двух передал протоколы. Просто любопытно бы узнать.

— Слушай,— сказал Жорж Вавр,— до парада всего пять дней, а у нас, кроме невнятных догадок, нет ничего. Ты как себя чувствуешь в связи с этим, а?

Баум ответил широкой улыбкой:

— Как я могу себя чувствовать? Ужасно! Но я полон надежд. Энергичен. В хорошей форме. И постараюсь отдел не подвести.

— Мое дело — шпионов ловить,— сказал Вавр.— В политике я ни бум-бум. Я и не выдаю себя за знатока. Объяснил бы ты мне, Альфред, за пять минут простыми словами, что этот Хемминг, как ему кажется, делает?

Баум покачал головой. Они снова сидели в кабинете Вавра — это было на следующее утро, в среду, 2 сентября.

— Я сам — политический невежда,— возразил он.— Мне бы кто объяснил, что, собственно, происходит.

— Но мне интересна твоя точка зрения. Чтобы сравнить с моей.

Баум задвигался на стуле и уставился куда-то за спину Вавра, в открытое окно, будто из зашторенных окон здания напротив на него должно было снизойти вдохновение.

— Прежде всего,— начал он,— надо принять во внимание прошлое этого человека. Кто он? В университете учился блестяще. Но провинциален и не способен широко смотреть на мир, на общество; несоответствие желаемого действительному его раздражает. Я бы сказал — типичный американский провинциал, для которого вечную загадку составляют и буйство, невоздержанность людей из третьего мира, и хитроумные изыски и сомнения европейцев — он ничего этого не терпит, ему-то всегда все ясно. Поместите такого человека в перенасыщенную секретами и интригами атмосферу, какая обычна для Ливана, Черной Африки, Латинской Америки, и подержите его там некоторое время — что из него получится? Профессиональный конспиратор. Заговорщик. Враг демократии, потому что он никогда ее и не видел в действии, зато строго судит за компромиссы, отступления и прочие мелкие грешки, столь свойственные европейским демократиям. К тому же он развращен властью и деньгами, которые предоставляют ему те организации, на которые он работает. Вот таким, я думаю, был Рольф Хемминг, когда он появился в Париже в конце 1975 года. Провинциал, который многому научился, приобрел даже некоторый лоск, но мышление свое изменить не сумел.

— Пока убедительно...

— А тут он внезапно увидел самую циничную, самую конформистскую из всех западных демократий. Она привела его в ужас: подумать только, мы допустили существование огромной и агрессивной коммунистической партии! Социалисты, идеология и тактика которых ему абсолютно чужды, заигрывают, на его взгляд, с коммунистами. Левые с каждым годом завоевывают позиции. Среди правых неразбериха и вечные перебранки. Все кругом ищут политических выгод, пренебрегая моралью. А уж в морали и нравственности этот тип силен. Подобно Даллесу, он уверен, что нравственная миссия Соединенных Штатов — уничтожить антихриста, то есть коммунизм. И он убежден — третий мир его убедил,— что подобные вещи делаются тайно. Конспирация против конспирации. Жестокость — за жестокость. В философской проблеме насчет того, возможно ли достичь высокой цели низкими средствами, ему нипочем не разобраться.

— Неплохая теория...

— Спасибо. Я стараюсь, но я ведь не профессионал. Итак, столкнувшись с обычным французским конформизмом, что должен был подумать этот человек? Что нам в нашей борьбе с коммунистической заразой не хватает единства цели. Надо бы скомпрометировать левых. Добиться этого тайными методами, никак не обнаруживая себя. Организовать какие-то акции. Для него это оказалось проще простого. С правыми маньяками он и раньше имел дело и знал: чтобы от злобных выкриков возле какой-нибудь синагоги они перешли к эффективной и напряженной кампании террора, им понадобятся только деньги и четкое руководство. А также вера в то, что Соединенные Штаты Америки их поддерживают. Вот это он им обеспечил.

Тактика у него проста и по-своему даже элегантна. Мишени олицетворяют существующий порядок — стало быть, атаки на них припишут левым, у них дурная репутация. Он уверен, что наше общество настолько плохо разбирается в политике, что непременно соединит мысленно взрывы с коммунистами и социалистами. Чтобы эти акции все же не приписали правым, он заручился прямой поддержкой людей, которые всегда найдутся среди высокопоставленных чиновников, тех, кого привлекает правый экстремизм, а если проще говорить — диктатура. Префект полиции в его схеме, несомненно, был ключевой фигурой. А заодно и Амбруаз Пеллерен. Были наверняка и другие, но не о них сейчас речь.

Что же касается этого отребья — всяких там Рене, Ингрид, Жан-Полей с их бомбами и автоматами, они, без сомнения, уверены, что готовят контрреволюцию, которая приведет к власти фашизм. Выходит, сам Хемминг использует их, чтобы только слегка образумить слишком вольный, на его взгляд, нынешний режим, но его головорезы, а вместе с ними и префект, и прочие чины мечтают вернуть времена маршала Петена и Пьера Лаваля. Вот как бы я все это объяснил.

— Друг мой, отлично! Убедительно! А как ты полагаешь — ЦРУ и Белый дом в курсе дела?

— Представления не имею!

Вавр взглянул на часы:

— Пошли к президенту, доведем до его сведения минимум того, что могли бы порассказать.

Пока под разрисованным потолком, овещенным роскошными дворцовыми светильниками, президент внимал тому, что докладывал ему Вавр, Баум скромно сидел в сторонке. Вэллат, изможденный и непроницаемый, проводив их сюда, удалился, похоже, с некоторой даже радостью. Президент нетерпеливо барабанил пальцами по столу и смотрел на посетителей с плохо скрываемым раздражением. Он явно рассчитывал задать им трепку, но Вавр, солидный и малоподвижный, казалось, этого просто не замечал. Говорил спокойно, доверительно, с видом человека, который всегда и везде говорит одну только правду, ничего, кроме правды. Однако то, что он

[1] По всем предметам с отличием (**лат.**).

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

в данный момент втолковывал президенту, было не совсем правдой, а местами и совсем не правдой.

— В ближайшие двое суток мы проведем ряд арестов, и это положит конец взрывам,— говорил он мягко.— На избирательной кампании это скажется положительно...

Президент молчал.

— Одного человека мы уже арестовали,— продолжал Вавр,— и он дал показания. Не такие подробные, как бы нам хотелось, но полезные. Кроме того, мы проследили связь между главарями преступной группы и одним человеком, о котором, я полагаю, вам, господин президент, следует знать побольше. Однако, прежде чем назвать его имя, хочу предупредить, что мы ничего не предприняли, чтобы пресечь его деятельность, поскольку находим это нецелесообразным. Судите сами, господин президент.

Он приступил к краткому и местами правдивому описанию деятельности Рольфа Хемминга.

— Смею предположить,— закончил он,— что вряд ли вы захотите предать это дело гласности. Что касается нас, оно вообще вне компетенции контрразведки.

Если президент и был удивлен, то никак этого не показал. Последовала долгая пауза.

— О роли Хемминга не говорилось нигде за пределами этих стен,— негромко произнес Вавр.— Ни наш министр, ни полиция ничего не знают.

— Вы сказали — двое суток? — резко спросил президент.

— Двое с половиной в крайнем случае,— не моргнув глазом ответствовал Вавр.

— Надеюсь, во время воскресного парада эксцессов не будет?

— Никаких оснований для беспокойства, господин президент!

— Благодарю вас. Держите меня в курсе через Вэллата...

— Опасное обещание, Жорж! — промолвил Баум, когда они спускались по лестнице.

— Я верю тебе, дружище. Иначе как бы я обещал?

Вечером премьер-министр Франции получил шифрованный телекс. Советник президента США по безопасности по-приятельски интересовался, достигнуты ли результаты — и какие именно — по тем вопросам, которые затронул во время своего пребывания в Париже доктор Киссинджер. А также каковы настроения в правительственных кругах по поводу предстоящих выборов — в американской прессе приведены данные опросов, где прогнозируется, что 55 процентов голосов будет отдано социалистам и коммунистам, причем перевес коммунистов возрастает. Тот факт, что запрос исходил непосредственно из офиса американского президента по телексу, а не по обычным дипломатическим каналам, не укрылся от

внимания премьер-министра. Целых десять минут он беседовал по этому поводу с президентом республики, после чего тот, окончательно взбесившись, приказал Вэллату немедленно вызвать американского посла.

Посол, который получил копию телекса из Белого дома, понял, почему его вызывают столь поспешно. Покинув званый ужин в посольстве, он отправился на машине, специально присланной за ним, в расположенный по соседству Елисейский дворец. Президент через стол бросил ему телекс.

— Я в курсе дела, господин президент,— сказал посол.

— Прочтите еще и это!

Посол посмотрел протянутую ему последнюю сводку нью-йоркской фондовой биржи и не нашел, что сказать.

— Господин посол! — произнес президент неприязненно.— Будьте любезны информировать госдепартамент, а возможно, и самого президента Соединенных Штатов, что Франция все еще является суверенным государством. Высоко ценя дружеский интерес к нашим делам, никакого вмешательства в эти дела мы терпеть не намерены. Видимо, кто-то в Вашингтоне, плохо разбираясь в вопросах европейской политики, надоумил президента посоветовать французскому правительству принять административные меры против левых. Нам остается только надеяться, что подобные советы впредь не повторятся. Я разочарован, господин посол, в своих надеждах, что вы как государственное лицо разъясните вашему правительству суть нашей политики.

Он поднялся в знак того, что встреча окончена, и посол, помедлив чуть-чуть — его сознание было несколько затуманено немалым количеством выпитого за ужином, не говоря уж о двойном бурбоне до ужина,— откланялся.

Когда утром в среду открылись нью-йоркские банки (то есть в пять утра по французскому времени), выяснилось, что франк резко упал. Банковские круги выразили глубокое беспокойство по поводу нестабильной обстановки во Франции. Клиентам, имеющим коммерческие и финансовые интересы в этой стране, советовали проявлять максимальную осторожность. В течение дня курс франка опустился еще ниже. Того же ожидали в Лондоне, Цюрихе и в самом Париже. Напряженное ожидание катастрофы само по себе способствовало ее приближению.

ГЛАВА XV

В среду в районе Жавель практически ничего не происходило. К обеду все были готовы: цветочница расположилась у метро, влюбленная парочка грелась на солнышке на мосту Мирабо, остальные разглядывали журналы возле киосков, изучали товары в витринах. Неприметные люди обходили здешние лавки и магазинчики, показывая фотографии Ингрид, Рене и Жан-Поля.

Кто-то сообразил, что надо опросить кассиров метро и владельцев киосков, тех, кого заменили сотрудники ОТО, но найти их оказалось невозможно — разъехались, пользуясь нежданной свободой, оставалось только сожалеть, что не вспомнили об этом раньше.

В семь вечера радиооператор, сидевший в машине, доложил на улицу Соссэ, что докладывать, собственно, не о чем и что явилась другая смена. Сообщение передали Бауму, который решил до субботы ночевать у себя в кабинете и был озабочен, что бы такое привезти Эстелле в Версаль в качестве искупительной жертвы. Может, медный котелок для приготовления рыбных блюд — недавно она видела такой у одной приятельницы и одобрила? Дороговато, конечно, но идея неплохая.

Во вторник владелец «Марии-Луизы», назвавший себя Бруно, ночевал на борту и, отправившись за утренней газетой в ближайший киоск, обнаружил, что там сидит другая женщина, к тому же не привыкшая торговать: она не сразу сосчитала, сколько ему положено сдачи.

— А где хозяйка? — осведомился он.

— Поехала на несколько дней в Нормандию, кажется, тетушка у нее заболела.— Сотрудница отдела была готова к подобным вопросам, ответ прозвучал вполне естественно. Это успокоило Бруно, и он вернулся на судно, не обратив внимания на парочку, которая прохаживалась по набережной: молодые люди были заняты только друг другом. Это был Люк — тот, что несколько недель назад принимал участие в операции в Булонском лесу и потом неудачно преследовал Ингрид после ее визита в клинику. Зато теперь он наслаждался обществом хорошенькой машинистки по имени Шанталь — ямочки на щеках и веселые зеленые глаза этой особы служили постоянной темой разговоров в отделе. Кроме них, поблизости находился еще один сотрудник — его Бруно тоже не заметил: инспектор, стараясь действовать не слишком заметно, опрашивал докеров, показывая им фотографии. Вот тут наметился первый успех: сразу трое опознали Ингрид.

— Красотка, ноги хоть куда,— высказался один из них.— Только уж очень нос задирает, не подступись.

Инспектор настаивал, чтобы они вспомнили поточнее, когда встретили ее, но ничего более определенного, чем «вроде неделю назад», не получил. А куда она шла? Вниз по ступенькам, а потом вдоль берега направо. А может, и налево. Обратно вернулась? Нет, никто не видел, чтобы она поднималась на мост.

Информация была тщательно записана инспектором в блокнот и спустя полчаса передана Бауму.

— Это позволяет сократить место поисков,— сказал он инспектору Алламбо.— Вот тут надо искать — где выселенные дома и разные лодки на причале. А подняться она могла чуть дальше, на мост Гренель.

— Проведем облаву?

— Подождем. Не хочется опять действовать вслепую. Мне кажется, завтра что-то прояснится. В крайнем случае в субботу.

В шесть вечера цветочница у метро обратила внимание на стройную, с красивыми ногами молодую женщину, которая перешла улицу со стороны моста и, обойдя каменную балюстраду, спустилась в метро. И хотя волосы у нее были каштановые, лжецветочница все-таки не усомнилась, что она и есть та блондинка, что на фото, и сообщила об этом оператору в фургоне, но тот не успел предупредить дежуривших на платформах, а сами они не разглядели ее в толпе.

— Это подтверждает, что Мария-Луиза не покидала свое жилье,— сказал Баум, когда ему доложили о случившемся.— Я склоняюсь к тому, что эта девица и есть Мария-Луиза.

Пришла новая смена — ей предстояло проскучать всю ночь, поскольку ночью ничего не произошло. Следующий день — пятница — выдался таким же жарким и таким же пустым. Жизнь в квартале будто замерла, вынужденное безделье действовало на нервы всем, кроме Люка и Шанталь. Эта парочка очень даже неплохо проводила время.

— Ну чего ты на меня уставился? — кокетливо спросила Шанталь.— Если бы твоя Мирей увидела, ей бы это не понравилось.

— Она не увидит. А потом — я же только выполняю инструкцию. Нам велено изображать влюбленных — так ведь?

— Но ты слишком усердствуешь!

Они прогуливались под деревьями на авеню Эмиль Золя. Люк про себя решил, что если уж нарушать супружескую верность, то только вот с такой славной девочкой. Взяв в веселом — яркий пластик и металл — ресторанчике самообслуживания по гамбургеру и по чашке кофе, Люк и Шанталь после завтрака посидели на скамейке на солнечной стороне, разглядывая машины, прохожих и друг друга в легкой дымке расцветающей влюбленности. В середине дня рука об руку прогулялись по набережной, внимательно присматриваясь ко всему, что их окружало, но мысли их были поглощены совсем другим. Незаметно они оказались в той части набережной, где причалены лодки, служащие жильем. Люк пытался отыскать повод для продолжения новых и столь много обещающих отношений.

— Шанталь,— произнес он задумчиво.

— Что?

— Ничего. Просто так. Приятно звучит.

Она радостно засмеялась.

— Вот красивое имя.— Она прочитала название лодки.— «Ноэми». Немного старомодно, но красиво, да?

— Мирей говорит, что если у нас будет девочка, назовем ее Джоан. На американский манер.

Они приближались к мосту Гренель и как раз проходили мимо последней лодки.

— И вот старомодное имя — «Мария-Луиза»,— заметила девушка.— Мне нравятся двойные имена: Мария-Луиза, Анна-Мария...

Дойдя до моста, они пошли вверх по лестнице, и на верхней ступеньке Люк наконец решился поцеловать ее. Как раз в это время Бруно пробежал по лестнице вниз, пересек набережную и поднялся на борт «Марии-Луизы», открыв дверь своим ключом. Десять минут спустя появилась Ингрид — на ней был парик и темные очки, цветочница у метро на сей раз ее не узнала. Вскоре еще двое, порознь, спустились по лестнице у моста Мирабо и благополучно оказались на борту «Марии-Луизы». По пути никто их не заметил — сеть Баума снова не сработала.

Встреча членов штаба продолжалась около часа. Обсудили планы насчет парада, который будет в воскресенье, поговорили о том, как восстановить связь с Феликсом.

— На воскресную операцию с Сержем иду я сама,— заявила Ингрид.— Не могу никому ее доверить. Мы узнавали — стройплощадка завтра в первой половине дня будет открыта, так что пройдем туда спокойно.

— Оружие готово?

— Сегодня вечером Беранже принесет.

— Какого рода оружие?

— Миномет «Хочкисс-Брандт Коммандо» и несколько автоматов.

— Как же вы доставите на место миномет? Это сложно!

— Он весит всего восемнадцать фунтов. Серж пронесет его под видом каких-нибудь труб.

— А снаряды?

— Есть. Диаметром шестьдесят миллиметров, бьют на сто метров.

— Еще вопросы есть?

Вопросов не было.

— Итак,— заключил председательствующий,— пожелаем нашим товарищам удачи.

На набережную выходили по одному. И опять никто из многочисленных агентов Баума не опознал Ингрид и не обратил внимания на остальных — они растворились в толпе, спешащей по своим делам. Приближался жаркий уик-энд.

В полночь Баум попробовал поспать на узком и неудобном ложе, которое соорудили для него в соседней комнате. Уснуть ему, однако, не удалось, и, проворочавшись целый час, он вернулся к себе в кабинет и сидел там, перебирая карточки или просто обхватив голову руками, и думал, думал, думал. Ныло в боку — печень напоминала о себе.

Похоже, дело плохо. Прошла уже половина ночи с пятницы на субботу. До парада меньше полутора суток — тридцать шесть часов, а он все еще полагается на случай. Инициатива полностью ускользнула из его рук, теперь игрой правит леди Удача, а это такая ветреная особа... Если не произойдет нечто непредвиденное, то утром в воскресенье разразится беда. На обычную полицию, которая следит за порядком в толпе, рассчитывать нечего: ее функции чисто формальные. Если кому-то придет в голову напасть на участников парада из какого-нибудь укрытия, спокойно он это сделает. И даже если знаешь приблизительно, где это укрытие расположено, все равно ничего не предотвратишь — мишень слишком велика.

Он выпил холодный кофе и принял таблетку. Сходил в дежурку, полчаса проболтался там. Но сонный дежурный клевал носом и не расположен был к разговорам. Баум побродил по пустым коридорам, заглянул в комнату, где находится радиоаппаратура, потом пошел было в архив, но там оказалось заперто. Около трех он снова лег, не раздеваясь, сняв только ботинки, и провел часа три, перебирая в памяти события последних недель и пытаясь понять, где он ошибся и в какой именно момент, действуй он иначе, мог быть толк. Возможности, что с самого начала его действия были неправильны, он не допускал. Нет, ошибки ошибками, но в целом он прав. Да, но ошибки эти целиком на его совести...

В шесть Баум поднялся, сполоснул лицо холодной водой и побрился тщательно, насколько позволяли условия. Он был угнетен и опустошен. «Это просто депрессия, вызванная бессонной ночью,— сказал он себе.— В таких случаях помогает кофе покрепче. Сейчас выпью кофе и буду готов встретить день, который, возможно, окажется самым неприятным за всю жизнь».

Столовая открывалась только в восемь, он вышел и зашагал по улице мимо мусорщиков, громыхающих железными баками, мимо автомобилей, выстроившихся бесконечными рядами,— недалеко отсюда есть кафе, которое, он знал, уже открыто, там по утрам собирается весьма сомнительная публика. Он заказал большую чашку черного кофе, положил побольше сахару и, сделав несколько глотков, почувствовал себя лучше и постепенно приободрился: в конце концов не все потеряно. Впереди тридцать часов. Не так уж много, но достаточно, чтобы ситуация могла измениться...

Господи, ну почему удача отвернулась от него? Вернее — почему неудачи неотвязно преследуют его на этот раз? Девчонка, за которой так старательно следили, смылась, Жан-Поля тоже упустили. Удалось поймать Рене — так Ассар все погубил своей жестокостью и тупостью. Ну почему все так вышло? Может, фортуна просто недолюбливает контрразведку, не понимает, какую важную роль играет эта организация? Самое обидное: когда что-то начинало получаться, они своими руками все портили. И нет им никаких оправданий. Они — да что там они?! — он, он сам все проворонил! А теперь сидит и скулит, требуя от судьбы милосердия, помощи и удачи, которых он не заслужил.

«Ну-ка, соберись, Альфред,— приказал он себе, когда официант принес вторую чашку кофе и горячий круасан.— Хватит ныть, думать пора. Работы полно. Например, что предстоит сделать сегодня?»

Он вытащил из одного кармана лист бумаги, из другого шариковую ручку и набросал план по пунктам: 1, 2, 3... Потом подозвал официанта, расплатился и зашагал обратно на улицу Соссэ. Теперь он полностью пришел в себя и был готов к бою.

Перевела с английского Элла НИКОЛЬСКАЯ.

Продолжение следует.

Детский уголок

Рубрику ведет
Григорий ОСТЕР.

Рената Муха и Вадим Левин живут в Харькове. Стихи для детей пишут вместе и врозь. Как получится. А в свободное от стихов время учат учителей. Оба они доценты, кандидаты наук: Рената Муха — филологических, Вадим Левин — психологических.

Вместе они проводят занятия с детьми и учителями, не один год уже прилагают усилия, чтоб избавить советскую педагогику от догм и вранья. Учителя учителей убеждены, что ребенок только тогда развивается в общении со взрослым, когда взрослый развивается в общении с ребенком. Они придумывают такие игры, темы общения, ищут такой материал, чтобы детям было интересно со взрослыми. Вот обратите внимание на двустишия Ренаты Мухи под заголовком «Начало следует» и, если найдете время, попробуйте вместе со своими детьми придумать короткие истории к этим концовкам.

Рената МУХА

ПРОВОДЫ

Спокойной походкой
Идет по перрону
С большим чемоданом
Большая Ворона.
А рядом с Вороной,
Чуть сзади и сбоку,
Ее провожая, шагает Сорока.
И все б это было
Совсем хорошо,
Если б их поезд
Давно не ушел.

НАЧАЛО СЛЕДУЕТ

НЕСКОЛЬКО ОКОНЧАНИЙ К НЕРАССКАЗАННЫМ ИСТОРИЯМ

...И это для Дятла такая наука,
Что он никуда не заходит без стука.

...Вот так он узнал, что бывают на свете
Такие плохие и грубые дети.

...С тех пор этот Сом поселился на дне
И шлет телеграммы и письма родне.

...Только с этих пор на дрожжи
Не могу смотреть без дрожи.

...Теперь, покинув логово, живет один заброшенный
И ждет от жизни многого, но ничего хорошего.

...Ушел он в себя, и вполне вероятно,
Что он не захочет вернуться обратно.

...Ну не плачь, сказала Мышка.
Все равно кастрюле крышка.

...А там он питается разными кашами.
По-моему, так хорошо. А по-вашему?

...И в поисках соли весь дом перерыв,
Пришел в магазин он, а там — перерыв.

...Пожалуйста, я откажусь от короны.
А можно сначала доесть макароны?

...Тогда Осьминог подошел к Осьминогу
И в знак уваженья пожал ему ногу.

...У Лужи за домом работа простая:
Зимою — замерзнуть, а летом — растаять.

...Я никогда не видела Окружности
Такой безукоризненной наружности.

...Чуть-чуть похудеть захотелось Скелету,
И он ради этого сел на диету.

...Жила на свете Колбаса Вареная,
Сама собой неудовлетворенная.

...Вчера Крокодил улыбнулся так злобно,
Что мне за него до сих пор неудобно.

Рената МУХА
Вадим ЛЕВИН

ПОХВАЛЬНАЯ ПЕСЕНКА О ЛОШАДИ

Очень простое животное — лошадь:
С виду мила и характер хороший.
Лошадь
За стол никогда не садится.
Лошадь
В постель никогда не ложится.
Ест она
Стоя.
И спит она
Стоя.

Лошадь — животное очень простое.

ИМПЕРАТОРСКИЙ МАРШ

Однажды император
(Он в детстве был пиратом),
Известный император
Воинственной страны
Командовал парадом
(Не взводом, не отрядом),
Командовал парадом,
Забыв надеть...
Очки.

Но он не впал в отчаянье,
Не закричал в отчаянье,
Не убежал в отчаянье,
А по совету принца
Пустячную случайность,
Ничтожную случайность,
Нелепую случайность
Возвел в державный принцип.

Он выстроил министров,
Наряженных министров,
Заслуженных министров
И приказал премьеру:
«Пускай министры быстро,
Пускай сейчас же быстро,
Пускай снимают быстро
По моему примеру!»

С тех пор, надев награды,
Хоть рады, хоть не рады,
Всегда, на все парады
Министры той страны,
И с ними император,
Премьер, и император,
И принц, и император
Выходят,
Сняв...
Очки.

ПЕСЕНКА О ВАРЕНЬЕ

Уселась муха
Есть варенье.
Но вдруг
Паук
Как прибежит!—
Испортил мухе
Настроенье
И перебил ей
Аппетит.

ПЕСЕНКА ДОМОВОГО

В девятиэтажном доме
На десятом этаже
Никого не селят,
Кроме —
Никого не селят,
Кроме —
Никого не селят,
Кроме
Тех, кто там живет уже.

ИСПУГАННАЯ ПЕСЕНКА СЛОНЕНКА

Мы с мамой в Африке живем,
А в джунглях жизнь
Не шутка!
Там страшно ночью,
Страшно днем,
А в промежутках
Жутко.

Перерыв

Вадим ЛЕВИН

НЕНАПИСАННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ КРОЛИКА

В немом восхищенье гляжу
я на змея
И все удивляюсь в душе:
Неужто все шея,
И шея,
И шея,
И шея,
И шея,
И ше...

СЧИТАЛОЧКИ

МЫШКИНА	КОШКИНА
Раз, два,	Кошки,
Три, четыре.	Мышки,
Сосчитаем	Кошки,
Дыры в сыре.	Мышки,
Если в сыре	Кошки,
Много	Мышки,
Дыр,	Кошки,
Значит,	Мышки,
Вкусным будет	Кошки,
Сыр.	Мышки,
Если в нем	Кошки,
Одна	Мышки,
Дыра,	Кошки,
Значит, вкусным	Кошки,
Был	Кошки...
Вчера.	Кошки...

БАЛЛАДА О ТРЕСКЕ

Тра-ля, ля-ля,
Тра-ля, ля-ля,
Послушай, милая моя.

Мне жаль теленка потому,
Что нет ему житья от мух.
Поет он:
— Му!
Как много му!
Как много мне досталось мук!
Тра-ля, ля-ля,
Му-му, му-му,
Я так сочувствую ему.

Барашек тоже не в себе:
Рагу сегодня на обед...
Поет он:
— Бе!
Как много бе!
Как много мне досталось бед!

Тра-ля, ля-ля.
Бе-бе, бе-бе,
Я плачу о его судьбе.

Однако хуже всех треске,
Когда плывет она в уху,
Хвостом виляет
И в тоске —
Ни бе ни ме и ни гугу...

Тра-ля, ля-ля,
И ни гугу,
Я это видеть не могу.

БАЛЛАДА О РЫБАКЕ БЕЗ РЫБКИ

— Что ты ловишь, рыбак?—
Я спросил старика.
— Не подаришь ли дюжину рыбок?
— Ах,— ответил чудак,—
Я бы рад, но пока
Не поймал я бычка,
не попалась треска —
Только стайка печальных ошибок.
Ничего, кроме горьких ошибок...

До чего же мне жаль старика!

— Ах, рыбак, ах, чудак!
Твой улов невелик.
Не продашь ли мне пару ошибок?
— Невелик, это так,—
Отвечал мне старик,—
Но ошибками я торговать не привык,
Подарю тебе пару улыбок,
Пару тихих, печальных улыбок...

До чего же нелепый старик!

СЛОН И ЛОШАДЬ

Жила-была Лошадь. Она дружила со Слоном. Слон работал в цирке. Его все любили.

И вот они пошли гулять по улице. А там — объявление, и на нем портрет Лошади.

— Это ты? — спросил Слон.

— Это не я,— ответила Лошадь.— Это моя знаменитая тезка, чемпионка. Она побеждала на всех скачках.

— Это интересно,— сказал Слон.— А что такое «скачки»?

— Ну, ты видел, как дети бегают наперегонки?

— Да, я видел,— сказал Слон.

— Скачки — это то же самое. Только бегают лошади,— объяснила Лошадь.

— Лошадиные дети? — спросил Слон.

— Лошадиные взрослые,— ответила Лошадь.

— Очень интересно,— сказал Слон.— Просто очень. Я хотел бы посмотреть.

— Тогда пойдем на ипподром и посмотрим.

Но контролер у входа на ипподром спросил у Лошади:

— А это кто?

— Он со мной,— ответила Лошадь.

— Со слоном нельзя,— сказал контролер.

— Но я с ним дружу!

— Все равно нельзя,— сказал контролер.

— Он работает в цирке!

— Ну и что? — спросил контролер.

— Его все любят!

— Это не имеет никакого значения,— сказал контролер.— Со слонами нельзя.

— А с лошадьми можно? — спросил Слон.

— С лошадьми можно,— ответил контролер.— Здесь ведь ипподром, а не цирк.

— Она со мной,— сказал Слон и прошел на ипподром.

Рисовал Валерий ДМИТРЮК.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Художник и общественный деятель, живший во Франции, автор рисунка «Голубь мира». 6. Смычковый музыкальный инструмент. 9. Областной центр на Украине. 10. Система расстановки знаков препинания. 14. Река в Якутии. 15. Пушное животное, обитающее под землей. 17. Древнегреческая эпическая поэма. 18. Участок с различными сооружениями для самолетов, вертолетов. 19. Русский естествоиспытатель, открывший Заалайский хребет на Памире. 20. Крестьянские сани без кузова для перевозки грузов. 22. Широкий низкий диван. 23. Мост через овраг, ущелье. 27. Вязь из двух или более букв. 28. Здание в Ленинграде, выдающееся произведение архитектуры. 31. Одна из крупнейших малых планет. 32. Хищная птица семейства соколиных.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Предприятие общественного питания. 2. Стихотворение В. В. Маяковского. 4. Роман Ж. Санд. 5. Высокий декоративный кустарник с душистыми цветками. 7. Высушенная кора некоторых тропических деревьев семейства лавровых, пряность. 8. Значок на форменном головном уборе. 10. Условное имя автора или артиста. 11. Народная артистка СССР, выступавшая в Малом театре. 12. Парусная плоскодонная рыбачья лодка на Черном море. 13. Государство в Северной Африке. 15. Кисло-молочный напиток. 16. Плотная хлопчатобумажная или шелковая ткань с мелкими рубчиками. 21. Город в Чехии. 24. Одна из координат, определяющая положение точек на поверхности Земли. 25. Вид боеприпасов для стрельбы. 26. Государство в Вест-Индии. 29. Конструктор вертолетов, Герой Социалистического Труда. 30. Слово или оборот речи в переносном, иносказательном смысле.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Алфавит. 7. Трейлер. 8. Фрондибола. 10. Песец. 11. Исеть. 14. Европа. 15. «Антар». 16. Горка. 17. Купюра. 18. Глава. 19. Данте. 21. Лусака. 22. Балет. 26. Орден. 27. Республика. 28. Гиацинт. 29. Пластов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Хлорелла. 2. Кварц. 3. Кегли. 4. Генетика 6. Тюнг. 7. Туба. 8. Фейхтвангер. 9. Аспирантура. 12. Перкаль. 13. Магадан. 18. Гераклит. 20. Ефрейтор. 23. Тенин. 24. Япет. 25. Шлюп. 26. Оклад.

ДАЙТЕ НАМ ШАНС СЭКОНОМИТЬ ВАШИ ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ!

ОБЪЕДИНЕНИЕ «МММ» ПРЕДЛАГАЕТ:

КОМПЬЮТЕРЫ, СОВМЕСТИМЫЕ с IBM PC/AT, XT С ЛЮБОЙ ПЕРИФЕРИЕЙ И ОРГТЕХНИКУ. А ТАКЖЕ ШИРОКИЙ ВЫБОР ДИГИТАЙЗЕРОВ, ПИШУЩИХ МАШИНОК, ЭЛЕКТРОННЫХ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК, КАЛЬКУЛЯТОРОВ И Т. Д.

БЕЗ ПРЕДОПЛАТЫ.

ОПТОВЫМ ПОКУПАТЕЛЯМ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ СКИДКА.

ВЫ ВИДЕЛИ ГДЕ-НИБУДЬ БОЛЕЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ? МЫ ПРОДАДИМ ЕЩЕ ДЕШЕВЛЕ!

КОМПЬЮТЕРЫ

IBM PC/AT-286 — 44 000 руб.
IBM PC/AT-386
(Винчестер 120 МБ. ОЗУ 4МБ. 25 МГц) — 107 000 руб.

ПЛОТТЕРЫ

(графопостроители)
Формат А3 — 31 500—33 000 руб.
Формат А1 — 107 000 руб.

ЛАЗЕРНЫЕ ПРИНТЕРЫ

Формат А4
«LASERJET II P» — 51 000 руб.
«LASERJET III» — 85 000 руб.

КСЕРОКСЫ

Формат А4
«SHARP Z-50» — 28 000 руб.
«CANON FC-2» — 30 500 руб.
Формат А3
«RICOH M 100» — 62 000 руб.
«CANON 1215» — 80 000 руб.

ТЕЛЕФАКСЫ

«MURATE-M5»
и *«FI»* — по 21 500 руб.

АВТООТВЕТЧИКИ

«PANASONIC» — 7750—8000 руб.

ТЕЛЕФОНЫ

«PANASONIC» — 3400 руб.

Адрес: 109518, Москва, ул. Газгольдерная, 10 (проезд: метро «Текстильщики», автобусы 29, 725 до остановки «Вычислительный центр»). Телефоны в Москве: 171-03-97, 173-44-15, 171-13-81, 171-06-90.

У «МММ» НЕТ ПРОБЛЕМ!

АГЕНТСТВО СТОЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЙ тел. 450-67-88, 412-95-06.

1 руб. Индекс 70663